

A detailed black and white architectural sketch of a town. The scene is viewed from an elevated, slightly tilted perspective. In the foreground, a person is walking away from the viewer on a cobblestone street that leads into a narrow alleyway between buildings. The buildings are rendered with intricate line work, showing windows, doors, and textured walls. Some buildings have gabled roofs, while others have flat roofs. The background shows more buildings and a small boat on a body of water. The overall style is that of a hand-drawn architectural study or a conceptual drawing.

Марина Белякова

СТАТЬ
АРХИТЕКТОРОМ!

Марина Белякова

Стать архитектором!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43722813

ISBN 9785005036667

Аннотация

Книга позволит окунуться в завораживающий мир архитектуры. Действие происходит в России, в настоящее время, а также в 90-х годах прошлого столетия, в детстве главной героини, куда она попадает в своих воспоминаниях. Параллельно там разворачивается самостоятельная история, в которой участвуют ее родители. Герои романа – архитекторы разных поколений в разные периоды их жизни. У них нелегкие судьбы, но все они замечательные люди, преданные своей профессии, умеющие по-настоящему дружить и любить.

Содержание

ГЛАВА 1. ЛЕЙЛА ВСПОМИНАЕТ...	6
ГЛАВА 2. САША	16
ГЛАВА 3. МАРША	18
ГЛАВА 4. АНТОН	28
ГЛАВА 5. БАРХИН И МАРША	38
ГЛАВА 6. ЛЕЙЛА. ЗАЧЕТНАЯ НЕДЕЛЯ	48
ГЛАВА 7. МАРША. ДОМ	60
ГЛАВА 8. ДЕНЬ ЛОШАДОК	72
ГЛАВА 9. МАРША. АРХИВ	82
ГЛАВА 10. АНТОН. САША. БАРХИН	91
ГЛАВА 11. МАРША. ОШИБКА	106
ГЛАВА 12. АНТОН. БОЛЬНИЦА	123
ГЛАВА 13. НЕМЕЦКИЕ АРХИТЕКТОРЫ	133
ГЛАВА 14. АНТОН. ЛЕЙЛА. САНАТОРИЙ	142
ГЛАВА 15. САША. ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ЛЕЙЛЫ	154
ГЛАВА 16. ДЛИННОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ	172
ГЛАВА 17. МАРША. ЛЮБОВЬ	188
Конец ознакомительного фрагмента.	192

Стать архитектором!

Марина Белякова

Особо благодарю:

Корректор Мария Вовченко

Дизайнер обложки Мария Вовченко

© Марина Белякова, 2020

© Мария Вовченко, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-0050-3666-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Татьяну Негодаеву (Гурьеву) – за ее невероятное творчество и возможность украсить чудесным стихами этот роман.

Вовченко Марию – за поддержку, мотивацию, и неоценимую помощь в подготовке книги к печати.

Кубрина Дмитрия – за вдохновение.

Романовича – за Женьку Бархина.

Моей дочери

ГЛАВА 1. ЛЕЙЛА ВСПОМИНАЕТ...

Самым первым воспоминанием в жизни Лейлы был день, когда на стройке упал кран.

Пришел отец и взволновано что-то сказал маме. Мама вскрикнула и заплакала. Потом они долго звонили по телефону, произносили незнакомые слова «консоль» и «жертвы».

Умер Савицкий Николай Олегович. Лейла так и думала, что кран упал на него. Потом родители быстро оделись и ушли, видимо, полагая, что Лейла спит. Был поздний вечер, почти ночь. Лейла не спала и не хотела. Она слезла с кровати и пошла к окну. Потом забралась на подоконник и долго-долго так стояла. «Ветер раскачал стрелу, никто даже не понял, как это произошло». Испуганные и изумленные родители, вернувшись, застали ее на подоконнике, неподвижно стоявшую, смотрящую в окно. В следующий раз ее еле нашли в коробке из-под только что купленного телевизора. Она забралась туда вместе с вязаной шапочкой, своей любимой игрушкой, и уснула. После этого случая ее никогда не оставляли дома одну.

«Я хотела спрятаться в темное, замкнутое пространство, нашептывала Шапочке свои фантазии. У нее были пришиты

две веревочки, мне представлялось, что это ножки, бубон – лицо. Белое такое личико с доброй улыбкой. Шапочка мягкая, теплая, пахла вкусным».

– Лейла, моя хорошая! Посмотри, какой котенок!

Он прожил с Лейлой совсем недолго, он тоже был теплый и мягкий. Лейла восторженно обнимала его, котенок орал, а она, не понимая предела, еще сильнее сжимала хрупкое тельце. Когда котенка, из страха за его жизнь, отдали хозяевам, Лейла долго грустила, не разговаривала. Нарисовала на большом листе стаю летящих аистов, которые в клювах, в сетке, уносили серого полосатого котенка. «Шапочка, котенка унесли аисты, белые аисты, ветер раскачал стрелу, аистам не страшен ветер. Котенок может замерзнуть, но на нем теплая шубка».

Потом заболела мама. Она все время лежала, смотрела на Лейлу грустными глазами. Лейла грела ей на батарее шарфик и укрывала ноги. Мама улыбалась и гладила ее по голове. «Какая ты хорошая. Что бы я без тебя делала!». Папа был худой и усталый, приходил домой поздно. Подолгу сидел рядом с мамой, держал за руку, уверял, что все будет хорошо. Однажды он сказал Лейле: «Она не должна была при этом присутствовать. Такой стресс!».

Потом маме стало лучше. Они с Лейлой ходили на прогул-

ку и смотрели в большом киоске на мягкие игрушки. За стеклом в разных позах красовались пупсы в детской одежде, совсем как маленькие детки. Лейла спросила, нельзя ли ей купить такую игрушку. Тогда мама сказала, что скоро у нее будет настоящий живой братик.

Вечером Лейла рисовала папу, маму, котенка, аистов и себя, рядом с детской коляской. Она рассказывала Шапочке про братика, что он родится у мамы в больнице, будет жить вместе с ними и спать с Лейлой в маленькой кроватке. Или кроватку Лейлы отдадут братику, а Лейла поступит в детский сад и станет для него старшей сестрой. Шапочка молча слушала и улыбалась своей загадочной улыбкой.

– А когда он вырастет, мы пойдем с ним за ручку в школу, а все будут на нас смотреть и говорить: «Надо же, какие красивые дети у этой Александры!»¹.

Лейлу оформили в детский садик. Сначала там был карантин по краснухе. Потом наступили праздники, затем выходные. Лейла проводила все дни с папой.

Папа смотрел на нее долго, внимательно, нежно прижал к себе. «Что ты, моя хорошая, заросла так, не видно красивых глазок». Он посадил ее на письменный стол, взял маленькие ножнички и аккуратно, сантиметр за сантиметром,

---

¹ Подслушанная Лейлой фраза из книги Мануэля Пуига «Предательство Риты Хейворд» (прим. автора)

стал подрезать челочку, собирая волосы в подставленную ладонь. «Вот так, замечательно. Какая ты у меня красивая!».

– Папа, нарисуй мне лошадку!

Отец посадил ее на колени, стал рисовать лошадку.

– Вот, а это Лейла!

– Не Лейла. Где же у меня красные ботиночки?

– Действительно! Тогда, наверное, придется купить.

– А когда?

– Да что тянуть, давай завтра сходим на вещевой рынок.

Папа долго рассматривал ботиночки, Лейла молча ждала.

Он вздохнул и сказал:

– Не будет ли нас мама ругать, вдруг не угодим?

– Мужчина, причем тут мать, вы ребеночка спросите. Дочка, тебе башмачки нравятся?

– Очень!

– Видите, берите, не сомневайтесь!

– Да как-то несопоставимо дорого для детской обуви, – тихо сказал отец, потом махнул рукой и отсчитал нужную сумму.

Лейла сразу переобула ботиночки. Ноги в них так и летели. Захотелось подпрыгнуть и парить.

В садике ботиночки поставили в шкафчик, на котором нарисована черепашка в розовом чепце.

В детском саду работала Тетка. Тетка была толстая, некрасивая, с неровными красными намаженными губами, пахла котлетами и жареным луком. Ее лицо приближалось близко-близко – она смотрела в глаза Лейле.

– Почему не ешь? Открой рот!

Кусок булки с маслом заполнил все пространство, давил на горло. Кожаная горячая рука зажала рот Лейле. В глазах потемнело.

«Я думала, задохнусь, у меня даже в ушах такой гул стоял, вот еще чуть и все, просто потеряла бы сознание».

Папа долго не приходил.

– Мужчина, вы почему не предупредили, что у вашей дочери энурез? – Тетка торжественно протянула отцу полиэтиленовый мешок с мокрыми колготками.

– Простите, не понял, у кого?

– Дочь ваша? – спросила Тетка, указывая на Лейлу, которая, съездившись, сидела на уголке стула и сжимала в руках салфетку, сложенную кулечком.

– Эта девочка лишь слегка напоминает мою дочь...

Отец взял Лейлу на руки и всю дорогу до дома так нес, прижимая к груди. Вечером она немного отошла, играла с шапочкой, но не говорила и не рисовала.

Утром Лейла не хотела вставать, лежала, зажмурившись, сложив ручки на груди. Вся красная, будто с температурой.

– Ребенка нельзя оставлять дома одну, девочка своеобразная, даже не знаешь, что от нее ожидать. Надо срочно звонить, вызывать бабушку.

– Я увезу Лялечку к себе, как-нибудь разберемся. Там знакомые помогут, мне в своем доме проще, да и работаю я. Может отпуск дадут или б/с.

– Бабушка, что такое бэ-эс? Это деньги? Сдача?

– Нет, дорогая, это когда без денег и без сдачи. Просто не ходить на работу, а отдыхать.

У бабушки, в другом городе, был прекрасный низкий столик, назывался журнальный. На нем всегда лежали белая бумага, ручки, фломастеры. Можно в любой момент подбежать, сесть на маленький стульчик, нарисовать аистов, котенка и братика.

Лейла вспомнила, как они ходили на день города в центр. Бабушка покупала ей банан. А газовый шарик не покупала и почему-то все время переживала.

– Ну, очень дорого! Вот отдадим деньги, а он лопнет, давай, я тебе лучше еще чего-нибудь вкусенького куплю.

– Бабушка, я совсем не хочу шарик и на лошадке совсем не хочу. И бананчик не хочу. Давай домой пешком пойдем, через мост, посмотрим на перфископ.

– Моя хорошая, что же за жизнь проклятая, ребенку ша-

рик бабушка не может купить, мыслимое дело? Это же разорение чистой воды, четыре тысячи! А что ты там за перфископ присмотрела?

– Я его еще в прошлый раз заметила, помнишь, самолеты летали, как громко было! Просто ты не слышала, что я тебе рассказывала.

– Это когда репетиция праздника проходила, а мы на мосту оказались? Да, жуткая ситуация, какой грохот...

– Бабушка, вон перфископ, смотри!

– Да, что-то удивительное, так ты перископ имеешь в виду?

– Наверное, – Лейла засмушалась.

– У рыбок в брюшке скапливается воздух, поэтому они не могут погрузиться в воду и плавают на поверхности.

– Бабушка, а это что такое?

– Это кран.

– Кран?! Быстрее бежим, он сейчас упадет!

– Почему упадет? Не упадет!

– Упадет и нас убьет. Ветер раскачал стрелу!

– Это козловый кран, он не упадет, у него нет стрелы. Кран помогает разбирать мост, видишь, по нему машины не ездят: трещины в бетоне. Когда-то давно, лет тридцать назад, при строительстве надо было добавить немного мыла в бетон и этого бы не случилось. А мыла не добавили, но добавили соль, потому что торопились к празднику закончить и строили в морозы.

– Это что же, мыло такое полезное?

– Конечно, полезное, только «все хорошо в норме» – есть такая поговорка, надо его положить совсем немного, всего один процент. Знаешь, что такое процент?

– Н-е-е.

– Процент – сотая часть числа. Если любое количество чего-нибудь, ну вот этот песок, к примеру, разделить на сто равных кучек, то одна кучка, это будет один процент. И это касается совершенно всего.

– Ничего себе! И небо можно поделить на кучки?

– Наверное, можно, только не спрашивай, как?

– Почему не спрашивать?

– Просто я не специалист делить небо. Спроси меня о чем-то, что я знаю.

– А какой кран со стрелой?

– Вот там, смотри, на горке стройка.

– Он похож на жирафа!

В этот день Лейла рисовала рыбок с перископами во рту и с воздушными шариками в плавниках. Много строительных кранов, «стадо», как она назвала. Бабушка рассматривала художества, вздыхала, причитала, качая головой:

– Мыслимое ли дело, рисует с утра до ночи? Хорошо, что соседка уборщицей работает в проектной конторе, ватман приносит, чистый с одной стороны. Жалко, что на плохой бумаге эти шедевры останутся!

Лейла разбирала свои рисунки в поисках портрета. Ей на глаза попала работа с изображением глубокой ямы, на дне которой лежала девочка с косичками, в голубом платье. Сверху на листе неуверенной детской рукой было написано: ДЕВОЧКУ ЗВАЛИ НАДЕНЬКА. Ручки девочки неловко согнуты, тельце худенькое и безжизненное. «Надежда умирает последней».

Лейла, расширив глаза, смотрела на соседку, та поймала ее взгляд и отвернулась.

– Антон, идите, не беспокойтесь, мы с Лейлой будем у нас вареники лепить.

– Тётъ Люба, а какая Надежда умирает? Последней. А кто еще умирает?

– Да не бери в голову, это просто такая поговорка, о том, что люди надеются до конца. Тебе вареники сварить с вишенками или с творожком?

– С вишенкой, один.

– Один, придумала, ты только пробовать начни, за уши не оттащишь. Сама же делала.

– Ой, тётъ Люба! Что такое в вареничке?

Лейла выплюнула на ладошку десятикопеечную монету.

– Подарок тебе попался. Сюрприз, исполнение желания, чего ты хочешь? Все, что загадаешь, совершится.

– Чтобы мама вернулась!

- Ах, детка, все будет хорошо, обязательно!
- А где мама, тётечка Любонька?
- Она в больничке.
- Ой, за братиком, наверное, собралась!

Девочку звали Наденькой... Лейла невольно улыбнулась. Вспомнила, как представляла эту маленькую, больную, никому не нужную девочку Наденьку. Она подумала, что у нее ведь был еще другой рисунок из этой серии. Холмик, с крестиком, рядом женщина в темном платке. На могилке надпись: «Портал главного входа». Этого рисунка она не нашла. Наверное, родители забрали себе. «Портал главного входа». Так было написано на форматке в угловом штампе. Чертеж с ошибкой отдали Лейле, когда она с мамой пришла в институт, где работали родители. Надпись зачаровывала своей таинственной возвышенностью. Почему появился такой рисунок, Лейла уже не могла вспомнить. Наверное, это как-то было связано с произошедшей трагедией на стройке.

ГЛАВА 2. САША

Самое ужасное заключалось в том, что Саша почувствовала какое-то радостное облегчение, когда разрывающая боль, не совместимая с понятием жизни, на деле обозначающая разрушение ее самых светлых надежд, прекратилась, отпустила, будто и не было ее никогда. Как наступившая внезапно тишина.

Очень хотелось пить. Женщина из соседней палаты принесла большой красный грейпфрут, почистила от перегородок. Женщину звали Агаджанян. Фамилия Агаджанян, а имя Ира. Саша слышала, ее так медсестра вызывала.

– Это был мальчик, вы знали?

– Да, знали, угроза существовала все время. Но думали, самое страшное позади.

– У вас еще есть дети?

– Дочка Лейла, осенью исполнится пять лет.

– Это хорошо, не так страдать будете.

– Сейчас мне кажется, что теперь все по-другому, не так, как раньше. Невыносимая пустота в душе. Даже про дочку не могу думать. И ничего не хочу.

– Не можете, а надо.

– Мысли как-то уплывают, не получается сосредоточиться.

– Это от лекарств. Пройдет.

Саша легла на бок, зажала зубами подушку и заплакала. Вернее, слезы полились из глаз, так свободно, без усилий. Как будто вымывали всю горечь изнутри. Она уснула. Сон был глубокий от успокоительных уколов и снотворных. Ей снились голоса, зовущие ее: «Саша, Саша!» и прозрачные розовые и зеленые шары, похожие на мыльные пузыри.

Она почему-то не представляла себе, как посмотрит в глаза Антону. А он пришел, когда она спала, сидел тихо и ничего не говорил, а что тут скажешь? Никто и не виноват, просто несчастье. И каждый с ним один на один.

– Как там Лейла? Знает?

– Не пойму, я ей не говорил впрямую. Но она будто что-то чувствует, грустит, про тебя спрашивает, рисует все время. Днем с ней Люба, пока я на работе или здесь, в больнице.

– Любин отпуск мы загубили окончательно. Она так никуда и не поехала, не получилось, как планировала.

– Не волнуйся, она слышать не хочет о моих сожалениях. Говорит, даже хорошо, что отпуск пришелся на это время, и она нам помочь может.

Они разговаривали про Лейлу, про Любу, про работу, не касаясь главного. Жалели друг друга.

Когда Антон ушел, Саша опять затосковала и нестерпимо захотела домой, к маленькой Лейле.

ГЛАВА 3. МАРША

Рядом со стройкой стоял вагончик. Дверь была приоткрыта. Деревянные мостки, по которым удалось добраться до него, раскачивались.

– Антона Круглова? Это вам вон туда в одноэтажный флигель, в самый конец коридора.

Марша повернула в обратный путь. Дождь вроде прекратился, но идти по мокрым доскам было скользко. Она шла медленно, чтобы не оступиться. Мимо сновали рабочие, норовя невольно столкнуть ее в грязь.

Одноэтажный флигель оказался совсем рядом. Это было старое здание послевоенной постройки с гипсовой лепниной, окрашенное желтой фасадной краской. На входной площадке в помпезном вазоне доцветали яркие настурции. Приоткрыв массивное деревянное полотно, Марша увидела коридор с окном в торце. Она прошла вперед. Слева раскрылся небольшой холл с единственной дверью. На табличке красивым шрифтом от руки было написано «Архитектор Савицкий». Вдоль стены выстроилось несколько офисных стульев и журнальный стол с доской для игры в нарды. Марша внутренне уверилась, что ей нужно именно сюда, но постучать сразу не решилась, надо было собраться с мыслями и как-то настроиться.

Мимо проскользнула молодая сотрудница, дернула закры-

тую дверь и спросила:

– Антон Григорьевич куда-то ушел?

– По-видимому, да.

Девушка упорхнула в обратном направлении. Теперь, по крайней мере, Марша знала, что в кабинете никого нет, и Антон Григорьевич, действительно, работает здесь. Она рассматривала надпись «Архитектор Савицкий», странно, Антон Григорьевич – вроде Круглов. Ну да ладно, что голову ломать, все со временем прояснится.

Сегодня был долгий, эмоционально наполненный день. Ранним утром она сошла со ступенек плацкартного вагона. Дождливо и неприветливо встретил ее город, до этого не знакомый и совершенно для нее не важный. А вот теперь он станет ее гаванью. Станет ли? Настроение стремительно падало.

В вокзальном помещении было сухо и тепло. Центральный зал перекрывал огромный купол. Свет, как в храме, спускался сверху и, казалось, давал пространству дополнительный объем воздуха. В центре зала, под куполом, на приличном возвышении, размещался фонтан, вода тихо сливалась с четырех невысоких статуй, ее журчание заглушал равномерный гул вокзальной жизни. Вокруг фонтана располагалась большая круглая скамья ожидания с сиденьями, развернутыми наружу. Много позже Марша рассмотрит эти удивительные фигуры из черного мрамора, а пока она просто сто-

яла и любовалась гармоничной скульптурной композицией. Здание вокзала было старое, судя по архитектуре и деталям – начало века. Еще присутствуют элементы модерна, но уже просматривается неоклассицизм. Освещение зала удачно продумано. Настенные точечные светильники в форме шаров, установленные довольно близко друг от друга, хорошо освещают пространство, не раздражая глаза. Гармонию несколько нарушают яркие световые таблички с пиктограммами и информацией, зато благодаря им Марша легко нашла камеру хранения. Она освободилась от багажа, оставив чемодан и сумку в автоматической ячейке. Также по надписям и стрелкам отыскала кооператорское кафе. Атмосфера в нем разительно отличалась от вокзального буфета.

В небольшом зале по периметру расставлены круглые столики, покрытые темно-синими скатертями. Отделка с претензией на эффектный интерьер, по крайней мере, текстиль на шторах и скатерти гармонировали между собой. Стулья с высокими узкими спинками, перечеркнутыми крест-накрест, приятно дополняли впечатление. В углу выделялась подсвеченная барная стойка из массива дерева. Вообще-то довольно уютно. Бра ненавязчиво освещали помещение, на столиках стояли лампы с плотным абажуром, дающим направленный вниз свет. Пахло коричневыми булочками. Марша почитала меню, удивилась разнообразию предложенного кофе.

– Двойной эспresso и творожное кольцо.

– Можете присаживаться, сейчас сварим кофе.

Марша не раздумывая выбрала место возле окна.

Через пару минут худенький юноша принес ароматно-дымящуюся чашку на блюдечке и сахарницу.

– Пожалуйста, приятного аппетита!

Марша улыбнулась и кивнула. Ее постепенно отпустило внутреннее напряжение, становилось легко и радостно. Ну и что дальше? Надо найти телефон-автомат, наверное, на вокзале это не проблема, позвонить Бархину Евгению Леонидовичу. Она сверила имя отчество с блокнотом. Надо искать квартиру. Хотя лучше это сделать после того, как решится вопрос с трудоустройством. Может быть, стоит подобрать жилье рядом с работой в том же районе, чтобы по возможности не связываться с транспортом. «Так, порядок действий пока не определился, хотя, в любом случае, сначала – звонить. Время немного девятого, не совсем удобно беспокоить человека, возможно, он собирается или только едет на работу», – подумала Марша и решила подождать.

Она возобновила экскурсию по вокзалу. Телефоны плотной стайкой пристроились совсем близко от кафе. Можно звонить внутри города и по междугородней связи, в будках на стенках были указаны коды и расценки. Марша набрала домашний номер в Санкт-Петербурге.

– Мам, это я, все, приехала! Нет, еще не устраивалась. Да не волнуйся, что со мной может случиться! Я взрослый и ра-

зумный человек. Нет, не зря, тут вокзал красивый. Папе привет, я позвоню, как только устроюсь.

Она тянула время, осматривала здание. Кассовый зал был отделен высоченными витражами. Марша долго стояла, задрав голову вверх, и не могла сообразить – получалось, вся эта громада стекла держится только на деревянных переплетах, никаких конструктивных несущих элементов она не обнаружила. «Буду жить на вокзале, в этом дворце». На глаза попалась доска объявлений. Квартирны в наём. Следовало пройти в офис 211.

Немного поплутав, Марша отыскала стойку риэлтерской организации. Приветливая девушка бесстрастно допытывалась, что ей нужно. Марша на одном дыхании выдала все свои пожелания. Та выслушала, потом смущенно посмотрела на нее и попросила:

– Давайте еще повторим, по пунктам.

Уплатив за справку, Марша, получила несколько адресов в разных районах города. Договорились, если ей что-то подойдет, она вернется оформлять документы.

– Евгений Леонидович? Привет вам из Петербурга от Шаровых.

– Дочка? Симпатичная?

– Очень, – Марша засмеялась.

– Тогда дуй к Антону Круглову, только я ему сначала по-

звоню, а то он с налету не поймет, надо его подготовить. А ты можешь часикам к четырем? Он к этому времени так упадет, что небольшой перерыв для вашего общения ему не повредит.

– Смогу, конечно! А подскажите, пожалуйста, Евгений Леонидович, – Марша неожиданно прониклась доверием к этому голосу, – я сейчас решаю квартирный вопрос. У меня несколько адресов, в каком районе мне лучше поселиться?

– Селиться лучше в центре. Всегда!

– Спасибо, Евгений Леонидович!

Марше надо было заняться просмотром квартир. Город не знала, поэтому захотела начать поиски сразу с адресов в центре. У вокзала стоял ПАЗик, на табличке было написано: Вокзал – Остроумова (через центр). Она сначала села в автобус, и только когда он тронулся, спросила у водителя, где ей надо будет выходить. До улицы Ленина оказалось ехать минут пятнадцать.

Дождь так и не перестал. По тротуарам равномерной пленкой стекала вода. «Туфли все намочу», – подумала Марша.

Нужный адрес оказался рядом с центральной улицей, надо пройти по переулку, потом направо и еще раз направо. Марша увидела небольшой сквер с маленьким прудом. В синей, от осеннего неба, воде плавали уточки.

– Господи, что за идиллия!

Наверное, так может быть только в провинциальных городах. Малоэтажная застройка в историческом центре. Марша просто не верила своим глазам. Сквер окружала группа домов, такие строительные раритеты. Выглядели они с одной стороны комично, а с другой сказочно.

Марша прошла вдоль по улице, всматриваясь в номера. Впереди показалось строение с высокой скатной крышей из черного кирпича! Что за чудо такое? При ближайшем рассмотрении кирпичами оказались черные камни, почти правильной формы, на белом, вернее, когда-то белом растворе. Камни были гладкие, похожи на отполированный годами булыжник. Марша никогда ничего подобного не видела. Домик отдаленно напоминал европейскую средневековую постройку. Забор слегка покосившийся, не сплошной. Сквозь прощелки был виден двор. «Какой дом! Вот бы здесь, – помечтала Марша, – это просто сказка сказок!».

Она загадала, что если сейчас выйдет с жильем, то все у нее наладится, все сложится. На домике была табличка с нужным ей номером. «Только бы получилось!».

Она нажала звонок – молчание, еще раз – опять тишина! «Вот так всегда!» – горевала Марша.

– Вы ко мне?

Марша вздрогнула и обернулась. У нее за спиной стояла миловидная женщина в черном брючном костюме.

– Я хозяйка, а вы хотите снять комнату?

– Комнату? – голос Марши сник, – здесь уже кто-то жи-

вет?

– Пока нет. Но тут площадь большая, подходит для семьи или нескольких одиноких. Вы можете, конечно, снять, весь дом целиком, но будет не дешево. Потянете?

– Не знаю, а сколько?

Женщина назвала сумму, которая в два раза превышала все самые смелые Маршины предположения.

– Знаете, для меня важно, с какими людьми жить рядом, или предпочту одиночество.

– Плата вперед, сразу за три месяца, – пугала хозяйка Маршу, – я сама-то в Питере живу, приезжать часто не могу, это мое наследство. Продавать пока не готова. Здесь мой дядя жил. Его отец, архитектор—немец, сам этот дом построил. Все время между соседями разговоры ходят, что всю улицу будут сносить, дядя волновался, говорил, что у него не просто жилой дом, а настоящий памятник истории и архитектуры. Но документально этот статус не подтвержден, потому запросто могут сломать, как поступили с этими развалюхами, – хозяйка кивнула в сторону пустого пространства, где, видимо, раньше располагались дома.

– Я тоже из Питера. Добираться сюда, действительно, неудобно. Сочувствую вам! Но очень мне дом ваш понравился!

Хозяйка обрадовано улыбнулась: земляки! Но подозрительно спросила:

– В Питере где живете?

– Лесной проспект.

– Знаю, хорошее место, почти центр. Ну, раз нравится, давайте тогда документы оформим у юриста, чтобы все официально было. Не могу рисковать.

– А к риэлтору на вокзал нам не надо? Она меня просила приехать, если я что-то выберу.

– Хорошо, поедem на вокзал, там и юрист, наверное, есть. Мне ведь с ними тоже рассчитаться надо, а то они еще и с тебя тянуть начнут причитающийся им процент.

Хозяйка Виктория Эдуардовна незаметно для обоих стала обращаться к Марше на «ты».

Закончив все мероприятия по оформлению жилья, Марша забрала вещи из камеры хранения и хотела поймать такси. Но хозяйка вызвалась ей помочь.

– Нечего в таком возрасте пупок надрывать, но деньги транжирить зря тоже не будем, – голосом, не терпящим возражения, заявила она.

Виктория Эдуардовна сказала, что еще несколько дней поживет в доме, уладит все дела с документами, а потом Марша сможет пользоваться садом, мебелью и посудой. Одежду и личные вещи бывшего хозяина она уже перенесла в кладовую. Кроме всего, им вместе придется разобраться, как включать газонагреватель.

– На твоem попечении еще кот, извини, это принадлежность квартиры. Можешь пользоваться телефоном, но учти,

очень аккуратно, никаких разговоров с Америкой или Австралией, регулярная оплата счетов, иначе обрежу. Мне ведь отключить его, конечно, проще. Но поскольку ты дома одна, как мера предосторожности для безопасности, на случай аварии, телефон, естественно, нужен. Я на твоё благоразумие надеюсь.

– Оставьте, пожалуйста! Я буду бережно относиться ко всему в доме, телефоном пользоваться по необходимости, дальше Питера мне звонить некуда, да и родители меня «пасти» захотят. Им, по крайней мере, так спокойнее будет. За Барсиком присмотрю.

– Барсик, а я и не знаю, как его зовут, кстати!

«Да, вот мы и с домом, и с Барсиком», – Марша мысленно удивилась, как много событий сегодня произошло. Как круто изменилась её жизнь! Она одна в чужом городе, среди чужих людей. Из знакомых – только хозяйка, девушка-риэлтор и голос Евгения Леонидовича.

– Здравствуйте, вы ко мне? – спросил высокий молодой мужчина. Она поняла, что это и есть Антон Круглов.

ГЛАВА 4. АНТОН

С утра не прекращался дождь. Погода под настроение. Серое, мутное и тягучее. Все одно к одному. Стройка встала. Проверки замучили, да вот еще и ливень. Вода желтыми потоками срывалась в котлован.

Из соседней комнаты раздался смех. «Вот кому все нипочем! – подумал Антон, – а жизнь продолжается, несмотря на потери».

Антон закрыл дверь и пошел в ближайший гастроном. Кончилась заварка. Без чая уже невозможно работать. Прихватил пакет сухарей, долго не мог рассчитаться у кассы, не было сдачи. «Сколько времени потратил», – сожалел он.

У кабинета его ждали. Девушка. Незнакомая.

Антон поздоровался, немного помедлил, потом спросил:

– Вы ко мне? По какому вопросу?

– Марша Шарова. Вам ведь Бархин сегодня звонил?

– Точно, было дело...

– Я по поводу работы.

– Заходите, неужели все сейчас так прекрасно разрешится с кадрами!

Девушка достала из сумки корочки дипломов и веером разложила на столе.

– Вот это пасьянс! Крупный специалист? Нам такие работники просто необходимы!

Антон решил не сожалеть о, видимо, загубленном вечере. Раз уж так все сложилось.

– Давайте чаю попьем, а то я уже ничего не соображаю.

Не дожидаясь согласия, Антон насыпал заварку прямо в чашки.

– Вот сухарики, угощайтесь.

Пока не закипел электрочайник, Антон рассматривал дипломы. «Шарова Мария... Мария – слава богу». Имя Марша несколько озадачило его. Он спросил:

– Маршей почему представились?

– Да в детстве еще объединила два имени – Мария и Маша. Получилось смешно, родители подхватили. Позже одноклассники в школе слышали, сначала дразнили, а потом так все привыкли, что уже по-другому не называли. А главное, и я сама. Когда кто-то обращается ко мне: «Маша», вообще и не реагирую.

Антон налил чай. Девушка взяла чашку двумя руками. Одной за ручку, другой придерживала. Он обратил внимание на аккуратные ногти без лака, тонкие, прямо музыкальные пальцы.

Она не стала есть сухари.

– О, из Питера? Ничего себе! Так, Ленинградский архитектурно-строительный техникум. Интересно, не знал, что еще существуют учебные заведения, которые техников-архитекторов готовят. Думал, это все в прошлом. Дальше. Боже, продюсер!

Антон весело вскинул глаза. Ее лицо было напряжено. Волнуется. Скоро он понял, почему.

– Факультет гражданского строительства. Вечернее отделение. Инженер-конструктор. Так вы конструктор? А я подумал, архитектор!

Он рассматривал трудовую книжку. Опыта работы по специальности нет.

Антон с сожалением посмотрел на Маршу. Та, видимо, расстроилась и сникла на мгновение. Потом незаметно вернула лицу прежнее неопределенное выражение. И тут выглянуло солнце, оно осветило кабинет, и все в нем сделалось радостным и сияющим. «Девочка-праздник», – подумал Антон. Он вдруг понял, как хочет взять ее на работу, почувствовал, что все сейчас способно перемениться, наступит светлая полоса, а потом, может, и белая.

– Понимаете, нам очень нужны специалисты, и именно теперь. С такими дипломами вы могли бы здесь работать. Но у вас совершенно нет опыта (Антон уже точно знал – он берет ее в группу). На какую должность я могу вас принять?

– Я прошу, чтобы в моей трудовой книжке было написано: «Архитектор».

Антон приподнял брови:

– Вы же конструктор по диплому?

– Я и архитектор по диплому.

– Ну-у, теоретически, да. Скажите, а что вы умеете? У вас есть представление о проектировании вообще? Вы занима-

лись чем-то подобным?

– Когда училась в институте на строительном факультете, у нас была кафедра архитектуры, я хорошо успевала, потому что уже окончила техникум, имела графическую подготовку, делала конкурсный проект вместе с одним преподавателем, демонстрационный материал на планшете. О рабочих чертежах тоже имею представление, в основном, по курсовым заданиям. Фундаменты разные, балки, стропила.

– О! Фундаменты! – развеселился Антон, – ну, давайте попробуем. Архитектором, говорите... Конструкторы будут счастливы, если архитекторы фундаментами займутся. Только теперь я обрисую нашу ситуацию, – он заговорил серьезно, – она практически авральная. Это не просто стройка. И не рядовое проектирование музыкального театра. Объект финансируется Москвой. Проводился всесоюзный конкурс, нам вот доверили воплощать. Времени на рабочку практически не было. Чтобы ускорить процесс, в «Гражданпроект» создали мобильную группу из ведущих специалистов под руководством главного архитектора Савицкого. Нас переселили сюда, в Дом литератора, поближе к стройке. Из кабинетов видно, как растет новое здание. Мы заняли комнаты по специальностям. Архитекторы, конструкторы и смежники. Еще ПТО – производственно–технический отдел, наша палочка-выручалочка. Такой демпфер между нами и стройкой, можно сказать, особый контроль. На самом деле они заказывают материалы и строительные конструкции, поэтому

проверяют спецификации. Вам бы вот где работать, в ПТО.

Марша почти с мольбой смотрела на него.

– Да архитектором беру, и не техником, правда, без категории. Трудитесь, посмотрим, что получится. Но точно обещаю, легко не будет, вам особенно, придется форсировать стажировку, как на фронте.

Девушка, наконец, улыбнулась. Антон продолжал пугать:

– У нас тут недавно произошло несчастье. Не знаю уж, насколько вы в курсе? На стройке случилась авария, с падением крана. По заключению следствия, причиной стали ошибки при его монтаже. А ведь олух-машинист подозревал, что кран неисправен, так мало того, он об этом никому не доложил, а начал смену, еще одновременно поехал по рельсам и повернул стрелу, что недопустимо. Я вот даже сейчас спокойно говорить не могу, – Антон прикрыл глаза и покачал головой. – Когда вся эта махина завалилась... – зрелище не для тонких натур. Машинист инвалидом стал. Погибли два разнорабочих, а у одного несовершеннолетние дети. Часть элементов крана разрушила новую стену. Работы в то время велись круглосуточно, торопились, как всегда. А авария случилась поздно вечером. Все это месиво еще и в темноте, при прожекторах. Савицкий от произошедшего, да от разбирательств, хотя мы к стройке отношения не имеем, получил сильнейший инфаркт, уже четвертый, и скончался, не приходя в сознание. Вот теперь меня на его место перевели, как автора проекта. Сашу на мое – руководителя группы. А в груп-

пе, получается, не хватает архитектора. Нам бы ведущего, как Саша.

Антон поморщился. Он понимал, что сейчас отдает единственную вакансию и об опытном специалисте пока можно не мечтать, но отогнал эту мысль магическими словами. «У нас все будет хорошо!».

– Ну, что ж, давайте я вас с коллективом познакомлю.

Антон, распахнув дверь, пропустил Маршу вперед. Она вышла из кабинета и увидела сияющего молодого человека, который тут же отреагировал на их появление:

– Все медведи помрут – Антон Григорьевич улыбается!

– Женька, привет, я сейчас приду, подожди меня, чайку там себе налей.

Марша с Антоном вошли в дверь комнаты, на которой было написано просто: «АРХИТЕКТОРЫ».

– ...Майя Михайловна на коленочки встала, газетку подстелила, сунула голову в люк тепловой камеры и кричит: «Не слышу». А мужики ей оттуда размеры диктуют, тоже орут. Майя Михайловна попу выставила, мимо рефрижераторы едут, какие-то грузы привезли, у них дверцы качаются, думаю, ну сейчас по Майе Михайловне заедут. А я стою над ней зонтик держу, – сквозь смех и слезы рассказывал молодой человек лет двадцати пяти.

– Виталик, а что же не ты кверху попой-то сидел у тепловой камеры?

– Антон Григорьевич, я не мог позволить, чтобы надо мной уважаемая женщина зонтик держала! – Виталик не успокаивался, – я со стороны эту картину представил, ну караул, чуть не умер со смеху.

Антон выждал время, пока образуется достаточная пауза в импровизированном бенефисе.

– Вот, товарищи, хочу познакомить с вами нашего нового архитектора, Марию Кирилловну.

– Да, теперь у нас не только Майя Михайловна будет, но и Марья Кирилловна, – не хотел успокоиться Виталик.

Марша отметила про себя, что Антон представил ее по имени отчеству. Тот невозмутимо продолжал, обращаясь уже к ней:

– Садитесь пока вот сюда. Саша поправится – перенесет свои вещи в мой бывший кабинет, до того, я думаю, они вам не помешают. Да, скоро, наверное, придется делать перестановку. Закупили компьютеры всем, – Антон многозначительно посмотрел на Майю Михайловну, та подняла руки к вискам, – теперь наши фавориты должны будут меньше воображать, а лучше вкалывать, – он перевел взгляд на Виталика, который театрально прижал руки к груди, имитируя сердечную боль.

– Антон Григорьевич! А какие компы?

– Пентиумы. Оперативная память 256 гигов, а тебе 500...

– Ура!!! – заорал Виталик, – таких процессоров еще ни у кого в городе нет. Ура!

– Это спецзаказ. Ну как, Марша, не передумали устраиваться на работу в наш сумасшедший дом? Ладно, знакомьтесь, меня там Бархин ждет.

Антон поспешил выйти из комнаты. Заходя в свой кабинет, он с улыбкой сказал поджидающему его Бархину:

– Детский сад – смех, вопли, как тут работать! Немного отходить народ стал. Может, все и наладится.

– Ты что это в служебное время с красотками разгуливаешь, в отсутствии Александры?

– Здравсьте! Сам мне прислал протеже, впереди у меня головная боль, как она будет справляться. Мало того, что я за Савицкого работаю, за Сашу, теперь за Маршу.

– Вот так, значит, это она и есть? Да! Видишь, а ты говоришь, что толку от меня нет, какие кадры подгоняю. Ну, хорошая кандидатура?

– Она нашего возраста. У нее три диплома, два высших образования, два специальных, еще она продюсер, при этом ни одного дня профессиональной практики.

– И кем ты ее взял?

– Кем, кем – архитектором, – Антон опять разволновался.

– Ничего себе. Что теперь будет?

– Не знаю, вот пришла и околдовала, – Антон рассмеялся, – не мог отказать, уставилась на меня, молча, с мольбой в глазах. Думаю, надо брать. Да еще твоя магическая рекомендация...

– Ладно, отвечать вместе будем.

– Перед кем ты-то отвечать будешь?

– Я? Перед ее родителями! Вот какие молодцы вроде тебя тут выются. Да, кстати, ты, чтобы ни-ни. Я тебе за Сашу горло перепилю.

– Нашелся защитник! Это я тебе скорее перепилю! Опекун, тоже мне!

– Вот, как раз зашел спросить про Сашу.

– А что сюда, почему не домой?

– Да побоялся. Я в подобных ситуациях не был, что говорить, как с человеком себя вести? Мне кажется, это просто непереносимо.

– Да, предельно тяжело, я думаю, что Саша воспринимает все гораздо острее меня, и мне, поверь, очень тоскливо, особенно в контексте последних событий на работе.

Бархин виновато молчал, потом вдруг сменил тему:

– Я макароны купил, зашел в гастрик, думаю, ну что-то же в нем может продаваться! Одни макароны, правда, выбор есть! Вот, взял «перышки». Хотел бы тебя в гости забрать, дисками похвастаться. Новые привезли!

– Да ты что? Не говори пока какие, лучше поставишь, а я отгадать попробую!

– Так ты когда ко мне сможешь?

– Сегодня, наверное, могу, к Саше Маринки придут, мешать не хочу, думаю, они без меня ей лучше терапию устроят. Я собирался вечером на работе задержаться специально.

Да вот Марша твоя, да ты собственной персоной сбили меня с курса.

– Тогда пошли макароны варить, я на машине служебной, мотался по делам, не захотелось обратно в трест ехать, ставить. Зато утром на работу с ветерком!

ГЛАВА 5. БАРХИН И МАРША

Бархин вызвал Маршу в коридор, к окошечку. Он ездил к своим родителям, и те передали гостинец «маленькой девочке». Оказалось, что их матери дружили в молодости, отношения были буквально родственными. Сейчас общение сократилось до писем, звонков и редких встреч.

– А как вашу маму зовут?

– Полина. Полина Викторовна.

– Все, теперь я поняла, это же тетя Поля! Она мне половички ткала для комнаты в Питере.

– Точно, вдобавок, мама тебе ведь опять дорожки, половички, как ты говоришь, передала, самые лучшие выбрала, в красных тонах. Они сейчас в машине. Могу прямо к дому привезти. Пакет довольно объемный. Если не будешь меня на кофе приглашать, пойму, я без претензий.

– Ну почему же, получается, вы друг детства. Брат почти.

– Вот-вот, а ты мне все выкаешь. Давай уж сразу учись разговаривать по-человечески.

Марша заулыбалась.

– А я вас, то есть тебя, как-то не помню.

– И я был не в курсе, но мама мне фотки показала, ты здорово изменилась, выросла, похорошела, ни за что бы не узнал.

– А ты – тот пузан с сачком, рядом с тетей Полей на фо-

тографии?

– Ага, это я, мы в деревне летом жили. Бабушка меня плюшками откармливала.

Стукнула входная дверь, сквозняком распахнулись створки тамбура. В освещенном солнцем прямоугольнике проема появился силуэт худенькой женщины с девочкой за руку. Поток воздуха разметал волосы и образовал легкий золотистый ореол. Тончайшая материя одежды взволнованно закрутилась вокруг ее фигуры.

– Кто это? – с восторгом и недоумением спросила Марша.

– Это Саша! – Бархин ответил дрогнувшим голосом, и Марша успела поймать его взгляд, полный тихой нежности и просветленной грусти.

Фигуры материализовались, проходя по коридору. Девочка побежала навстречу Бархину, но, заметив Маршу, неожиданно остановилась, оглянулась на мать:

– Мама, посмотри, я такой красоты в жизни не видела!

Все засмеялись. Девочка обратилась к Бархину:

– Женя, когда придешь?

– Ох, как ты точно маму копируешь, Лили! – он опять не удержался от смеха.

Саша была одета в легкий серый, с редкими маленькими веточками, костюм с длинной юбкой и короткой блузкой, на ногах кожаные босоножки-сандалии на низком ходу. Волосы светлые, пепельные, средней длины. «Какая она удивительно гармоничная!» – подумала Марша.

– Жень, когда придешь? – повторила мама девочки, вслед за дочкой.

– Всегда ваш. Обязательно появлюсь. А ты что, уже работать пришла?

– Да нет, Антон попросил чертежи подписать и вещи свои в кабинет перенести. У нас ведь новые сотрудники, – она улыбнулась Марше, – давайте знакомиться, Саша.

Марша в ответ назвала себя. Бархин улыбался, не пытаясь скрыть радость, продолжал расспросы:

– Начальница! Не будешь скучать по коллективу, в отдельном кабинете?

– Я не знаю, как работа пойдет, иногда изолироваться даже спокойнее. А что скучать, выйду из кабинета – и уже в коллективе. Ведь вход в него из рабочей комнаты. Это, по моему, кладовая была когда-то, судя по тому, что окошко маленькое. Но вообще, как посмотреть, можно представить себя и узником в заточении.

Саша улыбнулась, взяла девочку за руку, они вошли в комнату с надписью «АРХИТЕКТОРЫ», и в это же мгновение оттуда донесся радостный вопль Виталика.

– Какая она необыкновенная, и девочка хорошая, как ты сказал, ее зовут?

– Лейла, Антоша придумал!

– Антон? Антон Григорьевич?

– Ну конечно, Григорьевич! Это же его супруга, Саша, и дочка их. Ну, ты неделю здесь торчишь, а ничего не разве-

дала, не любопытная что ли?

– Да не знаю, я просто все время работала. Старалась сосредоточиться и не отвлекалась.

– Неужто гнетет Антон Григорьевич?

– Ну что ты, нет, конечно. Он такой оказался тонкий психолог, дает мне пока легкие задания. Узлы, к примеру, шаблоны поясков, карнизов. Антон Григорьевич сказал, что у них просто не было времени этим заниматься, а сейчас шаблоны срочно нужны для гипсовиков. Эта работа чертежная, требует аккуратности, чтобы все сопряжения идеально совпадали, как раз для меня, – Марша засмеялась, – но скоро ручному труду придет конец. Антон Григорьевич грозитя всех на Архикад посадить.

– Для меня ручной труд давно кончился, я теперь на стройке с работягами. Новый лексикон разучиваю. Антоша иногда не улавливает, что я имею в виду. Ладно, побегу. Вечером, значит, жди, кипяти кофеек, пряник за мной.

Бархин исчез. Марша открыла дверь рабочей комнаты. Девочка сидела за ее столом. Увидев Маршу, она слезла со стула и, неотрывно смотря ей в глаза, шагнула к Виталику. Марша ничего не успела сказать, из двери в углу комнаты вышла Саша.

– Мария, я вам место освободила. Инструментами пользуйтесь. Да, вот тут приспособление для хранения чертежей в трубочках лежа, – Саша показала на качели из двух тесемок, подвешенные к кульману, – а это, – она подвинула

коробку на полу, – приспособление для хранения чертежей в трубочках стоя. До свидания. Меня еще неделю не будет точно, а там, может, уже выпишут.

Марша села за свой стол. На нем лежал открытый блокнот. Страница была исписана непрерывным посланием, содержащим одну только букву «е». Она машинально перевернула ее, потом другую, третью. Все свободные листы были разрисованы диковинными животными, птицами, непонятными ей существами. Они жили на бумаге, воевали, грустили, спасали и оплакивали друзей. Незаметно сзади подошел Виталик. Заглянул через плечо:

– Да, талантливая девочка, что тут еще скажешь! Тебе повезло, вон какие автографы получила. Храни, потом выставишь на аукцион «Сотбис», она прославится, помяни мое слово.

Марша бережно убрала блокнот в сумочку. «Когда малышка успела столько нарисовать, я ведь разговаривала с Бархиным после их ухода ну всего минут пять?!».

Рабочий день уже закончился, она решила не задерживаться, а пойти домой подготовиться к встрече гостя. Марша жила недалеко от Дома литераторов, где базировалась проектная группа, надо всего лишь переулками пройти две улицы и свернуть налево в заброшенный райский уголок. Кофе у нее был. По пути она заглянула в коммерческий гастроном и купила сыр «Маасдам», с громадными дырками, мас-

ло и черный хлеб. Потом подумала и взяла городскую булочку. Вдруг это только ее прихоть, есть масло и сыр с черным хлебом. На всякий случай еще прихватила шоколадку.

Бархин явился почти вовремя, немного припоздал, сказал, мол, нашел не сразу. Долго не мог представить, как в городе сохранилось такое чудное место. Поразился, когда увидел дом и никак не соглашался верить, что Марша сняла его через фирму на вокзале. Все искал какой-то подвох и тайные связи.

Пить кофе сели на кухне, около газонагревателя. Бархин достал «пряник», это был презент от родителей – круглый пирог с капустой. К презенту прилагалась железная коробочка с любимым цейлонским чаем, интересно, они знали или так совпало?

– Был объявлен всесоюзный конкурс на проект музыкального театра в нашем городе. По сути, даже не театра, а концертного зала, где могут выступать артисты всех музыкальных направлений, включая рок-группы. Проектов было представлено довольно много. У нас в стране такие конкурсы редко проводят. Антон прямо загорелся, он прекрасно в музыке разбирается. Не в классической, естественно, – Бархин заговорщически улыбнулся, – я раньше даже думал, что его кроме музыки ничего в жизни не волнует. Но, оказалось, волнует... Да и архитектор он очень хороший. Талант, такое не со всеми бывает. Его проект занял третье место. Тоже, надо сказать, неплохо. Первое и второе поделили москвичи.

Мы тут всем «Гражданпроектом» неделю отмечали.

Бархин не собирался так уж подробно об этом рассказывать, но увлекся, вошел в раж, обнаружил благодарного, заинтересованного слушателя и не мог остановиться:

– Потом случилось неожиданное. Антошин вариант был принят для реализации. Наверное, поняли, что с местными проектировщиками удобнее работать. Кроме того, он учел всякое важное – особенности города, рельеф, основные транспортные потоки, окружение. Проект, правда, был хороший. А какой макет! Виталик делал. Его Антон из нашего с ним родного города специально привез, почти студентом еще, у него руки золотые. Виталик, вообще говоря, по сути, не архитектор, а, скорее, художник-декоратор. Красиво подает дела. Скрупулёзно. А архитектурой заниматься ему не интересно.

Бархин глотнул остывший кофе и продолжил рассказ:

– Отвозили проект в Москву, потом переживали, как оценят. Золотое время! Ну, а затем процесс этот поручили Савицкому курировать. У Антона все-таки опыта в реальной стройке крупного объекта не было, да и вообще на тот момент он работал руководителем группы, а над ним значились главный архитектор отдела и главный архитектор института. Антон участвовал в конкурсе практически единолично. Когда победил, многие из вышестоящих захотели, так сказать, приобщиться. Хотя проект в глаза не видели. Но тут уж никуда не денешься. Это институт, а не частная лавочка. По-

том создали бригаду, такой филиал «Гражданпроекта», по-моему, хорошо все сработались. Здание это уже полтора года проектируется, и год, как первые сваи вбили. Чертежи выхватывают для стройки горяченькими.

– Вот куда я, значит, попала. Повезло.

– Работать трудно?

– Нормально.

Марша не сказала, как она все свободное время штудировала СНиПы, практически пытаясь заучить содержание наизусть. Особенно пожарный и пособия по проектированию «Культурно-зрелищных зданий». Ночью разбуди, она скажет ширину проходов и путей эвакуации, количество человек для расчета посадочных мест в санузлах, какая отделка допустима в мокрых помещениях. Так ей было спокойнее ощущать себя среди коллег.

Бархин гостил пару часов, рассматривал дом, охал. Восхитился газонагревательной печкой. Сказал, что ничего подобного не видел. С удовольствием мучил кота. Ввернул лампочку в коридоре – там очень высокие потолки. По забору – особенному шедевру из деревянных и кованых элементов, которые чудесным образом вставлялись в прорези деревянных, было дано обещание прийти с товарищем и выровнять. Так он внес вклад в сохранение памятника и удалился.

Марша смотрела на все глазами Бархина и повторно, вместе с ним, пережила радостное удивление и гордость, что сама выбрала этот дом и здесь живет. Она взяла еще треуголь-

ник пирога. «Вот, оставил, сам бы поужинать мог, а я теперь обречена толстеть. Разве от такой вкусноты откажешься?».

Марша достала серию с узлами примыкания кровли и села разбираться. Если подумать, ей и правда, невероятно повезло с первым объектом. Основные идеи уже были воплощены на бумаге, оставались детали, узлы, подсчеты. Она брала домой «синьки» и внимательно изучала чертежи. На работе спрашивать стеснялась. Не хотела, чтобы ее считали неопытным, блатным сотрудником. Навыки техникума позволяли ей свободно чувствовать себя в черчении и подаче. У нее получалась легкая аккуратная отмывка, она умела мастерски работать с темперой. Своей графикой Марша могла гордиться. Карандашные ли или обведенные тушью, линии были идеально правильные, с аккуратными сопряжениями. Марша одинаково умело пользовалась циркулем, рапидографом, рейсфедером и пером. В техникуме особое внимание уделялось отработке графических навыков, рисованию, лепке. Она хорошо клеила макеты, но здесь пока ей не удалось проявить себя. Просто никто об этом не знал. Макетом занимался Виталик. Виталик рабочие чертежи не делал, он сидел в бесконечном рендере. Все хотели иметь картинку будущего театра – пресса, администрация города, проектный институт. Он овладел 3Ds MAX, даже создавал небольшие простенькие ролики, но комплекс целиком моделировать не удавалось. Не хватало мощности процессора.

Каждый день с утра Антон заходил в комнату к архитек-

торам и сразу общался с Маршей, смотрел, как у нее получается, подбадривал, даже частенько хвалил. Сегодня она решила, что, скорее всего, сложился некий стереотип поведения, ведь это рабочее место раньше принадлежало его жене.

Марша задумалась. Саша, действительно, поразила ее. И не только внешним видом, голосом, манерой разговаривать, это даже манерой назвать нельзя, все в ней естественно, непринужденно, располагает к доверию. Она вспомнила смешную Лейлу с косичками и разноцветными резиночками на них. «Надо же, какая пара, какая семья! А Бархин, как же он?» – Марша поняла, что все тут не так просто.

ГЛАВА 6. ЛЕЙЛА. ЗАЧЕТНАЯ НЕДЕЛЯ

Лейла сквозь сон услышала насмешливый голос преподавателя:

– А мы ей не мешаем?

Она почувствовала толчок подруги в бок. Подняла голову. Извинилась. Вот так, уснула на лекции. Еще села на первый ряд. Всю пару пыталась бороться со сном. Потом наступил предел. Отключилась.

За последние семь дней в совокупности она спала девять часов. Зачетная неделя – это самое тяжелое время. Тринадцать зачетов. Почти по каждому курсовая работа или проект. И все требует изрядного времени. После каникул выдали перечень из трехсот наименований архитектурных сооружений мирового масштаба. На форматке А4 требовалось изобразить план, разрез, фасад, перспективный ракурс. Она не запускала. Как только увидела список построек, вечерами рисовала минимум по два листа. Хорошо, есть Интернет, практически все удалось найти. Но готово у нее двести рисунков, и то не в полном объеме, по некоторым позициям нашла лишь фото с общим видом. А завтра зачет по истории архитектуры. Если не ложиться всю ночь, максимум можно будет добавить десяток листов. Но сил опять не спать уже

не осталось.

Только вчера сдала проект «Детский сад на сто мест» – четвертый и последний курсовой по АП в текущем учебном году. АП, сокращенно «Архитектурное проектирование», – самый профильный предмет. И самый любимый.

Началось все в далеком сентябре, когда выдали задание: «Поселок городского типа на тысячу жителей». Место для реализации замысла можно было выбрать самому. В пригороде приглянулся населенный пункт Хорошилово, красивая равнинная территория, с огромным оврагом, покрытым лесом. Лейле через знакомых ее родителей удалось найти подоснову на топографических планшетах. Она ездила туда несколько раз с камерой, снимала, анализировала, вживалась. Дома в Хорошилово стояли хаотично, четко выраженного центра не было. Завкафедрой облегчил задачу и разрешил использовать этот участок, не принимая во внимание существующие строения, учитывая только сложившиеся транспортные связи и природные особенности.

Лейла торопилась сделать первые наброски. Старший преподаватель посоветовал Лейле идею своеобразного Наукограда для ученых, которые занимались бы проблемами «мирного атома» – недалеко от этого места есть тепловая атомная станция. Она загорелась этой идеей и тут же принялась эскизировать, прикидывать на кальках компоновку поселка, которую публично обсуждали на занятиях. Хвалили за активность. Критиковали за спешку. На ее примере раз-

бирали основные ошибки. Объясняли, какая связь должна быть с городом, где располагать центр, где промышленную зону, где жилье. Лейла немного расстроилась из-за критики, но не отчаялась, первым всегда нелегко.

Она изменяла несколько раз концепцию, звонила родителям, консультировалась. Заручившись их поддержкой, проигнорировала учителей по узловым вопросам и доказала, что ее вариант жизнеспособен.

В конце концов получилось так: магистраль, идущая из города, делит населенный пункт на жилую зону и территорию научно-исследовательского института с корпусом электронной промышленности. Поселок и город свяжет моно-рельс, платформа которого будет соединена с пешеходным переходом. На протяжении поселения магистраль предполагается одеть в тоннель, только не подземный, а надземный. В этом случае пыль, шум и другие вредности от автомобилей, идущих транзитом, не помешают жителям, а личный транспорт сможет заезжать в поселок по специально оборудованной трассе. Около магистрали с жилой стороны вырастет общественный центр. От него в направлении парка пройдет пешеходный бульвар, секторами лягут микрорайоны, сначала четырехэтажные подковообразные дома, потом сблокированные – таунхаусы, а затем индивидуальные – коттеджного типа. В равной доступности от всех видов жилья разместятся детские сады и школа. В лесопарковой зоне предусмотрены любимые гражданами спортивные сооруже-

ния и велодорожки.

Проект был сложный и многодельный, по заданию требовалось еще сделать макет. Лейла включала музыку. Альбомы сменялись один за другим, это кропотливое занятие прямо-таки пожирало время. В нужном масштабе коттеджные домики получились размером пять на пять миллиметров. Она, конечно, клеила просто квадратики, но набирала в три слоя, чтобы придать объем и высоту. Таунхаусы выполняла более подробно, четырехэтажные дома так вообще состояли из восьми слоев, причем четные слои были вырезаны немного меньшей величины и выглядели западающими. Общественные здания центра Лейла сначала вычерчивала на кальке, потом ее, наложенную на картон, протыкала иголкой, чтобы на картоне оставались дырочки, затем макетным ножом все это выкраивала. Сложные места подрезала маникюрными ножничками, окончательно их загубив.

Лейла в дополнение к макету решила сделать на компьютере перспективные 3д-изображения основных ракурсов поселка. Вроде успела, она даже умудрилась распечатать метровый планшет с генпланом и видовыми картинками за день до сдачи. В ночь оставалось только закончить макет – наклеить все домики на ранее собранный послойный рельеф местности и, самое приятное – «рассадить» деревья, крохотные коричневые ольховые шишечки, в аптеке называемые соплодия. Когда, казалось, все было сделано, пришлось мастерить упаковку, чтобы донести макет в целости и сохран-

ности до университета, конечно, на такси.

Следующим заданием во втором семестре был проект четырехэтажного жилого дома в этом же поселке. Лейла опять случайно усложнила задачу и решила делать комплекс из нескольких объемов, так называемый «клубный дом». Предполагалось, что население захочет менять место проживания в зависимости от потребностей и состава семьи. К примеру, когда у граждан или супругов возраст будет подходить к пятидесяти годам, а их дети станут самостоятельными и переселятся в свои квартиры, родителям уже понадобится жилье иного качества. Люди, как правило, со временем преуспевают в профессии, а профессия ученых по развитию мирного атома, конечно же, предполагает глубокий интеллект, потребность в общении, может, даже в международном, уж не говоря о местном уровне, с коллегами по работе и друзьями.

Исходя из этого постулата, Лейла задумала два смещенных друг относительно друга подковообразных дома, которые организовали полузамкнутый двор. Ядром этой композиции становится цилиндрической формы общественный центр с каминным холлом и кафе на первом этаже, конференц-залом на втором. Верхний уровень предполагалось соединить с жилыми зданиями переходами, пролегающими над землей, оставляя свободным пространство для озеленения, игровых площадок и мест отдыха. Неровность рельефа обыграет компактный амфитеатр для неформальных меро-

приятый под открытым небом.

«...Переселяясь в „клубный дом“, его жители попадают в атмосферу дружбы и взаимопонимания, смогут после выхода на пенсию продолжать приносить пользу обществу, работая удаленно, проводя семинары и лекции для молодых специалистов и студентов. Они будут иметь возможность встречаться с коллегами по профессии и гостями из других стран. При этом их быт максимально упрощен. Квартиры, как правило, небольшой площади, не требуют грандиозных затрат сил на уборку. Кроме того, всегда можно привлечь на подмогу специальные службы. В сообществе будут созданы комфортные условия для жизни и организации досуга, а также получения срочной медицинской помощи», – Лейле нравилось придумывать сценарий жизни этих людей. Для нее они не абстрактные, а совершенно конкретные персонажи.

Лейла решила посидеть с рисунками часов до двенадцати и лечь, иначе завтра просто не доживет до зачета.

Только успела расположиться на диване, где обычно рисовала на небольшом планшете, как в дверь позвонили. Вот уж вовремя! Пошаркав тапками, она пошла открывать. На лестничной клетке стоял соседский мальчик Глеб, юный дружок Лейлы. Он вежливо спросил, можно ли ему на минуточку войти?

– Валяй, какие проблемы?

– Белочку покрасить надо. Для доклада, а у меня не выходит, в фотошопе все поле заливается.

Лейла рассмеялась, да уж, несчастье, разве сравнить с ее заморочками!

– Включай комп, думала, буду руками рисовать, да вот, ни дня без техники!

– Лейла, ты занята очень?

– Да, что уж, белочка так белочка, есть хочешь?

Мальчик наклонил голову и скосил на Лейлу глаза.

– Понятно, – веселилась Лейла, – у нас в наличии бутерброд, но очень большой, сейчас его разогреем и заточим.

Бутерброд с сыром расплавили в микроволновке, разделили по-братски, вскипятили чай.

– Как вкусно!

– То-то же, учись, пока я не погибла от недосыпаний и прочих лишений.

Лейла быстро продемонстрировала мальчику как, используя магнитное лассо, обвести рисунок белочки.

– А белочку-то кто рисовал?

– Я рисовал, потом телефоном сфоткал и в компьютер.

– О, да ты талант, – Лейла с уважением взглянула на мальчика.

Глеб листал книгу. Он засмотрелся на иллюстрации и говорил, не поднимая глаз:

– Лейла, я раньше ничего подобного не видел.

– Это Антонио Гауди, архитектор, его творение в городе

Барселона, в Испанской Каталонии.

– Я тоже так хочу! Хочу так научиться!

– Научить этому нельзя, он гений, но можно просто учиться, тогда из тебя выйдет Глеб Войталик, хороший специалист в какой-нибудь отрасли, например, в архитектуре.

Лейла объяснила Глебу, как надо подобрать цвет для заливки, создать ощущение объема путем осветления и затемнения участков и сделать белочку пушистой, используя текстурирование. Белочка получилась просто замечательная. Довольный мальчик убежал домой.

Через несколько минут снова раздался звонок в дверь. Лейла опять не успела сесть за рисунки. На пороге стояли Глеб и его мама, в руках у нее была тарелка с дымящейся картошкой. Глеб держал литровую банку с солеными огурцами и коробку сметаны.

– Лейла, ты извини, этот обжора рассказал, что уполовинил твой ужин. Вот, поешь хорошенько. Еда простая, но на ночь как раз годится.

Женщина дружелюбно улыбалась.

– Ой, мне неудобно, вы бы не беспокоились, я не так много ем, вполне хватило того, что было.

– Ну не огорчай нас! Глеб раскричался, мол, у тебя книга удивительная, про архитектора Антонио Гауди. Можно взглянуть, как она выглядит, а ее в магазинах реально купить? Он, видите ли, хочет только такую.

– Конечно, проходите, вот книга.

Лейла взяла двумя руками тарелку с картошкой и понесла на кухню. Глеб со своими банками проследовал за ней.

– Я маме рассказал про Гауди, она мне обещала книгу посмотреть в магазинах и подарить на День рождения. У меня День рождения скоро.

– Давай так, пока мама не купила, ты возьми мою, прочитаешь биографию, полюбуешься на работы. Он удивительный человек, представляешь, был сбит первым трамваем, пущенным в Барселоне. Засмотрелся на свой шедевр, который называется Саграда Фамилия и не заметил трамвай. Его привезли в больницу и все думали – нищий какой-то, а потом на стройке хватились, что Гауди нет, нашли его в лечебнице, но он не выжил. Раньше Гауди был богатым архитектором, но когда начали сооружение Саграда Фамилия, он стал вкладывать туда и свои доходы, вообще работать бесплатно. Этот собор возводится уже более ста лет и еще не закончен. У Гауди есть другие прекрасные постройки в Барселоне, парк Гуэль, к примеру. Короче, ознакомишься.

– Мама, Лейла разрешила на время взять книгу почитать аккуратно, пока ты не купишь!

Гости быстренько удалились, счастливые и возбужденные. Лейла вспомнила о картошечке со сметанкой: «Как здорово, сейчас поем и спать».

На следующее утро, проспав около четырех часов, Лейла принесла папку с рисунками на зачет по истории архитекту-

ры. Профессор из Петербурга, приехавший в рамках межвузовского обмена, внимательно рассматривал зарисовки:

– Вы очень добросовестная студентка. Мало того, что работы прекрасно сделаны, вы еще перевыполнили план, сколько тут листов?

– Двести десять.

– Вот, о чем я и говорю, практически в два с лишним раза. Думаю, вы отлично подготовлены, затрачены колоссальные силы, поэтому получаете зачет и экзамен автоматом. Хочу дать вам возможность отдохнуть перед сессией, ведь мой предмет у вас первый? Уверен, пока вы просматривали источники информации, многое узнали. Например, годы жизни Антонио Гауди. В каком городе он родился, знаете, конечно, вон, как душевно Саграда Фамилия изобразили! Рисунки возвращаю, храните, пригодятся. Отдавать друзьям и подругам для сдачи зачета не следует, я их запомнил. Буду благодарен, если получу от вас сканированные копии работ в методфонд. Кстати, вы почему не в МАРХИ²?

– Ну не знаю, дорого...

– Да, вот к чему мы пришли! Таким студентам дорого. Тьфу ты, – старик раскипятился, – дорого, да за талантливых студентов институты бороться должны. Мало – способности, – какая линия, какой вкус, композиция на листе, да даже подпись, какой шрифт! А усердие! Я не представлял, что это возможно было за три месяца нарисовать, вы ж еще по дру-

---

² МАРХИ – Московский архитектурный институт

гим предметам занимались! Вижу зачетку, прекрасные показатели. Ваша работа – готовое пособие, книга с иллюстрациями шедевров архитектуры, дорого ей... Знаете, дождитесь меня, закончится зачет, я хочу кое-что с вами обсудить, вот сейчас появилась интересная мысль.

Лейла вышла из аудитории.

– Ну как? – слышались голоса однокурсников с разных сторон, – сильно гонял?

– Да нет, не сильно. А кто скажет, сколько надо было картинок нарисовать?

– Жуть – любые сто, на выбор.

«Да, где-то что-то я прослушала!». Ей хотелось пойти домой и наконец, выспаться, но придется еще часа два ждать окончания зачета. Лейла решила посетить институтский бассейн, немного взбодриться. Она уже две недели там не появлялась, пропал абонемент.

После заплыва, с немного недосушенными волосами, слегка взлохмаченная, она сидела в аудитории и разговаривала с профессором Александровым.

– У меня к вам такое предложение: оканчивайте следующий курс и приезжайте в Петербург, в магистратуру. На бюджет. Буду за вас хлопотать. И еще, доработайте иллюстрации, те, которые остались, если не найдете каких-то зданий, напишите мне, я информацию дам, – он протянул Лейле визитку с электронным адресом и телефоном, – мы можем издать не только пособие, а прямо-таки учебник по истории

архитектуры для третьего курса. Мало того, я вам вышлю контракт, и вы получите аванс. А потом и гонорар. Как раз через год понадобится. Договорились?

– Я-то с радостью, но надо еще год прожить, вдруг что изменится?

– Проживем! Тогда прощаемся? Удачи вам!

– Все немного неожиданно, правда. Спасибо большое! Будьте здоровы!

Лейла шла по улице, ей казалось, что весеннее солнце светит сегодня по-особенному. Она поворачивала лицо, подставляя его нагретому теплему ветру. Стук каблучков мерно отсчитывал секунды собственной жизни, и она вдруг ощутила, как много хорошего у нее еще впереди.

ГЛАВА 7. МАРША. ДОМ

Марша сидела на тканом половике, подарке родителей Бархина. На кухне хорошо, тепло, рядом спит кот Вермикулит, бывший Барсик. Сегодня никуда не идти. Редкий выходной. Все это время архитекторы трудились по субботам, иногда прихватывая часть воскресного дня, понимали – так необходимо. За переработки обещали двойную оплату. Что, впрочем, не помешает. Удовольствие от проживания в доме, в котором Марша практически не бывала по причине работы и по вечерам тоже, стоило недешево. Только пока выплатят эти «двойные деньги», инфляция все перекроет.

Марша листала толстый альбом в кожаном переплете с видовыми открытками внутри. Они были не цветные и не черно-белые, а тонированные в разные оттенки сепии, все с изображением чудных европейских построек. Одно здание особенно заинтересовало Маршу: какой-то парадоксальный дом, смотрится даже современно. Она вынула открытку из прорезей страницы и перевернула в надежде прочитать текст. На обратной стороне было от руки выведено: «all dies ist Dank der Ihnen...» Открытка на деле оказалась фотокарточкой. Марша начала по одному вынимать и вставлять обратно другие снимки. Все отличного качества, на плотной фотобумаге, можно даже разобрать название фирмы произ-

водителя. На многих фотографиях – выполненные от руки надписи каллиграфическим узким, по-видимому, женским почерком. Марша немного помедлила, в душе зародилось сомнение – правильно ли, что она читает чужие записи. Виктория Эдуардовна все личные вещи хозяина убрала, а книги оставила. Возможно, она до конца не понимала их ценности или из-за большого количества томов просто не придумала, куда перенести. Может, не хватило времени или доверилась квартирантке, посчитав, что она девушка порядочная, не спустит их в букинистическом отделе местного книжного магазина.

Поселившись в этом городе, Марша неожиданно стала ощущать себя невероятно счастливой. Как ей повезло, что она нашла дом, будто специально сделанный для нее – удобная планировка, продуманные детали, совершенно особенная отделка, большой, почти дикий сад. Все умиротворяло и успокаивало, казалось, что любая минута жизни в этом пространстве становилась осязаемой и бесценной. Она реально почувствовала значимость своей профессии применительно к каждому конкретному человеку, ей хотелось научиться создавать для людей такое удобное и красивое жилье.

Марша выросла в дивном городе Ленинграде, который в семье всегда именовался Питер. Сначала они проживали

на Мойке, в двух комнатах на общей кухне, потом переехали в другой дом, на Лесном проспекте, шикарную по тем временам «трешку» – расселенную коммуналку. Радовались – у каждого теперь есть своя комната. Благодарили судьбу. Да, это было невероятное везение. Квартира находилась в «убитом» состоянии, Марше выделили квадратную четырнадцатиметровку, с окнами на восток, в личное пользование. Родители, молодые и прогрессивные, разрешили дочке самой придумать себе обстановку, как бы теперь сказали – интерьер, обещали помочь с воплощением. Девочка трепетно окунулась в проблему. Добросовестно изучала справочники по строительству, теребила знакомых взрослых вопросами, как наклеивать обои, шпаклевать щели. Коммуналка оказалась не просто запущенная, все в ней было наперекосяк. Стены, двери, потолки сопрягались под любыми углами, кроме прямого. Полы имели художественную кривизну, шершавость и сучковатость. После переборки досок, вплоть до лаг, шлифовки и окраски их сразу покрыли веселыми ткаными половиками, присланными друзьями – художниками по текстилю, проживающими в другом городе. Как выяснилось теперь, сделала их мама Бархина, тетя Поля.

Глубоко погрузившись в тему ремонта, Марша неожиданно увлеклась и ощутила потребность серьезно во всем разобраться. Ей было четырнадцать. Сложный возраст. Именно в этот период жизни какое-то провидение подсказало ей, что существует совершенно реальная профессия – архитектор.

Она училась в восьмом классе, еще два года в школе, потом пять-шесть лет в институте, итого семь. Хотелось быстрее все попробовать. Марше с детства были знакомы фамилии зодчих, без запинки выговаривала имена Огюст Рикар Монферран, Бартоломео Франческо Растрелли, Жан Тома де Томон, Пьетро Антонио Трезини, а больше всего ей нравилось: Евгений Ипполитович Ферри-де-Пиньи. Она заучила их за необычность звучания, от уважения к творчеству и просто потому, что дома была книга «Зодчие Санкт-Петербурга». Она, сколько себя помнила, разглядывала выполненные в виде рисунков и гравюр изображения старого Петербурга. Возможно, еще и поэтому архитектура всегда казалась для нее чем-то фантастическим и заоблачным, как космос.

Успешно окончив восемь классов и получив аттестат, Марша поступила в Архитектурно-строительный техникум на Рижском проспекте, располагающийся в зданиях бывших Императорских казарм. Готовилась к вступительным экзаменам по рисунку всю весну и часть лета. Какие-то навыки у нее были, а именно – пожизненная изостудия, но для такого случая привлекли профессионального художника. Они рисовали гипс. Все знакомые родителей уговаривали подождать два года и получше подготовиться в институт или Академию. Марша никак не соглашалась, ей хотелось немедленно окунуться в архитектурную атмосферу, боялась упустить время. Потом, много позже, жалела. Училась в техникуме на пятерки, была на голову выше своих сокурсников

по успеваемости и способностям. Задания выполняла с удовольствием и настроением, хорошие результаты и похвалы преподавателей подняли личностную самооценку. В сравнении с бывшими одноклассниками она казалась себе взрослой, уже студенткой.

Потом случилась любовь и все пошло прахом. Окончив техникум, как ни удивительно для тех обстоятельств, с отличием, рванула за предметом своих желаний – челноком по жизни. Умирала Андропов и Черненко, в стране происходили изменения, все торговали. Никому не были нужны специалисты. Она даже не вспоминала о своей мечте – поступить в Академию архитектуры. Спутник вроде ее любил, но не слишком серьезно относился к их совместному существованию. Жениться не предлагал, этот вопрос никогда не возникал, но и не отпускал от себя.

Они снимали квартиру, небольшую «хрущевку», Спутник регулярно пропадал, ездил в Польшу за джинсами, возвращался, несколько дней они жили вместе, торговали на рынке, развлекались на концертах, все было просто замечательно, потом он опять исчезал.

Марша скучала, не знала чем себя занять, решила пойти учиться в Ленинградский институт сценических искусств. Актерских данных не ощущала, но хотелось яркого и шумного бытия, пошла на продюсерский факультет. Окончила с отличием. Работать устроиться не смогла, а на самом деле и не пыталась.

Спутника понесло искать большие деньги и смысл жизни в город Белгород. Там перспективы. Она поехала с ним из любимого Питера... Сняли квартиру, потом купили свою, не новую, но в центре, около университета. Он затеял какую-то аферу со своим школьным другом. Она не вникала. Деньги не переводились. Марша могла не работать и не работала, но решила учиться.

Поступила на строительный факультет, вечернее отделение, так ей было удобнее по сложившемуся распорядку жизни. Спутник просыпался поздно, уходил после обеда, а домой часто возвращался за полночь – «бесконечные совещания». Марша коротала вечера на лекциях. Училась платно. Только не архитектуре, не было такого факультета. По ее специальности готовили конструкторов и прорабов, творческих дисциплин почти не преподавали, но ей все равно нравилось заниматься. По кафедре архитектуры (а вот кафедра такая существовала), два семестра делали макеты, отмывки, проектировали одноэтажные дома, небольшие производственные здания. Не было равных ей в художественной подаче проектов, на ее работы приходили смотреть с других курсов. Обучение в Питерском техникуме сыграло свою роль. Трудновато давались расчеты, но только поначалу, просто успела кое-что забыть. Нашла репетиторов по математике и физике и довольно быстро восполнила пробелы. Учиться

надо было шесть лет. Марша хотела найти работу по специальности, например, на стройке, в ПТО, чтобы приобретенные знания закреплять на практике. Был вариант поработать в новой профессии «дизайнером», но не сложилось, она ждала ребенка, чувствовала себя плохо, а учебу не хотела бросать, решила обязательно получить этот диплом.

Все произошло практически в одночасье – арест Спутника, рождение ребенка, преждевременное, на фоне стресса. Она осталась одна, деньги и квартира были конфискованы. Марша имела солидную подборку специальной литературы по строительству, редкие альбомы по искусству, привезенные из-за границы. Получилось так, что эти книги хранились в съемной квартире, куда они собирались в скором времени переехать, чтобы в своей доделать ремонт. В эту съемную квартиру она выписалась с ребенком из роддома, пробыв там максимально возможный срок. Ребенок был очень слаб, отказывался есть. Молоко стало пропадать. Марша разыскала знакомого художника и продала ему книги, почти за бесценок. На них удалось купить смеси. А как жалко было ребенка, который все время кричал, делая ротик скобочкой, Марша плакала рядом, не зная, чем помочь. Вызвала маму из Питера. Ей пришлось несколько дней улаживать дела с работой, и она не успела. Ребенок прожил только три недели. Сказался Маршин отрицательный резус-фактор. Вырабатывались антитела и вступали в конфликт с отцовскими. Маль-

чик родился живым, поскольку это произошло раньше времени. Количество антител к тому моменту еще не было критичным. Но его требовалось сразу лечить, делать переливания крови, а для этого у Марши не оставалось денег и, главное, не хватило жизненного опыта. Скрываясь на съемной квартире, не имея прописки, она не могла обращаться в детскую поликлинику. Все получилось ужасно! Ребенка надо хоронить, а для этого регистрировать. Вспоминать об этом не хватало никаких сил.

Любовь к Спутнику прошла, превратилась в пустоту. Марша сама попала в больницу, лечили стресс, депрессию, хроническую усталость. Родители нашли ее, неузнаваемую, с полным отсутствием жизненных сил. Привезли домой, в ее Питер, в ее комнату. Будто и не прошло семи лет. Льняные шторы, стены оклеены каким-то фактурным материалом, Марша уже и не помнила, откуда его взяла. Родители ничего не изменили. Комната получилась уютная и цельная, пространство было организовано грамотно. Она с удивлением это отметила, надо же, исключительно по интуиции делала.

Марша потихоньку пыталась жить. Ходила по городу, в музеи, гуляла в парках, смотрела на Неву со стороны Биржи – стрелка Васильевского острова, ее любимое место. Но прошлое не отступало, все было связано невидимыми нитями с архитектурой, Спутником и ребенком, которому при

жизни она так и не успела дать имя, зарегистрировали Андреем, так же, как его отца. Когда она думала об этом, ей становилось страшно и горько. И Марша решила опять уехать. Родители уговаривали не поступать опрометчиво, боялись за ее физическое и моральное состояние. Но она уперлась и не соглашалась. Как-то вдруг в провинциальном городе нашлись знакомые, даже довольно близкие друзья. Родители созвонились с ними, что-то там обмозговали. Марша уже не стала спорить – тем более, что каких-то конкретных планов у нее не было.

– Пошли, Вермикуля, я молочка налью, – Марша пощекотала кота. Тот понимающе встал и вытянулся. – Как же тебя на самом деле зовут?

Марша вспомнила, что звала кота Барсиком, на это имя он никак не откликался, лениво реагировал на «кис-кис». Как-то она говорила по телефону с Антоном, дело было в выходной. Антон попросил Маршу зайти в понедельник с утра на стройку, проверить, какой привезли вермикулит для утепления чердака. Она переспросила: «Вермикулит? Я его и не видела никогда живьем». Антон сказал, что это нечто легкое, гранулированное, в мешках, а ее задача – записать марку, напечатанную на упаковке. Он беспокоился, привезут ли материал нужного качества. Во время этого разговора кот неожиданно встал со своего «тепленького» местечка, полез к Марше на колени и начал заглядывать в глаза. «Может твое имя Вермикулит или как-то созвучно ему?» –

засмеялась Маша. Так и осталось это прозвище.

«All dies ist Dank der Ihnen...» – прочитанная фраза все не шла из головы. Марша опять взялась за альбом. Теперь совершенно по-другому стала рассматривать фотографии и читать автограф на обратной стороне. В большинстве случаев значилась дата отправления и название города, иногда это было несколько предложений и факсимиле: Greta. Тексты написаны на немецком и английском языках. Вернее, часть надписей на английском, а остальные на языке, похожем на немецкий. Зазвонил телефон.

– Алло, Мария! Это Виктория...

– Здравствуйте, Виктория Эдуардовна! – поторопилась ее узнать Марша.

– Мария, я была у твоих родителей, они меня позвали на чай. Хорошие у тебя корни. Мать отдала мне деньги за квартиру, еще за три месяца. Я сделала им скидку, равную стоимости проезда из Ленинграда к тебе. Мне наживаться на людях не обязательно, я с голоду не умираю. А вот наследство берегу, хочу, чтобы оно в хороших руках было. Да, видела детскую комнату, очень понравилась. Родители мне твою историю рассказали, значит, решила все-таки стать архитектором? Хвалю и уважаю! В знак моего расположения хочу сделать тебе подарок. В углу на полке рядом с пианино стоит банка из-под чая с изображением Стамбула. Там лежит ключик. Ты им открой нижний ящик письменного стола.

В нем мной спрятана коллекция покойного дяди – все прижизненные книги Ле Корбюзье, я не слишком этим увлечена, продавать тоже не буду из этических соображений. А тебе вот хочу подарить. Чтобы не прерывалась нить. Если ты задумала стать настоящим архитектором, станешь. Я в это верю! У меня такое условие: никогда, ни при каких обстоятельствах коллекцию не продавать и не разделять. Это тебе от нас талисман и оберег. От таланта к таланту.

– Виктория Эдуардовна... Нет слов, я просто не заслуживаю такого подарка и такого отношения к себе! Я ничего в жизни не сделала, мало того, жила эгоистично, о родителях не думала, а они ведь очень переживают за меня. Я всегда поступала так, как хотела. Вспоминать стыдно об этом, и не умею я пока ничего. Мне повезло, что я встретила вас, поселилась в вашем доме, работаю с Антоном Григорьевичем и ребятами! Я даже не понимаю, за что мне это все!

– Да за твои страдания, вот за что. А ты на ус мотай, как к тебе люди относятся, ты им тоже добром на добро отвечай.

– Да, я так много думаю о жизни сейчас, анализирую. Будто второе дыхание открылось. Даже страшно, что у меня хорошо, а у людей столько проблем, жить трудно, все какие-то потерянные, такое в стране творится!

– Так, мне с тобой болтать дорого! Дом береги! Удачи тебе, милая!

– Ой-ой, Виктория Эдуардовна, а как зовут прежнего хозяина, вы можете сказать?

– Хвалю, значит, по ящикам не рылась, но, видно, что-то накопила!

– Я фото в кожаном альбоме смотрела с архитектурой... – Марше стало неловко.

– Его звали Николай Генрихович Вульф, а отца Генрих... Вульф, какой-то там фон, точно не помню.

ГЛАВА 8. ДЕНЬ ЛОШАДОК

Сегодня Саша попросила Антона прийти пораньше. Просто попросила и все. Без объяснений и намеков. Антон внутренне напрягся. Что могло случиться? Действительно, он всю неделю возвращался домой поздно – задерживался на работе. Но Саша душевно сочувствовала и открыто радовалась его приходу, обычно они вместе ужинали. Вернее, ужинал Антон, а Саша пила травяной чай и рассказывала о последних домашних событиях. Она никогда ни о чем не спрашивала Антона в этот момент, зная, что нормально поесть ему удастся только вечером, дома. Потом Антон недолго посвящал ее в свои дела и отпускал спать, а сам еще смотрел новости или читал газеты. Атмосфера в семье была хорошая. Саша мужественно держалась, при нем не плакала и не вспоминала о случившемся, но Антон знал, что она помнит, грустит и украдкой плачет. Маринка, Сашина подруга, встретив Антона на улице, неожиданно шокировала его:

– Я не представляю, как она дальше-то будет жить, так убивается, сердце не выдерживает, сопереживая.

Антон удивился, он и сам тяжело перенес случившееся, очень тяжело, просто до слез. Он не воспринимал себя черствым человеком, не способным сострадать и чувствовать радость, горе, любовь, потери. Напротив, он ощущал внутри излишнюю сентиментальность, когда слушал музыку или чи-

тал стихи. И, пожалуйста, его Саша, дорогой и верный друг, проявляя чудеса такта и невероятную силу духа, ведет себя при нем как ни в чем не бывало, а подружкам, чужим людям, открывает совсем иную сторону своего душевного настроения. Что такое, неужели она больше не верит в их союз, сомневается в его отношении к ней и детям? Действительно, эту ситуацию он принял, как невозможность сейчас иметь ребенка, сына, будущий ребенок для него не успел материализоваться. Даже Сашу он воспринимал не как маму и малыша, а как худенькую Сашу со смешным круглым животом.

Или она догадывается про Маршу? Но уж тут он совсем безгрешен. Ни словом, ни намеком. Да о чем собственно речь? Ну, пришла новая сотрудница, интересная девушка, но ведь это ничего не значит. Не может же он запретить себе думать о ней, хотя, если бы смог, то запретил. В Антоне назревало внутреннее раздражение, которое он всегда умел гасить. Возможно, она интуитивно чувствует. Иначе почему Саша вдруг резко, что несвойственно ей, ответила на его вопрос о том, хорошо ли Марша справляется с работой, мол, а ему какое до нее дело? Антон буквально опешил и даже не нашелся, чтобы свести все на шутку. Промолчал, а зря, теперь будет думать неизвестно что.

На прошлой неделе Бархин затащил его к себе, визит был согласован с Сашей, она искренне порадовалась за Антона, ведь он сможет, наконец, отвлечься от работы и пообщаться с близким другом. Общение затянулось, они немного приня-

ли лишнего, так в запале разговора получилось, и Антон уже не пошел домой, а заночевал у Бархина. Саша сама звонила Женьке, узнавала, где Антон и посоветовала ему остаться, чтобы не ходить по ночам, да еще нетрезвому. Саша всегда боялась за него. Может, она подумала, что мы были с «девочками»? Антон даже рассмеялся вслух, хорошо, в кабинете больше никого не было.

С Бархиным, как водится, послушали диски, привезенные родственником из-за границы, среди них новый Pink Floyd «A Momentary Lapse Of Reason».

– Мне вообще—то не очень нравится, вполне традиционно, люблю их первый альбом, барретовский, «The Piper At The Gate Of Dawn», 1967 года

– Тебе не угодишь, – рассердился почему-то Бархин, – хотел диск подарить, а он воображает.

Антон засмеялся:

– Ну, вообще-то альбом хороший, особенно в сравнении с тем, что у нас можно достать.

– А-а, сразу на попятную.

– Да нет, не возьму, тебе самому пригодится, ты меня и так балуешь.

– Вот, а Pixies тогда взял, не побрезговал.

– Да то ж любимое, «Surfer Rosa», не устоял.

– А как с Марией, устоишь?

– Ты о чем? – Антон так искренне удивился, что Бархин даже немного растерялся.

– Да ладно, будто я не понял, да и не я один.

– Ты сейчас кого имеешь в виду? Сашу?

– Ах, уже и до Саши слухи дошли? Ты верно совсем не догадываешься, что за чудо рядом с тобой живет, твое существование освещает! Какой она необыкновенный человек, я уж не говорю о внешних данных, это всем видно и понятно, но просто по-людски, она же образец женщины, жены и матери!

– Ты мне решил рассказать, какая у меня жена хорошая, я и сам это знаю, без твоих адвокатских выпадов.

– Ну, знаешь и ...? А что ты для нее делаешь? Конкретно для нее. Она вот о тебе заботится, пытается не грузить проблемами, готовит, кормит, покупает продукты, убирает квартиру, воспитывает дочку, а что ты сделал в последнее время для нее лично?

– А что я? Я работаю.

– А она тоже работает! Причем на должности, которую три месяца назад ты сам занимал, так что представление имеешь, как ей достается! Можно подумать, от твоей работы ей самой какой-то прок. Зарплата громадная или еще что-нибудь? Она просто сознает, что для тебя это важно, вот и тешит твои амбиции. Понимает, что эта работа необходима для тебя, как для личности, а ее личность ты вообще не рассматриваешь как заслуживающую внимания. Принимаешь все от нее, как должное. Вот ты такой хороший – гениальный, окружающие обязаны тебе ручки целовать.

– Ну что ты говоришь, Женька, разве я такой?

– Да вроде и не такой! А начинаю углубленно думать, получается, что ты настоящий эгоист, замкнутый на своих интересах.

– Ну, вообще-то все мужчины эгоисты, просто тебе про себя сказать нечего, ты живешь один, сам с собой в ладу, а попробовал бы с другим человеком, даже самым хорошим, у которого свои взгляды на жизнь, на вещи, на быт, на воспитание детей. Приспособиться довольно трудно, встать на позиции другого, особенно женщины, ведь они совсем иные, у них и жизненные приоритеты свои, это огромный каждодневный труд. Попробуй не придирайтесь, если тебя что-то раздражает, не высказывать обиды, если что-то обижает. Мне еще повезло, я сдержанный, могу эмоции прятать. Вероятно, иногда их окружающим и не хватает. Представь, вот все задерживаются после работы. Я как никто понимаю, что Саше надо домой, заниматься Лейлой. И она уходит, а остальной коллектив вкалывает, у них тоже есть личная жизнь, правда, пока все одинокие, но так недолго и в холостяках засидеться. А мне какво? Значит, для своей жены я делаю исключение. Я в это время фактически ее замещаю, если возникают вопросы. Но, обычно, не возникают. Я остальным всегда говорю, что переработки оплачиваются, и сам на работе торчу до посинения, чтобы кто-то чего-то не подумал про нас с Сашей.

– Раз не возникает проблем, значит, Саша хорошо справ-

ляется со своими обязанностями в основное рабочее время! Так? А получает за свой труд те же деньги. А ведь ей приходится работать более интенсивно.

– Да, так и есть, зачастую ее зарплата меньше, чем у других, а ответственность больше в разы, она же подписывается как начальник группы и как проверяющая.

– И сам свои переработки не учитываешь, точно?

– Не учитываю, конечно, я же руководитель, у меня вообще рабочий день ненормированный.

– Давай, давай, экономя деньги государственные. Кто-то тебе за это спасибо скажет, – беззлобно бухтел Бархин, подливая Антону виски.

– Знаешь, Женька, ты не волнуйся за Сашу, у нас все хорошо, а пройдет время, придем в себя, будет еще лучше.

– Да знаю, завидую, видимо. Я бы на твоём месте на руках ее носил, чтобы она туфельки не запылила, ничего бы делать не давал.

– Я бы тоже, но не получается, Жень! Знаешь, а хорошо, что ты мне это сейчас сказал. Даже не знаю почему, какие-то нелицеприятные вещи, а вот нужно было услышать, чтобы все у себя в голове расставить по местам.

Такой разговор произошел у Антона с Бархиным, тему Марши удалось пропустить, а она всплыла слишком неожиданно для Антона, ему даже показалось задним числом, что Бархин специально его позвал и устроил трепку за Сашу, чтобы предостеречь, непонятно только от чего. Но у Женьки

свои взгляды на эту ситуацию, Антон понимал.

Антон старался прийти домой к семи, так попросила Саша, но в последний момент, когда он уже стоял в дверях кабинета, завалился главный конструктор из «Гражданпроекта» и, как ни в чем не бывало, начал вешать на Антона свои проблемы. Он насилу от него отвязался, причем собеседник остался озадаченным и разочарованным. Антона выручило то, что его до дома подвезли знакомые геологи, встретившиеся на выходе.

Открыв дверь ключом, Антон прислушался. В квартире стояла тишина, не было слышно ни голоса Лейлы, ни магнитофона, ни телевизора. Он вошел в комнату. За круглым столом сидели Саша в красивом платье и Лейла в еще более торжественном наряде, с бантами на косичках. Стол был празднично накрыт на троих, около каждой тарелки паслись игрушечные лошадки, точные маленькие копии настоящих – обожаемое развлечение Лейлы.

– Папочка! – восторженно закричала Лейла, – ура!

– Что такое у нас произошло? – спросил Антон, несколько секунд перед этим прокручивая все памятные семейные даты заодно с днями рождения любимых музыкантов и выходом знаменитых альбомов.

– Сегодня День лошадок, папочка! – Лейла была возбуждена и так громко говорила, вероятно, опасаясь, что ее не услышат.

– О, я очень рад! Давайте праздновать? А что наши лошадки кушать будут?

– Как, папочка, ты разве не знаешь, ведь лошадки любят сено!!!

– Да, да, точно, сено, а нельзя ли попросить и мне немного сена, я только что с работы пришел и проголодался! А у вас тут так вкусно пахнет свежеприготовленным сеном!

– Да, конечно, можно. Мамочка вкусно готовит сено, она его сварила, потом слегка обжарила, приправила солюшкой, – Лейла была в восторге.

– Что же ты, деточка, кулинарные секреты выдаешь, – засмеялась Саша.

– Ну, мамочка, я же папочке выдаю. Папочка, а ты сено будешь с чем?

Антон покосился на Сашу, ища подсказку. Саша тут же поняла и подхватила:

– Папочка будет сено с котлеткой, а Лейла с чем? С молочком?

Лейла кивнула. Взяла свою лошадку в руку и стала наклонять ее к тарелке, призывая родителей поступить также. Все лошадки начали дружно употреблять жареную картошечку.

– Ах, какое чудесное сено, надо теперь и папе попробовать, а то оно может остынуть, – забеспокоилась Саша.

Пока ужинали, Лейла умудрилась в промежутках между пережевыванием сена поведать родителям дальнейшую программу, в которую входили: хоровод с лошадками, запуск

бумажных самолетиков, разбрасывание конфетти, поедание праздничного торта, прогулка на свежем воздухе, и еще, и еще...

Антон катал Лейлу на плечах, изображая скакуна, выправку которого Лейла высоко оценила. Потом ползал на коленях, а дочка запрягла его в уздечку, залезла на спину и требовала, чтобы он «мчал быстрее». Затем лошадку представляла Лейла, у нее была такая вещица, сохраненная Сашей еще из своего детства – полоска из кожи с нашитыми бубенчиками, с одной стороны к ней был пришит ремешок, который надевался через голову, а снизу к нагруднику с бубенчиками прикреплялись длинные веревочки, проходившие под мышками и обозначающие поводья. Лейла носилась вокруг стола с согнутыми перед грудью ладошками, а Антон бегал за ней, держа вожжи и кричал: «Но-о-о, лошадка!!!». Между действиями Саша успела шепнуть ему:

– Спасибо тебе!

А он ей подмигнул и расплылся в своей обворожительной (знал об этом) улыбке.

На шум пришла соседка Люба, и веселье продолжалось уже с новыми участниками. Зарезали арбуз, хрустящий, густо-розовый, сладкий. Наконец наступила очередь десерта. Торт оказался потрясающим, потому что это и правда, был стог сена. Антон очень удивился:

– А как вы это?

– А вот так! – гордо объяснила Лейла, – закарамелизовали

сахар!

– Ну, тогда все ясно, – Антон, кивнул головой, хоть ничего на самом деле не понял. Высокий тортик был обвит тонкими коричневыми нитями, а внутри оказался шоколадным, мягким, напоминающим пирожное «Картошку», – боже, как вкусно!

Этот чудесный вечер закончился совместной прогулкой по осеннему парку. Уже стемнело, но при свете фонарей все казалось еще более сказочным и загадочным.

Разволнованную событиями минувшего дня Лейлу с трудом удалось уgomонить и уложить спать, прочитав три сказки, естественно про лошадок, что же сделаешь, день такой! Антон усыплял Лейлу, пока Саша убирала со стола. Когда он вышел к ней, в комнате уже все было чисто, только немного конфетти осталось лежать на ковре. Антон машинально нагнулся и поднял их.

– Ты самая хорошая! Самая!

Саша смотрела на него и улыбалась:

– Лейла все придумала, так захотела тебя увидеть! Ребенок-то умнее нас, ведь именно этого нам и не хватало – чтобы наступил День лошадок.

ГЛАВА 9. МАРША. АРХИВ

В поисках сведений о хозяине дома Марша стала наведываться в исторический архив. Уже несколько недель, по часу-полтора в день, если получалось. Архив был открыт в будни с десяти до шестнадцати, и попасть туда работающему человеку оказалось проблематичным.

По предварительной договоренности с Антоном Марша срывалась в обеденный перерыв, а потом вечером задерживалась на работе допоздна. Никто не знал, куда она так исправно исчезает. Виталик сгорал от любопытства, наверное, придет еще какое-то время, и он начнет за ней следить.

Марша не так много откопала данных, но всплыли некоторые фамилии и поиск все расширялся, а не углублялся, как хотелось бы ей. Она выяснила, что хозяин дома – Николай Генрихович Вульф, 1932 года рождения, его мать – Вульф Елена Никитична, урожденная Воронина, отец – Генрих Мария Отто Вульф, 1899 года рождения, немец по происхождению. Всплывали какие-то адреса мест проживания. Было интересно, но немного обыденно. Ей же хотелось узнать о той, кто подписывала открытки. Срочно следовало выяснить, как в этом городе оказался Генрих Вульф.

Марша, с разрешения хозяйки, вскрыла тайник с коллекцией Вульфов, которая содержала несколько изданий

на иностранных языках с фотографиями работ Ле Корбюзье и его авторские книги. «Градостроительство» (1925 год), «К архитектуре» (1923 год), в холщовом мешочке, отдельно от других, хранились воспоминания: «Путешествие на Восток» (1913), на титульном листе было написано: «Teuerer Heinrich Wulf ab poklonnika seinigen Talents» – «Дорогому Генриху Вульффу от поклонника его таланта» и подпись: Ле Корбюзье, 1930 год.

В архиве работала Ольга Викторовна. Прямая спина, худая, жилистая (если так можно сказать о женщине), короткая стрижка, темные крашенные волосы, крупный тонкий нос. Она напоминала Ахматову с известных Марше картин и фото. Одежда дополняла образ. Ольга Викторовна носила женственные струящиеся длинные платья и юбки. Пена воланов порхала у шеи, скрывая возраст. На нее было приятно смотреть. Как выяснилось впоследствии, она профессионально занималась балетом, но травма не позволила ей выстроить полноценную карьеру. Называла Маршу она исключительно по фамилии, как когда-то делали курсистки. Марша обращалась к ней по имени отчеству, а она к Марше – Шарова, по документам. Перебирая пыльные папки, Марша бессистемно вела поиски до тех пор, пока это окончательно не надоело Ольге Викторовне:

– Шарова, или вы мне объясняете суть проблемы, и мы постараемся ее решить вместе, или ваша деятельность обре-

чена на провал.

Марша не сближалась с людьми и вела замкнутый образ жизни. На работе была вежлива, внимательна, аккуратна, но полностью внутренне закрыта. От этой ситуации она испытывала неожиданный душевный комфорт. Ощущала себя защищенной и загадочной. Ей не хотелось никого посвящать в то, что именно она искала в архиве, но вкратце объяснить пришлось.

– Ольга Викторовна! По адресу, который я Вам указала, проживал архитектор Николай Генрихович Вульф, наполовину немец по происхождению. Мне необходимо узнать, каким образом его отец попал в Россию. Я научную работу пишу, по охране памятника истории и культуры, – добавила она, чтобы подчеркнуть важность поисков.

– Надо писать в Москву. С заграницей только тамошний архив связан. Я помогу, у меня такие случаи встречались. Официальным бланком быстрее получится, может, через месяц-два что-нибудь и пришлют.

В тайнике хозяйки вместе с книгами, которые завещали Марше, лежал сверток, упакованный в почтовую бумагу и перевязанный крест-накрест скотчем. Марша пощупала его, поняла, что там не книга, нет характерных для томика четких углов, значит, данная вещь не предназначалась ей, и положила пакет назад. Надо сказать по-честному, Марше очень хотелось узнать, что там находится. Причем это желание появилось не сразу. Прошел уже месяц, как они от-

правили письмо в Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства г. Москвы (ЦГАОРСС).

Сегодня Марша решила опять посмотреть на сверток. Достала ключ из заветной баночки, открыла ящик стола. Свои книги она уже забрала, аккуратно обернув каждую, сложила в удобный коробок из-под стандартной бумаги для печати. Сначала ей хотелось красиво обклеить картонные стенки, потом испугалась привлечь внимание, а вдруг воры! Раньше никогда не думала об этом и не боялась оставаться в доме одна, а теперь носилась с дорогим приданым, не знала, куда его спрятать.

Вспомнив фильмы про охотников за антиквариатом, она задним числом забеспокоилась, ведь квартира наводнена диковинными предметами, если кто-то в курсе этого богатства и знает, что хозяин умер, вполне сможет организовать мероприятие по изъятию ценностей.

Сверху в коробку, где лежали книги, она положила свои джинсы и клетчатую рубашку. Джинсы были старые, фирменные с горизонтальными прорезями на коленях, их подарил спутник Андрей, когда занимался фарцовкой. Марша раньше невероятно ими гордилась, теперь же использовала во время уборки, выбрасывать не собиралась. По ее мнению, состояние одежды должно отпугнуть потенциальных воров. Для большей надежности она написала на крышке: «обмун-

дирование на случай ремонта».

В ящике стола оказались еще какие-то вещи. Скорее всего, они не были специально спрятаны сюда хозяйкой, просто при жизни Николая Генриховича находились здесь. Хотя в столе, да и в доме, только этот ящик закрывался на ключ, являясь своеобразным сейфом. Марша аккуратно начала выкладывать содержимое. Загадочный сверток, деревянный ученический пенал, внутри которого лежала ручка из прозрачной пластмассы с тонким перышком. На дне рассыпались еще несколько перышек. Одни совсем новые, блестящие, другие тщательно отмытые от туши, расписанные, подлаженные. Марше хорошо знакомы эти предметы. Перьевыми ручками она пользовалась в техникуме. Съемные перышки уже тогда были в дефиците, ими делились с друзьями, доставали из загашников родителей. Раньше все школьники писали такими перьями, Марша сама почти захватила это время. Студенты применяли их для работы над курсовыми проектами. Витиеватые контуры аканта капителей по линейке не начертишь, только по лекалу или от руки. Еще Марша использовала перья для оформления поздравительных адресов. У архитекторов особенным шиком считалось владение каллиграфическим шрифтом. Каждый придумывал свой, оттачивал его до виртуозности. Некоторые таланты осваивали несколько видов. Марша рассматривала перышко. На нем была выдавлена пятиконечная звездочка. Но это – крупное, а на маленьких экземплярах никаких опознавательных зна-

ков не было. Она осторожно закрыла пенал и подумала, что ведь никогда не видела портрета или фото Николая Генриховича, тем не менее, представляла его, создала образ. Что-то перевернулось у нее в душе. Она почувствовала нежность к людям, которых совсем не знала. Эти перышки, так бережно хранимые про запас, до того времени, когда их хозяин поздним зимним вечером откроет потайной ящичек, достанет пенал и будет подписывать от руки какую-нибудь открытку или авторский рисунок. А может, он рисовал? Точно, он, скорее всего, занимался графикой. Многие архитекторы являлись отличными рисовальщиками, живописцами, скульпторами.

Марша тут же вспомнила своего учителя по графике, которого называли дедушка Базилевский. На занятия он всегда приходил в черном берете и не снимал его, из-за этого становился похож на столяра. Он брал ручку с перышком и рисовал все, что придет в голову. При этом остроумно пояснял, почему он делает это именно так. Еще он преподавал студентам гравюру по линолеуму – линогравюру. Марше нравились занятия, она смогла проявить себя и числилась у дедушки Базилевского в любимчиках. Дедушкой его прозвали за бороду, которая, скорее всего, старила его. Он был легок в движении и по-особенному современен, много знал, сыпал фактами из биографий знаменитых художников, приводил яркие примеры, говорил с юмором и теплотой. Никогда не повышал голос, не ругал студентов. На его занятиях

была потрясающая тишина, будто присутствующие боялись пропустить что-то особенно важное. Как в театре. Предмет длился только один семестр. Марша потом обязательно здоровалась с учителем, но никогда с ним не общалась, робела. А сейчас так захотелось его увидеть. Вот кому она бы рассказала все о Вульфях.

Остальные вещи как-то не заинтересовали Маршу. Зачем их прятать под ключик, она не догадалась и решила пока не ломать голову.

Внимательно рассматривая сверток, Марша поняла, что скотч отклеивали. У нее по спине даже мурашки пробежали. Кто это сделал? Хорошо, если Виктория Эдуардовна, а если нет, если она потом подумает, что это Марша. Но ведь и правильно подумает. Марша все равно совершила бы это, раз собралась. А, теперь уж без разницы. Она аккуратно подцепила скотч. «Обязательно покаюсь перед Викторией Эдуардовной», – успокаивала себя Марша. В обертке хранился большой пакет от фотобумаги, без надписи. Слава богу, он не был заклеен, а трогательно перевязан голубой тесемкой на двойной узел. «Прямо как в романах о любви», – подумала Марша. В пакете находились письма. Они были в конвертах, на каждом печатным шрифтом на русском языке написано: «Почтамт. До востребования». И город. Обратный адрес напечатан на немецком. Послания недлинные, примерно на страницу, их было двадцать штук. В последнем конверте, гораздо более толстом, лежали фотографии. Марша внима-

тельно рассматривала снимок молодой женщины. Неужели это она? Шляпка—грибок с короткими полями, опущенными вниз. Типичная одежда начала века. На шее нитка жемчужных бус. В общем, довольно привлекательная, но не красавица. На карточке значилось: 1931. Были и другие снимки. Группа мужчин в пальто и почему-то одинаковых шляпах, на фоне стройки. Еще несколько фотографий мужчин. Еще одно фото «Грэты» – без головного убора, короткие темные волосы, хотя, может быть, так получилось на контрастном черно-белом снимке, и очень высокая челка. Девушка широко улыбалась, приоткрывая ровные зубы. Теперь она показалась Марше еще менее симпатичной, но довольно обаятельной. Глаза глубокие, темные, цепкие, выдавали веселый характер.

Ольга Викторовна достала из картонной папки листок писчей бумаги, сверху к нему скрепкой был приколот конверт. Марша отметила, как Ольга Викторовна профессионально работает с документами. Ей стало жалко, что информацию она прочтет не первой, но тут же забыла об этом.

В справке значилось: «Генрих Мария Отто Вульф, 1899 г.р. прибыл в СССР в 1930 году в составе группы немецких архитекторов под руководством Эрнста Мая для строительства новых городов». Подпись и печать. Вон оно как. Прямо городов. Ничего-то мы не знаем о своей истории. Она посмотрела на Ольгу Викторовну.

– Предвижу ваше недоумение. Это письмо получили приблизительно неделю назад. Я его вскрыла. Так положено. Ведь запрос мы отправляли официально. Да и мало ли какой ответ бы пришел. Как я понимаю, Вам ничего из этого извещения не понятно. Да и мне не все было ясно. Поэтому я воспользовалась связями и попросила, неофициально, прислать нам документацию на предмет приезда в Советский Союз группы Эрнста Мая.

Она достала пухлую папку. Это мне передали с поездом. Копии. Сама поражаюсь, что все получилось, конечно, сейчас не старые времена. Архивы рассекретили. Но так оперативно! Я и не настолько близко знакома с Нелли Георгиевной. Правда, был случай – выручила ее. Она у нас тут одну династию раскапывала, для диссертации, так я уникальные документы предоставила. Может, она в знак благодарности теперь помогла мне? Научная работа получилась достойная. Меня приглашали на защиту, я присутствовала, как родственница. Ольга Викторовна засмущалась.

– Расскажите мне как-нибудь?

– Как-нибудь, может быть, – ответила Ольга Викторовна с улыбкой, – читайте уж, не буду мешать, вижу, не терпится. Вообще-то это ваше, забирайте домой и пользуйтесь. Я, конечно, сделала копии, на всякий случай, привычка.

ГЛАВА 10. АНТОН. САША. БАРХИН

Бархин был влюблен в Сашу Завишу. Об этом знал весь курс, включая Сашу. Он был влюблен громко. Наверное, в какой-то мере данный факт отпугнул от Саши половину потенциальных кандидатов на ее расположение.

Саша Завиша была влюблена в Антона. Об этом знали многие. Не догадывался только Антон. С виду он производил впечатление тихого, неразговорчивого человека, помещанного на рок-музыке. С однокурсниками-юношами беседовал о вышедших альбомах, обменивался дисками и записями. Антон, разумеется, привлекал внимание девушек своей эпатажной одеждой и прической, оставаясь для них скорее загадочным, нежели доступным. О том, что у него есть собственная группа, с которой он играет как лидер—гитарист, до третьего курса вообще никто не знал. Все неожиданно раскрылось, когда Антон завалил сессию, и его собирались отчислить. Это было удивительно для многих, ведь он выделялся своими способностями и выдавал интересные архитектурные идеи. Конечно, курсовые работы не всегда удавалось сдавать вовремя, так как он не желал торопиться к сроку в ущерб качеству. В результате он почти не имел отличных оценок за блестящие проекты.

Новый декан факультета, Полевой Анатолий Дмитриевич, вызвал Антона в свой кабинет.

– Здравствуйте, Анатолий Дмитриевич!

– Заходи. Хочу с тобой познакомиться, дружок. Давай побеседуем неофициально. Я только первый год деканом, как тебе известно, до этого работал в проектной организации, был главным архитектором мастерской. Когда объявили конкурс на замещение вакансии декана архитектурного факультета, подал заявку без всяких особых надежд. Думал, что в деканах должны ходить умудренные седидами старцы, а мне и сорока не исполнилось. Если честно, хотел поближе к институту и студентам прибиться, скоро дочка поступать будет, предполагал ее учебу под контролем держать. И почему-то выбрали именно меня. То ли всем надоело, что предыдущий декан, ввиду почтенного возраста, часто болел, то ли другие причины, но как оказалось, мне моя молодость в данном вопросе помогла. Ты что засмеялся, считаешь, сорок лет это много, уверяю тебя! Прекрасный период расцвета для мужчины, вспомнишь когда-нибудь мои слова.

Расскажу еще историю. Дочка наша, старшая и единственная, потому что у меня кроме нее два сына помладше, запросилась на рок-концерт. Я предупредил, мол, одну не пушу, только с кавалером. Раз кавалера нет, со мной пойдешь. Она не слишком обрадовалась, но другого выхода не было. Я сам идти не сказать, чтобы очень хотел, но мог бы приоб-

щиться, музыку люблю – джаз и рок. И даже знаю, кто такие панки. Пришли мы на концерт. Выступали группы местные и из ближайших городов региона, подобное у нас происходило впервые, молодежь на ухах стояла. Коллективы исполняли по одной песне. Все почему-то на английском языке. Битлз и Роллинг Стоунз – это то, что я угадал. Дочь моя счастливая была, просто невероятно. Очень ждала какую-то «Лейлу». Наконец они вышли. Тут такой ор начался, я думал, оглохну. Солист красавец длинноволосый, прямо как ты. Спели они удивительную песню. Я до сих пор ее слышу, запала мне в душу. Дочка говорит, мол, пап, это ж мальчик с твоего архфака. Что скажешь, какая была песня?

– Вообще-то ирландская народная баллада «Whiskey in the Jar», а группа Thin Lizzy сделала на нее рок-версию и прославилась вскоре после того.

– Значит, «Лейла». Скажи, музыка и есть причина хвостов, не успеваешь учиться?

– Раньше успевал. Группе уже четыре года.

– А что теперь случилось? Понимаешь, я помочь хочу, разобраться в ситуации. Вряд ли ты станешь это с родителями обсуждать, ведь правда?

– Скорее всего, не буду. Наверное, надо когда-то начинать самому отвечать за все.

– Тебе сейчас двадцать лет, жизненного опыта явно не хватит. Советую поговорить с кем-то, кто постарше. Себя не навязываю.

– Да нет, я совсем не против обсудить, именно потому, что вы архитектор и, как я понял, музыку слушаете. Понимаете, после того концерта меня пригласили поиграть в одну московскую рок-группу. Она довольно известная, называется, правда, по-дурацки: «Метеоры». Исполняют свои песни на русском языке. Музыка такая, ближе к панку. Неплохая, на мой вкус, команда. У них гитарист ушел. Вот они никак не могут найти кандидата, чтобы в коллектив влился. Со мной пообщались, позвали попробовать. Я в Москве неделю прожил, играл с ними, кучу народу интересного повидал, Макаревича слышал, представляете, живьем! «Метеоров» я устроил по всем параметрам. И тут вдруг понял, что не знаю, хочу ли этого. Во-первых, как быть с моей группой? Я так тщательно музыкантов подбирал. Мы друзья. Об этом говорит даже то, что они в один голос отпустили меня в Москву пробоваться, без обид. Во-вторых, я в своей группе лидер. Мне неважно быть главным, просто я предпочитаю играть только то, что нравится. В-третьих – институт. Его точно невозможно совмещать, я пропустил лишь неделю и все завалил. А там постоянные разъезды, гастроли. Архитектуре, как и медицине, нельзя научиться заочно. Потом, есть еще нюанс, я не знаю, чем я больше хочу заниматься в дальнейшей жизни. Надо выбирать. Вот, как Андрей Макаревич, архитектуру бросил, стал профессиональным музыкантом. Быть дилетантом в музыке страшно – я ведь самоучка. Быть средним исполнителем, какой смысл, когда в мире

невероятное количество гениальных групп. Может, все-таки стоит получить профессию, которую я сам выбрал?

– А твои музыканты кто?

– Мы начали играть еще в школе, костяк из моего класса, но есть и из других школ. Сейчас все студенты.

– Я смотрел твои работы. У тебя талант.

– Вы так считаете?

– Да уж, поверь, я всякого повидал!

– Мне нравится заниматься архитектурой, очень!

– У меня предложение. Вот сейчас конец сессии. Давайте на факультете устроим праздник по случаю окончания учебного года. Вы со своей группой выступите. У вас репертуар большой?

– Репертуар большой, но на русском мы не поем.

– Да кто особенно поет-то? Время «метеоров» еще не пришло, но, чувствую, придет. Так что, согласен? Если до осени с хвостами разделаешься, все простим. По проектированию давай я тебя проконсультирую, а ты – меня по рок-музыке подкуешь, познакомишь с новинками. По остальным дисциплинам готовься сам. Помогу только устроить внеочередные свидания с преподавателями. Думаю, стоит сыграть на концерте, чтобы расположить их к себе. Полную явку гарантирую.

Антон оставили в институте. Наверстывал летом. Штудировал предметы, которые надо было пересдать. Выполнил

курсовые работы. Учился, как на фронте, с маниакальным упорством. И все получилось.

Анатолий Дмитриевич консультировал его по архитектуре. И не один раз. Их встречи оказались полезны для обоих. Они по-настоящему подружились. Декан дал понять Антону, что проектирование – это увлекательнейший процесс со многими неизвестными. Решать такие задачи под силу не всем, облекать функцию в красивую оболочку, делать конструкции частью архитектурного замысла, создавать удобную среду для комфортной жизни человека – удел талантливых профессионалов. Анатолий Дмитриевич устроил его временно на работу в свой бывший проектный институт. Там разрабатывали ресторан, некоторые специалисты была в отпусках, и пригодился студент с хорошей графикой – для оформления демонстрационного материала. Такая стажировка многое раскрыла Антону в будущей профессии, он как бы изнутри увидел всю кухню, от начальной стадии проектирования до конечной. И очаровался.

Среди всех людей, оказавших на него наибольшее влияние в жизни, Антон поставит Анатолия Дмитриевича Полевого на первое место. Правда, это первое место он поделит с Китом Ричардсом, гитаристом группы Роллинг Стоунз.

На свой пятидесятилетний юбилей декан архитектурного факультета пригласит в качестве почетных гостей Антона и Сашу Кругловых. Как сказал сам Полевой, одним из главных достижений своей жизни он считает тот факт, что со-

хранил в профессии очень талантливого человека.

А концерт состоялся. Это был грандиозный успех. Мало того, подобные мероприятия начали проводить регулярно. Группа стала визитной карточкой архитектурного факультета. Чтобы помочь ребятам-музыкантам, декан в обмен на безвозмездное оформление вестибюля силами своих студентов и преподавателей выпросил у ректора помещение старого гаража для репетиций.

Всем миром, как на коммунистическом субботнике, студенты-архитекторы ремонтировали, утепляли, обустроивали его. Потом проводился конкурс среди второкурсников архфака на право оформить стены. К состязанию подключились и желающие со старших потоков. Из победителей создали бригаду.

О, как они расписали гараж! Со стен смотрели узнаваемые всеми Битлз и Роллинг Стоунз, по залу носился, задрав кверху микрофон, в королевской горностаевой мантии Фредди Меркьюри, самолетом раскинув руки, планировал Пит Таунсенд. Получился настоящий рок-клуб.

По предложению Антона, одну стену в гараже покрасили в черный цвет и разбили белыми линиями на квадраты. Сделали своеобразный мартиролог. Чтобы обойти претензии руководства, назвали ее стеной борьбы против насилия и наркотиков. Каждая клетка предназначалась одному великому рок-музыканту, которого уже не было в живых, первым свое

место занял убитый в декабре 1980 года Джон Леннон, далее следовали портреты Джимми Хендрикса и Джима Моррисона, Дженнис Джоплин и Марка Болана.

Но не простые это были времена. Еще жив Брежнев. Еще не умирали Андропов и Черненко. Еще не дул ветер перемен Горбачева. Поступок Полевого могли расценить как угодно. Но обошлось. Стихийно на других факультетах стали появляться свои рок-команды. И они запели на русском, сначала робко, а потом смелее. Настало время «метеоров», как предсказывал Полевой.

Вот так Антон Круглов, став местной знаменитостью, запал в сердце хорошей девушке, Саше Завише, которую открыл для всех Женька Бархин.

Саша Завиша – улыбчивая тоненькая барышня, со светло-пепельными волосами. Женька ходил за ней хвостиком, всячески пытаясь оказать помощь, в том числе и в учебе. Саша иногда великодушно позволяла.

Бархин прилагал все силы, только бы его заметили и оценили. Ленинский стипендиат, сдавал задания раньше остальных, чтобы высвободить время и помогать Саше. Она, впрочем, была добросовестной студенткой и в особой опеке не нуждалась. Саша дружила с ребятами из своей группы, а Бархин учился в параллельной и в ее компанию не входил. Антон же числился с Сашей в одной группе, но к этой компании тоже не прибился, у него были свои предпочтения. Он и с Бархиным никогда не общался. Здоровался, конечно.

Каким образом они все трое получили направление в один город и в один «Гражданпроект» – история почти фантастическая.

Распределение происходило согласно рейтингу по успеваемости. Саша значилась в списке десятой. Бархин учился отлично, стоял в ранге вторым. Антон последние два года тоже неплохо успевал, но события первых лет обучения сказались на общем бале, и он был сороковым, нормальный результат – выше среднего уровня.

Саша, тихо, ненавязчиво влюбленная в Антона, никогда ничего ему не намекала, изредка разговаривала с ним на отвлеченные темы, чаще всего о музыке, которую тоже любила, о живописи или еще о чем-то нейтральном. А тут напрямик спросила, куда бы он хотел поехать по распределению. Антон, ничего не подозревая, сказал, что его вполне устроит «Гражданпроект» в любом городе страны.

Сашу вызвали раньше Антона, еще была не занята козырная точка в реставрационных мастерских в городе Пушкин под Ленинградом, но она рискнула, выбрала «Гражданпроект» в городе К.

Антон тоже наметил город К. – все другие «Гражданпроекты» оказались к этому времени уже разобраны, а туда требовалось максимальное количество специалистов – четыре.

А Бархин-то опоздал! Ходили слухи, что все не случайно, вроде он не хотел распределяться раньше Саши, но просчитался. Припозднившись на час, он предполагал, что всего

лишь пропустит свою очередь, но не тут-то было. Вызывали строго по ведомости. Когда список кончился, в рекреацию, где ожидали студенты, вышел декан и спросил про Бархина. Убедившись, что ничего криминального с ним не произошло, пригласил в кабинет.

Так отличник Женька Бархин, получивший красный диплом, должен был выбирать из двух точек: районный центр Борисоглебск или город Рыбинск на Волге. Декан и Бархин молча смотрели друг другу в глаза. И хотя прошла только первая стадия, точки распределения пока предварительно закрепили за участниками, так чтобы не было накладок и недовольных, а расписываться за них будущие специалисты начнут сразу же после выбора финального претендента – Бархина, но фактически, сделать было уже ничего нельзя. Женька спросил то, о чем сам совершенно точно знал:

– А Саша Завиша?

– Она в город К.

– Тогда я в Борисоглебск, все-таки поближе, чем Рыбинск.

За дверью послышался шум голосов, даже нечто похожее на потасовку и возглас: «...ненормальная, там же судьба человека решается!». Декан вышел в приемную:

– Что произошло?

Ему ответили несколько голосов, в результате он сразу ничего не мог понять.

– Кто-нибудь один, объясните!

– Анатолий Дмитриевич, вот Ленка Иванова, то есть Чурикова теперь, проговорилась, что она с мужем останется здесь, не поедет по распределению, мол, ей уже место нашли.

– Это так, Лена?

– А что, мне с мужем отдельно жить?

– Вы куда распределились?

– В город К.

– Зайдите, прошу Вас, в мой кабинет, поговорим.

Декан привел всхлипывающую Ленку. Члены комиссии удивленно смотрели на нее.

– Товарищи, давайте поможем человеку, пока есть возможность, я предлагаю сменить выбранный ею город К. на Борисоглебск, поскольку она замужем, муж остается здесь и это наиболее приближенная областная точка распределения.

Ленка, ничего толком не понимая, испугавшись разоблачения, доверилась декану, которого все они, бесспорно, уважали и любили именно за справедливость, кивнула.

Бархин сидел ни жив, ни мертв. Он чувствовал, что мир вокруг переворачивается. Много раз потом эти минуты он вспоминал как определяющие в его судьбе.

– Так, Евгений Леонидович, теперь вы лишились возможности поехать и в Борисоглебск, не следовало опаздывать. Сами понимаете, девушка раньше вас выбирала, а мы о молодых семьях заботимся. Вам остается только Рыбинск и город К.

– Ура! – это в кабинете декана кричал Женька Бархин. Члены комиссии с ужасом смотрели на Полевого, ничего не понимая.

Декан спокойно сказал:

– По опыту, я знаю, что семейные барышни не ездят по распределению за двести километров. Они лучше уйдут из профессии. А эту точку жалко терять, там «Гражданпроект» – сильный проектный институт, котируется в стране. Теперь уважаемый Евгений Леонидович, гордость факультета, достойно представит наш ВУЗ. Удачи вам, на всех фронтах.

Вот так эта троица оказалась в одном городе и в одном проектном институте. Как земляне на Марсе, они держались вместе. Антон в лице Бархина неожиданно для себя нашел отличного друга. Женька оказался эрудитом, свободно разбирался в искусстве, литературе, музыке.

Родственники, работающие в Польше, снабжали Женьку новыми дисками, редкими книгами. Он был добрым и щедрым человеком, всегда готовым на безвозмездную помощь, а все свои положительные качества скрывал за маской ворчливого недовольного юмориста. Шутить он умел, да так, что собеседник машинально начинал подыгрывать ему. Никогда не понять, в каком он настроении. Шутил серьезно, грустил смеясь. А грустить было о чем.

Радость от того, что они с Сашей Завишей поедут вместе в город К., скоро сменилась тревогой. Он узнал о распреде-

лении туда Антона. Отношение Саши к Антону было известно Бархину. Он мог бы бороться за нее, но отступил. Остался для обоих верным другом, дал возможность Саше и Антону попробовать. Чтобы не мешать им, спустя полгода он нашел себе место прораба на стройке и перевелся туда, не теряя статус молодого специалиста.

С ребятами Бархин не порвал отношения, наоборот взял над ними шефство в бытовом плане. Получив небольшую служебную квартиру, он несколько раз в неделю собирал всех у себя, кормил ужином, включал музыку, спасал от казенной обстановки общаги.

Как правило, они засиживались допоздна, и у Антона волей-неволей появилась обязанность проводить Сашу до общежития, которое находилось довольно далеко.

Антон, приехав в чужой город, сразу почувствовал внимание местных девушек. А что поделаешь, проектные институты в основном имеют женский контингент. Но тут Саша взяла свое. Она просто ни на шаг не отпускала его. Не сводила с Антона глаз, постоянно обращалась к нему за советом, привлекала к своим заданиям. Работали они в архитектурно-строительном отделе, в одной группе. Антон с удовольствием общался с Сашей, разобрался в прелестях ее характера, человеческих достоинствах и, наконец, рассмотрел в ней тонкой красоты девушку.

Вечерние проводы до общежития сделали свое дело. Они не только позволили им духовно сблизиться, но и привели

к мысли, что хорошо бы совсем не расставаться.

Правда, неизвестно, как все сложилось бы дальше, но в это время молодым специалистам «засветили» обещанные при распределении квартиры. Директор института вызвал Антона и прямо спросил, мол, какие у него планы на личную жизнь, собирается ли он создавать семью. Антон ответил, что вообще-то готов. И даже есть с кем. Директор, выяснив, что это Саша Завиша – молодой специалист, был обрадован несказанно: «Вот, теперь я вас одним выстрелом обеспечу квартирой на двоих, правда, однокомнатной».

Антон не зря прослыл по жизни везунчиком. Все у него складывалось само по себе и как-то очень хорошо. Они с Сашей уже назначили день регистрации, посмотрели жилплощадь и успели прикипеть к ней, но тут Антона снова вызвал директор института:

– Не дам я тебе эту квартиру. Она будет для Мыщикова, он холостякует, развелся с женой, а вы получите двухкомнатную. Живите сразу по-человечески, деток заводите. Хочу вас в нашем городе задержать – одним выстрелом двух архитекторов.

А что же стало с группой «Лейла»? Так она не прекратила существование. После ухода Антона и его сотоварищей эстафету подхватили новоиспеченные студенты-архитекторы. И это происходило несколько раз.

Росписи на стенах гаража реставрировали или заменяли изображениями других кумиров, клеточки мартиролога дополнялись новыми жертвами насилия, наркотиков и СПИДа, Том Фогерти и Фредди Меркьюри среди них.

ГЛАВА 11. МАРША. ОШИБКА

Был конец рабочего дня, в коридорах постепенно стихали голоса сотрудников. Антон любил это время: вот теперь можно спокойно сосредоточиться и поработать. Правда, хотелось бы сегодня уйти пораньше и лечь спать не поздно. Завтра градостроительный совет с представителями городских структур и Обкома. Антон в пылу подготовки спал в последние дни мало, волновался. Он идет на такую планерку в качестве ответственного лица впервые.

Антон заварил крепкий чай, включил магнитофон. От привычки все время работать под музыку пришлось избавляться. Это было самое неприятное и тягостное в его новой должности. Вообще он предполагал, что есть и другие подводные камни. Нынешний пост ГАПа включает обширную административную составляющую. Антон еще совсем не отошел от проектирования только по одной причине – он был автором дома музыки и все основные моменты прорабатывал сам, все сам согласовывал и сам за все отвечал. Но навалилась куча бытовых вопросов, которые ни на кого не удавалось перебросить. К примеру, компьютерное оснащение. Конечно, Антон тут был не в теме, пришлось встречаться с системными администраторами, разработчиками программ, советоваться, что-то выгадывать, устанавливать приоритеты. Потом различные контакты с заказчиками,

подрядчиками, командированными специалистами из Москвы, которых именно он должен был устраивать в гостиницу, заботиться об их питании, создавать условия для работы. Хорошо, что пока все складывалось без особых проблем. Но время, время, его было очень жалко.

Сегодня днем Виталик принес готовые планшеты к нему в кабинет. Антон остался доволен. Сам театр потихоньку строился, к нужной дате не уложились. Спешка, которая явилась причиной стольких несчастий, прекращена, монтаж в три смены больше не практиковали, зато и финансирование сократилось. Архитекторы занимались разработкой декоративных элементов, деталями отделки фасадов, интерьерами.

Конструктивная документация выдана. Повезло с прорабом, оказался опытный специалист и хороший, спокойный человек, что для строителя редкость. Борис Георгиевич – так звали прораба – обычно за несколько дней предупредил Антона, какой следующий этап работы предстоит. Антон собирал планерку, вместе проверяли документацию. Для стройки было все удобно, а вот проектировщикам приходилось уже много месяцев трудиться по вечерам и субботами, в постоянном напряжении.

В дверь однократно стукнули и сразу, не дожидаясь ответа, в щель просунулась голова Марши. Увидев ее, Антон испугался. У него на такие лица уже был наметанный глаз.

– Антон Григорьевич, я ошиблась!

– Подожди, скажи, все живы?

– ?

– Продолжай!

– Я допустила грубейшую ошибку.

– Что такое?

– Даже оправдываться не хочу. Помните, вскоре после того, как я устроилась на работу, еще Саша была на больничном, на площадке гостиничного корпуса стали проваливаться сваи, решили их больше не бить, а сделать монолитную плиту. Она по расчету получилась ниже предполагаемого ранее пола подвала, поэтому придумали немного опустить здание и ничего не переделывать, кроме входных групп. Надо было только поменять абсолютную отметку нуля. Вы еще велели предупредить генпланистов и смежников. Я генпланистам и смежникам сообщила и подписи взяла, конструкторы сами знали, они ведь плиту разрабатывали, в примечании писали, «за условную отметку нуля принят уровень чистого пола первого этажа, что соответствует абсолютной отметке 156.000». Я исправила цифру на разрезе. Думала, это все. Сегодня пришел прораб, Борис Георгиевич, вызывает меня и говорит, мол, на архитектурных чертежах, на листе «Общие данные», стоит другая абсолютная отметка, нежели на фундаментах. Просил по-тихому разобраться, чтобы никого не волновать. Оказалось, строители почему-то уровень первого этажа взяли по архитектурным чертежам, а верх плиты по конструктивным. Короче, беда вот такая: старое

значение было 165.000. Цифры похожие, никому не бросилось в глаза. А высота помещений подвала стала больше на девяносто сантиметров! Все! – Марша говорила быстро, по существу, будто пыталась поскорее избавиться от этой грузной ноши.

Антон с тоской подумал, что завтра градостроительный совет именно по этому участку работ, по гостинице. Всю неделю готовили демонстрационный материал. Были бы в запасе еще одни сутки, стоило попробовать исправить. А так – полный провал. Он перевел взгляд на Маршу. Она смотрела не него, не мигая, распахнутыми глазами, на осунувшемся за день лице.

Антон понял, что не хочет и не может на нее сердиться. Она ведь так старается! Это всем видно, за несколько месяцев догнала по уровню Виталика. Хотя Виталик, конечно, не ас, работает не очень аккуратно, зато быстро, и у него уже приличный опыт. Марша начала буквально с нуля, но обладая теоретическими знаниями и цепкой памятью, живо сориентировалась в задачах, решаемых группой. А теперь ей смело можно доверить любой вопрос, она не стесняется спрашивать, если не знает, но главное, докапывается до всего. Она имеет прекрасную графическую подготовку и чувство вкуса.

Он насыпал ей в чашку заварку, добавил кипятку. Сам в это время неотрывно бегал глазами по планшету. Думал. Потом снова посмотрел на Маршу:

– Давай-ка успокойся, чайку попей. Знаешь, я регулярно всех призываю, чтобы абсолютную отметку нуля ставить только один раз – на фундаментах. Это уже не первый случай. Изменения в документации всегда чреваты ошибками. Вот практика снова подтверждает мои теоретические опасения. Есть соображения, как будем исправлять?

Она отрицательно помотала головой.

– Вообще-то, можно кое-что придумать. К примеру, расположить на этаже, который из подвального плавно перейдет в разряд цокольных, релаксационные помещения: тренажерный зал, бассейн, сауну, солярий и т. д. Заказчик был бы счастлив, ведь это увеличивает комфорт отеля. Наша гостиница для музыкантов. Мы строим огромный театр, а артисты, возможно, не захотят останавливаться здесь из-за довольно средних бытовых условий и отсутствия сервиса. Предпочтут старые номера в центре – там интерьеры богатые. А тогда зачем мы мучаемся, проектируем ее вблизи от театра, в ограниченном пространстве, рискуя нарушить целостность комплекса. Я, когда мы здание опускали, очень расстроился, но в тот момент не нашел другого выхода – сплошные неприятности то с краном, то со сваями, а сдача была намечена на определенный день. Я уже и не заикался, вытягивал архитектуру, как мог. У меня чувство, будто это богом проклятое место. Вся загвоздка в том, что на исправление у нас с тобой есть времени: вечер, ночь, утро до девяти часов. Давай-ка принеси кальку, у меня мало осталось,

не хватит. Бери новый рулон, чтобы совсем гладкая была.

Марша вышла за калькой, а когда вернулась, Антон договаривал по телефону: «Сегодня меня не жди, аврал». Потом он еще немного послушал собеседника, в знак одобрения кивнул головой: «Пока, тогда, пока!»

– Значит, так: делим фронт работы. Я придумываю нижний уровень, ты исправляешь первый этаж, здесь появится еще одна лестница с нулевой отметки – вниз. А из цоколя выход непосредственно наружу. Вот тут для него есть местечко, будто специально предусмотрели – «соломку подстелили». Подожди, а как же нам подрамники исправлять? Виталика уже нет, днем отпустил его отсыпаться, да с ним и не получится, на компьютере сейчас только дольше будет – распечатать к утру не успеем. Соображения есть? – с надеждой спросил он, глядя Марше в глаза. Она робко предложила:

– Давайте цокольный этаж и благоустройство на всех планшетах, сделаем на бежевой крафтовой бумаге. Она тонкая и довольно плотная. Оттенок шикарный, подойдет к общей гамме проекта. Мы сейчас все на кальке вычертим, исправим и на эту бумагу передадим. Если состыковать подрамники, получится цветная полоса, не скучно ровная, а такая ломаная, ведь мы уровень земли и благоустройство тоже будем передвигать. А чтобы не казалось, что это ошибка, надо низ планшетов оставить родным – белым, с пояснительным текстом и перспективными видами. Предлагаю крепить на резиновый клей, нам же не навсегда, только пока-

зять, потом правильно переделаем. Можно даже так поступить: сначала присутствующим продемонстрировать версию с релаксационными помещениями, а затем цветную бумагу оторвать, слегка ластиком пройтись, если уж клей будет виден, и представить другую редакцию, которая начнет явно проигрывать из-за того, что здание выглядит приземистым и не начиненным функцией. В этом случае начальство само выберет первый вариант. И все сложится замечательно, а главное, не будет смотреться как ошибка. Ой, извините, можно подумать, я так себя выгораживаю.

– Ты молодец, как вовремя предложила идею на резиново-м клее. Понимаешь, ведь если удастся, нам будет не беда, а счастье, мы же архитектуру тогда спасем. Она тут совсем простая, весь расчет и был только на идеальные пропорции, не раздражающие глаз. Основное – это театр. Гостиница и другие постройки – окружение, фон. А мы ушли в подземелье, нарушили линию. Я с этим уже мысленно смирился. А сейчас появилась надежда, – Антон загорелся, – стоп, а макет!

– Ну, во-первых, его можно не показывать завтра, а потом спокойно исправить. Во-вторых: макет показать, но объяснить, что это заглубленный, неудачный вариант. А в-третьих, просто сразу переделать.

– Хорошо бы переделать, но боюсь, не успеем. Ладно. Будем решать проблемы по мере их поступления. Так, работаем в моем кабинете, чтобы все вопросы тут же утрясать и со-

гласовывать. Я за кульманом. Ты на столе для совещаний, подложи под планшет книги, если хочешь. Начинаем с планов.

Они жадно приступили к работе, подталкиваемые не столько страхом, что не успеют, сколько творческим порывом. Все складывалось просто идеально. Главное, удалось разместить необходимые эвакуационные лестницы и выходы. Цокольный этаж решили пока не разделять на помещения, а вроде как дождаться конкретного задания от заказчика.

Было уже совсем темно, когда вдруг порывом ветра распахнулось окно, и в коридоре послышался грохот, там что-то упало. Листы кальки парусами приподнялись над столом. Они оба бросились прижимать их небольшими тяжелыми предметами. Антон и Марша одновременно схватились за изящную гипсовую фигурку. Пальцы Антона коснулись руки Марши.

«Терпеть, не поднимать глаз, – приказал он себе. – Это будет равносильно провалу, если посмотришь на нее!».

Статуэтка осталась у Марши.

– Ой, Пушкин! – удивилась она и засмеялась, – какой хорошенький! Юный Пушкин-лицеист.

За окном бушевала настоящая гроза. Антон вышел в коридор взглянуть, что там так гроыхнуло. Повеселевшая Марша споро переводила план с кальки на почтовую бумагу:

«Еще тушью обводить, да, работы много, но надо же, Антон Григорьевич совсем ее не ругал, какой замечательный человек!».

Антон отсутствовал уже довольно долго. Марша решила не высовываться, а просто как можно больше сделать, пока его нет. В коридоре послышались голоса, в кабинет ввалились Бархин, мокрый и смеющийся, Саша Круглова в прозрачном дождевике с корзинкой, обвязанной целлофановым пакетом, и Антон, какой-то уж очень довольный.

– Я машину купил именно для того, чтобы барышень в грозу по работам развозить. Ладно бы уж романтическое путешествие! Представляешь, Мария! Приезжаю к твоему начальнику домой в девять часов вечера, в надежде его застать и похвастать своей новенькой четверочкой, цвета баклажан. Думаю, ну уж он точно дома. Супруга вся в слезах открывает дверь, говорит: «Нету! На работе!».

– Жень, не придумывай, в каких я была слезах! Я пирожки пекла, – смеясь, пояснила Саша.

– Ну, пекла! Эх! Весь рассказ мне смазала. Короче, говорит, поехали работяг кормить, то бишь вас, полуночников-греховодников.

Бархин с укоризною умудрился посмотреть на Антона. Тот, извиняюще: «мол, ну получилось так», приподнял плечи.

– Вы хоть голодные? А то мы под дождем, рискуя жизнью, доставляем им пищу, а они сидят в тепле и наслаждаются.

– Не то слово, какие голодные, я ставлю чайник!

Боясь нечаянно запортить едой расстеленные кальки, они пошли в свою рабочую комнату – пить чай. Пока перекусы-вали, а пирожки были просто необыкновенные, еще теплые, с яйцом и луком, и с яблоками, Антон вкратце обрисовал сверхзадачу. Подмога и кормежка прибыли вовремя.

– Вот теперь, Марша, ты занимайся макетом, говорила, знаешь, как исправить. А остальные – чертить.

– Я, если можно, резать, – попросил Бархин, – долго тут торчать не могу, мне хоть немного выспаться надо, завтра в Москву едем в командировку, перед шофером неудобно, если засыпать начну на трассе и его смущать.

Бархин пробыл час, вырезал и подгонял полосы крафтовой бумаги, вырученные от упаковки пачек ватмана, сказал, что вспомнил былые времена, вздохнул, мол, не хочется расставаться, и уехал.

Антон поставил кассету Status Quo, для повышения общей работоспособности:

– Девчонки! Завтра вам отгул за подвиг!

– Нам отгул, а ты как, третью ночь не спавши?

– Отоспимся в другой жизни!

Они все разместились в кабинете руководителя. Саша обводила своим любимым рапидографом планы. Марша аккуратно подрезала картон.

– Вот макет жалко, – сказал Антон, – хорошо склеен, Виталя – профессионал.

– Ничего, Марша сейчас все исправит, – вступилась Саша, – она, если берется, делает очень качественно.

«Что же, значит, Антон Григорьевич никому не сказал, что это она, Марша, повинна в произошедшем? Взял, как всегда, ответственность на себя, конечно, фактически обеляя и Сашу. Она ведь потом много раз с документацией занималась и ошибку не заметила».

Марша восприняла все случившееся, скорее, как странное стечение обстоятельств, 156 и 165, действительно, зрительно легко перепутать, так, что, наверное, никто не виноват, или все понемногу.

Она осторожно подрезала на макете место соединения стенок здания с землей. Виталик склеил его целиком, с подвалом, а потом точно вырезал отверстие в рельефе и вставил туда бумажный прообраз гостиницы. Выполнять манипуляции с толстым картоном было трудно, нужна сверхаккуратность и сила. Марша знала, что причина успеха отчасти таилась в прекрасном макетном ноже – самодельном, тяжелом, очень остром. Он, фактически, сам резал за счет своего веса. Марша видела, где лежит нож, и пошла за ним в архитектурную комнату.

Когда она вернулась в кабинет, Саша рассказывала, как воевала с Лейлой, чтобы отлучиться на работу. Лейлу пришлось снарядить ночевать к соседке, но она решительно собиралась ехать с мамой помогать устранять аврал.

– Говорит: «Мамочка, возьми меня, пожалуйста, ты ведь

мой зайчик! Я буду тихо-тихо сидеть!»». Я чуть не прослезилась. Такая она была трогательная в пижамке.

Саша работала четко и быстро. Марша сказала об этом вслух, залюбовавшись процессом.

– На самом деле я ведь только обвожу, ты очень подробно выполнила чертеж в карандаше. Даже удивляюсь, без рейсшины, все просто идеально. Антоша на кульмане работает, ему удобнее.

– Я инерционную рейсшину использую, когда небольшой участок надо начертить.

– Да, молодец, а я на нее сильно жму, наверное, от усердия, и порчу параллельность.

Антон наблюдал за тем, как они воркуют. Марша встала коленкой на стул, чтобы посмотреть на макет сверху. Подошва туфельки была идеально чистая и новая, будто только из магазина. Антон машинально перевел взгляд на босоножек Саши. Как он любил эти ее сандалии, легкие, мягкие, на утолщенной подошве, сверху из тонких разноцветных кожаных полосок. Сколько же лет она их носит? Они у нее появились точно до рождения Лейлы. Сбоку, ближе к носку, краска немного стерлась, а на левом босоножке пряжка уже другая, правда, это заметно, только если присматриваться, но он знает, сам менял. И почему она в летней обуви-то, в дождь? Антон вспомнил слова Бархина, мол, «а что ты лично для нее делаешь?». Конечно, в стране всеобщий

дефицит, товаров в магазинах нет. Но он, Антон, часто бывает в Москве, почему же ему ни разу не пришла мысль в голову привезти что-нибудь Саше? Да потому, что она никогда его об этом не просила, даже шутя. Может, не доверяет его вкусу? Хотя ботиночки, купленные для Лейлы, она очень одобрила. Саша следила, чтобы у Антона была новая красивая одежда. Когда они приезжали в Москву вместе, таскала его по магазинам, отстаивала с ним очереди, чтобы купить костюм, куртку, пальто. А на ее наряды как-то и времени не оставалось. Саша раньше часто шила для Лейлы и себе, по журналу «Burda». В общем-то, она всегда эффектно и нестандартно выглядела. Но обувь-то не сошьешь! У спекулянтов это стоит, конечно, дорого, ну так что ж! У Антона даже щеки загорелись от этих дум, разволновался, стыдно стало. Ах, как Бархин прав! Она редкой красоты женщина. На плечах Саши дом, дочка и тяжелая, ответственная работа. А она все успевает, не жалуется, да еще так Антона поддерживает! Антон перевел взгляд на Маршу,. Она встала на стул уже двумя коленками, чтобы со всей силы прижать нужный участок на макете. Да, туфли на ней были очень хорошие!

Саша резко повернулась к Антону и перехватила его взгляд в сторону Марши, но ничего не сказала.

– Все, девчонки! Пошли кофе пить! – предложил Антон, заговорщически подмигнул и достал из ящика стола банку растворимого, – индийский, привезли из Югославии, «взятку» дали.

– Ой, как хорошо, как здорово! Это то, что нам нужно! – запричитали речитативом девушки.

Они снова пошли в «кафетерий», так Бархин назвал архитектурную комнату в связи с предыдущим чаепитием.

– Давайте подведем итоги. Время почти шесть. Саша, у тебя в каком состоянии работа?

– Я все обвела. Где Бархин? Можно вырезать.

– А ты, Марша, что скажешь?

– Немного благоустройство доделать и небольшие мероприятия по декорированию закончить.

– Значит, мы молодцы. Остается все наклеить на планшеты. Сашу мы отпускаем выполнять материнский долг, а то Любе на работу пора собираться. Надеюсь, малышка даст тебе поспать хоть немного. Я сейчас вызову такси. Антон пошел в свой кабинет звонить по телефону.

– Марша! Евгений Леонидович правда тебе родственник? – вдруг спросила Саша. – Он сказал, что сестра.

– Наверное, это можно назвать «почти сестра». Наши родители дружат с юности. И мы заочно знакомы, но встретились только здесь.

– Ах, вот как! Дружите семьями! – обрадовано сказала Саша и налила себе еще кофе, – как хорошо взбодрились, правда?

– Да, чудесно, наверное, кофе настоящий, в смысле, с кофеином.

Антон вышел проводить Сашу. Пока они шли по коридо-

ру, Марша смотрела им вслед и думала: «Какие люди меня окружают. Вот, что еще в жизни надо! Так приятно видеть счастливые семьи. Тут не захочешь, а поверишь в вечную любовь!».

Когда Антон вернулся, Марша уже закончила макет и резала почтовую бумагу «волшебным ножом» Виталика. Слава богу, нашелся запас резинового клея. Он оказался хороший, прозрачный. Была надежда, что следов на планшете не оставит.

– Марша, я тебя попрошу поехать со мной. Ты, отдохни, наверное, удастся часок поспать. Выезжаем примерно в девять, немного десятого. Машина будет к этому времени. Виталик поможет погрузить. Я с ним договорился, чтобы не опаздывал, – Антон рассматривал планшеты, – а у тебя есть цветные карандаши?

– Ага, сейчас поищу.

Марша принесла белый карандаш и темно-серый. Антон удовлетворенно сказал:

– Можно было не сомневаться, что ты выберешь нужные цвета.

Они вместе рассмеялись, потом в четыре руки и два карандаша подтенили и подсветили картинки.

Марша пошла к себе в комнату. Голова немного кружилась, в ней беспрерывно вели разговор два человека, она решила, что у нее галлюцинации от кофе. Марша легла на согнутые руки за свой рабочий стол и тут же отключилась.

Разбудил Маршу громкий голос Виталика: «Что это?», – он показывал на планшеты, которые стояли в комнате, значит, Антон перенес их, пока Марша спала.

– Куда шефа спрятали? Кабинет закрыт. Твоих рук дело? Все мне тут перепортили, – беззлобно бухтел Виталик. Он сел на корточки и внимательно рассматривал работу, – вообще-то молодцы. Интересную подачу «замочили». Смысл?

– Два варианта будем представлять. Этот – с релаксационными помещениями. Потом сделаем, как в кино: «брюки превращаются в элегантные шорты...» и покажем твою версию, без изменений. Тактический ход такой.

– Всю ночь, что ли, трудились? – Виталик показал на чашки, банку кофе и пирожки, – надо попробовать. Понятно, Сашу привлекали, мало ей дневных мучений, теперь еще и по ночам вкалывает. А что так внезапно-то? Я со спокойной душой работу доделал, шефу отдал и пошел отсыпаться. Прихожу сегодня грузчиком подсобить и вижу: все переделано, а про меня вообще забыли, трескали тут вкуснятину одни.

Виталик затолкал пирожок в рот и пытался при этом говорить.

Потихоньку стали приходиться сотрудники, в коридоре повис тихий гул голосов, люди обменивались домашними новостями. Без пяти девять в комнату заглянул Антон.

– Готова, поехали! Ластик нашла?

Планшеты аккуратно положили в багажник «Волги», макет поместился на заднее сидение рядом с Маршей.

– Ты там его придерживай, если что.

Машина сделала разворот, совершив своеобразный круг почета. Марша увидела, как на крыльце стояли Виталик и Майя Михайловна. Они трогательно помахали им в след. Виталик изображал, что собирает слезы в ладошку.

– Провожают, как на фронт. Виталик обещал меня дождаться.

– Да, с такими сотрудниками хочется, чтобы всегда все было только очень хорошо! Ты как вообще себя ощущаешь, держишься?

– Да нормально, заседание ведь недолго будет проходить, приду домой, горячий душ и спать!

– Да это уж как получится, ты извини, что я тебя с собой потащил. Мне слегка не по себе. Страшновато. Будешь в роли талисмана.

Машина набирала скорость. Замелькали дома, подсвеченные полусонным утренним осенним солнцем. Это было очень красиво.

ГЛАВА 12. АНТОН. БОЛЬНИЦА

Заседание проводилось в небольшом конференц-зале с мини-амфитеатром. Марша посчитала, всего было шесть рядов. Они расставили планшеты, макет водрузили на стол. В зал принесли еще один макет. Марша догадалась, что это первоначальный вариант. Работа Виталика, действительно, была ювелирная, а белая миниатюрная копия театра казалась фантастической и невероятной.

Антон сидел в первом ряду. Марше он показался каким-то слишком бледным. «Наверное, волнуется», – подумала она и села на соседнее кресло.

Присутствующие расположились островками по всему залу. Сначала выступал высокий лохматый человек, с красивым лицом и добрыми глазами. Он кратко осветил историю вопроса. Антон наклонился к Марше и прошептал на ухо:

– Это главный архитектор города, его фамилия Друг.

Марша не смогла сдержать улыбку и прикрыла губы ладонью.

– ...сейчас уважаемый Антон Григорьевич расскажет нам о ситуации на стройке и в проектном бюро.

Антон встал и медленно прошел на сцену. Говорил он негромко, каким-то чужим голосом, касался многих вопросов, но коротко, в двух-трех предложениях.

– А теперь Мария Шарова, архитектор, вам все расскажет

о проекте гостиницы.

Марша не ожидала подобного поворота событий, вот так Антон Григорьевич! Попросту подставил, хоть бы уж предупредил. Как же так сразу, без подготовки! Она вышла на сцену и вопросительно взглянула на Антона. Лицо его побелело. Рука, лежащая на подлокотнике, дрожала. Марше стало страшно. Но он невероятным усилием поднес указательный палец к губам, едва улыбнулся и кивнул ей.

Марша рассказала все, что знала, по двум вариантам. Все-таки выступать и агитировать она умела. Номер с отклеиванием почтовой бумаги прошел как по маслу. Никто толком ничего не понял, но эффект был достигнут и зрители даже заплодировали.

Марша взглянула на Антона, ей хотелось успеть схватить его реакцию.

– Антон Григорьевич! – Марша сама испугалась своего голоса. Она кинулась к нему, чуть не свалившись на ступеньках сцены. Антон сидел, склонив голову, рука безжизненно свисала вниз.

Срочно вызвали скорую. Антона положили прямо на покрытие сцены.

– До чего дело доходит, Илья Дмитрич, ваши архитекторы на работе сознание теряют. Может, хватит с нас Савицкого. Срочно в центральную больницу. Мне отчитаться. Потом в отпуск, в санаторий.

Марша выбежала к машине скорой помощи вместе с са-

нитарами:

– Мне можно?

– Вы родственница? Тогда нет!

Водитель Антона вышел из машины и махнул Марше:

– Скорее, мы за ними следом. Доконали парня! С утра вижу, что он еле живой.

– Это я виновата, я допустила ошибку, – Марша разрыдалась, – от меня одни беды.

– Да нет, деточка, от своей судьбы не уйдешь. Уж сколько кому отмерено.

– Ну, вы что, он же молодой совсем, тридцати нет!

– Ничего, подлечат, будет, как новенький, хватит шмыгать. На вот салфетку. Настоящая девушка всегда без носового платка.

– Да я сумку там оставила, не до нее было.

Марша с водителем поспешили в приемную. Врач оказался занят, и они долго ждали, когда он уделит им внимание.

– Круглов Антон Григорьевич, 1962 года рождения, сердечный приступ. Увезли в кардиологию. Покоя нет от вашего Круглова, телефон оборвали. Идите, возьмите в раздевалке халат, вот пропуск.

– Ты уж давай сама, – засмутился водитель, – я тут останусь. Буду ждать, пока не выйдешь, домой тебя отвезу.

– Спасибо вам!

Марша на законных основаниях поднялась в кардиологию. Постучалась в ординаторскую. На вопрос, кто она? ответила строго: «Сотрудница, архитектор. Родным пока не сказали, боимся волновать жену и дочку, – для солидности и чтобы исключить двусмысленность ситуации, добавила, – на заседании Обкома плохо стало, когда доклад читал».

Врач взял ее под локоть и провел по коридору.

– Сердечный приступ сняли. Молодой организм, но это первый сигнал. Сказалось переутомление и недосыпание. Все на фоне стресса и кофе, давление поднялось. Ну и дальше, по списку...

Он распахнул дверь палаты:

– Больной от дальнейшей госпитализации отказывается, чуть отпустило, сразу домой засобирался.

Антон лежал с закрытыми глазами. Рука была подключена к капельнице. Он повернул голову, услышав голос врача.

– Марша! Марша, забери меня отсюда!

– Ладно, забирайте, пусть два часа после капельницы полежит. Дома обязательно вызвать терапевта по месту жительства, лечение я пропишу, медсестра из поликлиники будет приходить, ставить уколы, и врач с кардиографом через два дня снимать показания. Если что, сразу в стационар. Берем на себя ответственность и даем послабление, что делать – не рядовой больной. Я понимаю, дома стены лечат и дети... И питание привычное, хотя у нас замечательные повара, я лично тут обедаю. Надеюсь на ваше благоразумие,

Антон Григорьевич. На этот раз инфаркта удалось избежать. Потом побудете в санатории, уже договоренность есть. Санаторий больше для отдыха сейчас нужен, чем для лечения. Считаю необходимым смену приоритетов. Вот как вы всех, Антон Григорьевич, напугали, из городской администрации через час звонят. Машина есть или перевозку заказать?

– Нет, мы сами, еще не хватало, чтобы меня на носилках в дом затащили. Вот для Лейлы будет событие!

– Да, есть машина служебная, с шофером.

Доктор ушел. Марша осталась с Антоном, присела на краешек кровати, больше некуда было. Он заставил ее отчитаться, как прошло заседание: «Я сам плохо помню, все в тумане».

Марша с улыбкой, в лицах, описывала впечатления от обсуждения, от своего выступления и пережитый ужас от происходящего с Антоном:

– Я вообще не понимала, как себя вести, когда вас бледным увидела, вернее, понимала, но этот жест, чтобы я продолжала, почему-то меня остановил. Вот бестолковая, так мы могли вас прозевать. А кроме меня никто не замечает, что с вами творится, они, как в театре, сели на верхние ряды и смотрят представление.

Антон улыбнулся:

– Значит, все хорошо, нововведения одобрили! Вот видишь, ты же счастье приносишь, талисман, я это сразу понял, и немедленно взял на работу. Ты настоящая фронтовая

подруга!

Марша засмеялась:

– Я так рада, что все обошлось! И с проектом, и с вами!

Прошли отведенные после капельницы два часа, а врач все не шел. Марша заволновалась, не уедет ли водитель с машиной. Отпросилась у Антона предупредить его. Антон передал с ней бутылку минеральной воды и булочку, из тех, что принесли вместо обеда.

– Пусть Михалыч перекусит немного. Скоро мы спустимся, я надеюсь.

Марша нашла шофера, передала ему «сухой паек», а он протянул ей сумочку, приговаривая:

– На вот, вызволил. Не хотели отдавать. Спрашивают, что в сумке лежит? А я почему знаю, что там у барышень? Платок носовой, говорю, ключи. Спасибо, знакомого увидел, я их с Антошей часто подвозил на планерки. Он похлопотал перед вахтером, сумка-то на вахте была, когда я приехал. Так вот, он за меня поручился, они паспорт его записали. Ты глянь, все там в целости? Я не копался, но открыл для порядку, вижу ключи, блокнот, кошелечек. Ты, смотри, смотри, деньги-то на месте?

– Ой, ключи, спасибо вам, Семен Михайлович! Я ведь, и правда, в дом не смогла бы попасть! Да и деньги на месте и блокнот с рисунками Лейлы.

– Дочка ихняя, Лейла? Да хороша девчушка! Я ведь ее из роддома забирал, махонькую. Еще в «Граждане» рабо-

тали. Покойный Николай Олегович попросил для Антоши. Антон Григорьевич – настоящий мужик, хоть и начальник, а о простом человеке помнит! – Михалыч понюхал булочку, – давай, беги, а то дело уже к вечеру, приедем поздно, Сашу напугаем.

Марша вернулась в палату, когда там был врач, они что-то обсуждали касательно строительства дачи и смеялись.

– Быстрее поправляйтесь, Антон Григорьевич, и мы с вами придумаем мне дачку. Чтобы небольшой, душевный домик. А я уж в долгу не останусь. Стану вашим личным доктором.

– Давайте, я как раз пока в санатории буду, смогу этим заняться.

– Да вы что, ни в коем случае! Только отдыхать! Никакой нагрузки.

– Да придумывать – разве это работа, это же настоящее счастье! Думаете, так легко целый месяц ничего не делать? Вы подготовьте документы на участок с координатами, напишите техзадание на дом. Что надо в результате получить, размеры, этажность, из какого материала.

Врач все выписки отдал Марше:

– Вы курьер, вам доверяю. Тут и телефон мой, а бумаги для дачи я тогда сам завезу через пару дней, заодно проверю, как Антон Григорьевич режим соблюдает.

Медсестра проводила их до самой машины.

Марша поменялась с Антоном местами, ехала впереди,

рядом с водителем, чтобы он мог прилечь. Но Антон сидел прямо, слегка облокотившись на спинку сидения.

– Антон Григорьевич, а вам правда лучше?

– Конечно, лучше, ничего не болит, голова свежая, единственное, ноги плохо держат. Слабоват стал.

Машина подъехала к обыкновенной пятиэтажке, которая находилась почти в центре, только с другой стороны от дома Марши. На двери подъезда была надпись: «посторонним В». Марша сразу вспомнила Винни-Пуха.

Водитель помог Антону выбраться из машины и взял его под руку. С другой стороны подоспела Марша и подставила плечо. Потихоньку они пошли к подъезду. Антон все время крутил головой, кого-то высматривая во дворе, в один момент своей щекой коснулся Маршиных волос.

– А знаете, кто написал: «посторонним В»? Это я. Для Лейлы, специально, на спор.

Квартира Антона находилась на первом этаже. Дверь была не заперта. Раньше всех эту компанию увидела Лейла. Она округлила глаза и закричала:

– Мама, папочку привели!

Со стороны кухни выбежала Саша, с выражением крайней тревоги на лице. Марша уже успела высвободиться из объятий Антона. Она протянула ей документы, объясняя:

– На заседании плохо с сердцем стало. Сознание терял. Вот выписка из стационара. На словах велели передать, чтобы соблюдал строгий постельный режим. Вроде сейчас со-

стояние стабильное. Неделю должен полежать дома, из поликлиники будут приходить. Потом в санаторий, на месяц.

Саша слушала, но все время держала в поле зрения Антона, хотела собственными глазами убедиться в том, что его состояние «стабильное».

Водитель повел Антона в комнату. Марша осталась в коридорчике. Маленькая Лейла, наконец, осмелившись с ней заговорить, тихо, по-дружески пообещала: «Буду за папочкой ухаживать. И играть».

Марша решила незаметно уйти. События сегодняшнего дня вкупе с предыдущими переживаниями из-за ошибки и бессонная ночь совершенно вымотали ее. До этой минуты не думала о себе, а сейчас вдруг почувствовала крайнюю усталость. Она открыла дверь и машинально обернулась. Антон сидел на кресле и смотрел на нее. Встретившись с ней глазами, он подмигнул и улыбнулся своей фирменной улыбкой.

Марша еще раз окинула взглядом помещение. Прихожая переходила в коридор, который частично был виден от входной двери. В простенке на специальных креплениях висели две электрогитары: черная и синяя с белым. Рядом огромная фотография в черно-синих тонах. На ней гитарист в дыму и лучах софитов. Длинные волосы развеваются. «Очень знакомый музыкант», – подумала Марша, мысленно прокручивая названия известных ей групп. И тут она узнала этот взгляд. На фотографии был Антон, с другой прической, еще

более худой, но сомнений у нее не оставалось. Это стало последней каплей, сердце у нее стучало, она поняла, что больше уже невозможно в это не верить – она влюблена.

Марша оставила водителю записку, чтобы он не искал ее, и пошла пешком. Осень была просто чудесная. Самая красивая ее пора, когда еще совсем тепло и очень разноцветно. На тротуарах разбросаны ветки деревьев от ночной бури. Все промыто и свежо. В лужах отражался сиреневый закат.

ГЛАВА 13. НЕМЕЦКИЕ АРХИТЕКТОРЫ

У Марши никак не получалось посмотреть документы из папки, которую дала ей в архиве Ольга Викторовна. В тот знаменательный день она пришла домой со страстным желанием поскорее приступить к чтению, но как только развязала тесемки, погас свет. Веерное отключение. Теперь страдает их район. Электричества не было до поздней ночи. Марше пришлось воспользоваться этим, чтобы выспаться. Утром читать некогда – сборы на работу. Марша старалась приходиться пораньше, сытой, бодрой, отглаженной, с аккуратно нанесенной косметикой.

На следующий день все повторилось. Опять отключили свет. На третий она сама не пришла домой – исправляла планшеты с Антоном. Наутро совещание, больница, какие-то жуткие переживания в связи со всем этим. Вернувшись, только и смогла, что накормить кота и почти без чувств свалилась на диван, проспав до утра, даже не раздеваясь.

Сегодня все должно получиться. День прошел спокойно, ничего плохого не было. Антон на больничном, теперь командует Саша. Несмотря на загруженность, Марша ушла сразу, как закончилось рабочее время. Усталость все еще да-

вала о себе знать. К тому же Марша надеялась, если опять вечером отключат свет, до этого времени она хоть что-нибудь успеет посмотреть из заветной папочки.

Дома Марша открыла подшивку. Стала разбирать. В основном там оказались краткие биографии. Она машинально перелистывала страницы. Кауфман, Швагеншайдт, Майер, Шеффлер – эти фамилии на титульных листах досе ничего для нее не значили. Взгляд остановился на имени Маргарете Враницки. Просто была единственная женская история. К тексту прилагалась фотография, вернее, плачевного качества копия, на которой виден ее силуэт, но черты лица невозможно себе представить. Несколько более конкретно выглядела одежда. Светлая блузка с расстегнутым английским воротничком, шляпка.

Марша стала читать: «Маргарете Враницки родилась в 1896г., в Вене. Окончила школу прикладных искусств. В 1927г. Маргарете Враницки вышла замуж за архитектора Вильгельма Шуппе. Как проектировщик-архитектор она работала с Эрнстом Маем, который прославился своими проектами недорогого и комфортабельного жилья для рабочих в Германии. В 1930 году Враницки и Шуппе вместе с группой немецких и австрийских архитекторов во главе с Эрнстом Маем получила приглашение на работу в СССР. За короткое время группа Мая сделала проекты застройки Магнитогорска, Нижнего Тагила, Щегловска, Прокопьевска, Сталинграда и многих других городов.

Маргарете Враницки в основном занималась проектированием зданий для детских учреждений, включая дизайн мебели и прочего оборудования. Длительное время они работали в Магнитогорске, а затем в Макеевке. В Москве Враницки сотрудничала с Академией архитектуры и разными советскими исследовательскими учреждениями, занимавшимися разработкой типовых зданий школ и детских садов.

Супруги Шуппе пробыли в СССР до той поры, пока у них действовала рабочая виза, а затем предприняли попытку устроиться работать в Европе, но кризис не позволил им сделать это, и они приняли приглашение на работу в Стамбул.

В Стамбуле Маргарете познакомилась с архитектором Гербертом Айхольцером, членом группы австрийского антифашистского сопротивления. Враницки не просто присоединилась к Сопротивлению, но вступила в австрийскую компартию.

В 1940 г. Враницки отправилась в Вену для налаживания связей с антифашистским подпольем, но вскоре была арестована. Схваченный гестапо Герберт Айхольцер был казнен в 1943 г. Враницки, благодаря активным действиям влиятельных лиц, была приговорена к 15 годам каторжной тюрьмы... Она пробыла в заключении вплоть до прихода американских войск в 1945 г. В тюрьме у Маргарете открылся туберкулез, так что после освобождения ей пришлось некоторое время лечиться. В 1946 г. она уже приступила к работе, проектировала детский сад в Софии, куда к ней из Стамбула

смог, наконец, приехать муж, после чего они вместе вернулись в Вену.

В настоящее время жива, возраст 95 лет. Работает по специальности. Ведет обширную общественную деятельность».

Марша задумалась. Полезла в потайную коробочку за ключом. Развернула сверток с письмами. Да, на групповой фотографии, действительно, Маргарете Враницки, контур фигуры, прическа, одежда совпадали с изображением женщины на копии снимка, приколотого к листочку с биографией. Марша прочитала еще несколько досье, интересно, но нигде на документах не встречалась фамилия Вульф. Марша была разочарована. Неужели ей так ничего и не удастся узнать? Она опять просмотрела фотографии. Рядом с Маргарете заметила молодого светловолосого мужчину, прическа с длинной челкой, откинутой назад, и коротко стриженными висками. Глаза веселые, губы в преддверии улыбки. «Приятное лицо, наверное, это ее муж», – подумала Марша. Биографии Шуппе не было, изображения тоже, проверить догадку не представлялось возможным. У Марши вдруг испортилось настроение, стало одиноко и безразлично. Лучше бы на работе задержалась. Зазвонил телефон. Обрадованная Марша побежала на кухню, едва не наступив на растянувшегося в коридоре кота.

– Здравствуйте, Ольга Викторовна! Я? Да как раз ничем не занимаюсь, прочла документы и не обнаружила, что ожидала. Да, да, очень интересно. Я про строительство у нас го-

родов иностранцами никогда не слышала. Это ценные факты. Вернее, бесценные. Конечно, смогу, давайте, я адрес точный запишу, вдруг что-то перепутаю, заблужусь. Да, скорее всего, через час получится. А у вас свет не отключают? У нас уже два случая было, значит, сегодня опять могут отключить, раз всем по три дня положено экономить.

Марша повеселела. Перспектива провести вечер в темноте одной не радовал ее, к тому же, надеясь, что Ольга Викторовна, поможет ей продвинуться во всем этом запутанном деле, она решила посвятить ее в тайну писем Вульфа. Марша уже давно сделала с них рукотворные копии. Не зная языка, смогла разобраться в почерке, разделить написанное на составляющие слова и буквы и фактически перерисовать текст.

Идти в гости без подарка не хотелось. У Марши был «НЗ» – коробка шоколадных конфет «Белочка» из посылки от родителей. Еще выбрала пару теплых шерстяных носков с орнаментом. Это ее хобби. Носки она вязала гладкими или с рисунком, декорировала тесьмой, кисточками, бубонами или пришивала замшевую подошву, превращая изделие в домашние тапочки. Она дарила их друзьям, которые эти презенты всегда с предвкушением ждали. Марша обычно имела в запасе несколько комплектов разного размера и цветовой гаммы. Со временем она придумала к ним упаковку – небольшую картонную сумочку с ручками из атласных лент или скрученных жгутом шерстяных ниток. Но все

это было раньше. Здесь никто пока не знал о ее мастерстве. Наверное, неспроста, первой одаренной стала именно Ольга Викторовна, невольно разделившая внутреннее одиночество Марши.

Ольга Викторовна восхитилась подарком, долго рассматривала носочки, призналась, что не посмеет их носить, будет жадничать и беречь. Марша, смеясь, хотела ее разубедить, потом обещала связать специально «не такие роскошные».

Ольга Викторовна приготовила чай, варенье, домашнее печенье с маком, присыпанное сахаром. На небольшой тарелке кружками была нарезана крупная свежая морковь, ваза с красными блестящими яблоками украшала стол. Они открыли коробку с «Белочкой».

– Давно не ела настоящего советского шоколада. Как вкусно! Ольга Викторовна надкусила конфетку, – всю жизнь на диете. На пенсии, думала, оттянусь, так лакомства из магазинов пропали, – она засмеялась, – может и хорошо – меньше соблазнов. Я вот с морковкой привыкла, полезно и некалорийно.

За чаем они беседовали на отвлеченные темы, не касаясь основного вопроса. Потом Ольга Викторовна сообщила, что нашла еще информацию в своем архиве. Оказалось, супруга Генриха Вульфа, Елена Никитична Воронина, родом была из станицы Магнитной. Впоследствии на этом месте основан город Магнитогорск.

– Я немного переписала про Магнитогорск из энциклопедии.

дии, вот, пожалуй, отсюда, слушай: «...В январе 1929 года Совнарком СССР и СТО на объединенном заседании приняли решение о начале строительства Магнитогорского металлургического завода. В марте к Магнитной горе привезли первых строителей, а 30 июня на Магнитострой прибыл первый поезд, эту дату принято считать днём рождения Магнитогорска, вопреки существованию станицы Магнитной с 1743 года. В 1932 году в Магнитке открылась первая школа, педагогический институт, кинотеатр, театр, аэроклуб. В июле 1933 года мартеновская печь №1 выпустила первую сталь, а в августе 1934 года был открыт стан 500, первый на Магнитке. В январе 1936 года был заложен первый капитальный дом на правом берегу. В апреле 1937 года были закрыты донные шлюзы на плотине №2, при заполнении водохранилища первая плотина и часть станицы Магнитной скрылись под водой...». Мне кажется, они познакомились в Магнитогорске, вернее, в том месте, в станице Магнитной, где потом раскинется Магнитогорск. Николай Генрихович родился в Магнитогорске! А вот почему они приехали сюда и осели здесь, непонятно. Но у меня есть зацепка. Я думаю, что Генрих получил в нашем городе заказ на работу. Надо эту линию проверить. Просмотреть данные по старым зданиям, может, где всплывет имя автора.

– Ольга Викторовна, вы извините, я не все вам рассказала, здесь чисто личный интерес. Я снимаю дом Николая Генриховича. Случайно обнаружила переписку Генриха Вуль-

фа с девушкой, Гретой. Меня заинтриговала тема, хотелось в ней разобраться. Я предполагаю, что это связано с какой-то потрясающей историей любви, но я не знаю языка, фактами не обладаю, только чувства и эмоции. Я вам покажу письма. Моя хозяйка, удивительная женщина, доверилась мне и даже подарила часть своего наследства, связанного с архитектором Ле Корбюзье. Вот, посмотрите, это копии. Может, тут ошибки, конечно, я немецким языком не владею.

– Вот как! Неожиданный поворот, но он историю поиска не делает менее любопытной.

– Я думаю, все, что удастся найти, интересно и важно. Вам непременно надо увидеть этот уникальный дом. Лично меня волнует его судьба. Знакомые архитекторы предостерегали, он может пострадать, так как находится в заброшенном местечке среди частной застройки в центре города – лакомом куске для проектных и строительных кооперативов.

Марша протянула Ольге Викторовне тетрадь с копиями писем. Та открыла наугад какую-то страницу и перевела с листа: «...дорогой мой, невысказанной тяжестью мне кажется наша разлука. Работы в Европе нет. Ваше решение работать в России убивает меня. Нам туда путь закрыт. Увидимся ли мы когда-нибудь? Ваше отчаянье относительно ситуации или не отчаяние, может мне это кажется, может, это мое воспаленное воображение или желание быть любимой вами несмотря ни на что, заставляет все так представлять. У вас прекрасный сын и милейшая супруга. Лучшего и же-

лать нельзя! Но эта страна! Невозможно предположить, чем все это может обернуться. Вы ведь не боец и не революционер. Вы инженер, архитектор, талант! Берегите себя! Ваша Грета».

Марша и Ольга Викторовна молча, смотрели друг на друга.

– Ничего себе! «Санта Барбара» какая-то.

– Мария, я, разумеется, перевела поверхностно, только, чтобы смысл понять. Вы можете оставить мне рукописи? Поработаю со словарем и с документами.

– Конечно, Ольга Викторовна. Это ведь все не моя собственность. Я буду вам очень благодарна, если хоть что-то прояснится.

Они выпили еще по чашечке чая.

– Понимаете, Ольга Викторовна, это все странно. Я не знаю, как выглядел Генрих Вульф. Может, фото и находится в доме, но, во-первых, я очень уж там не копаю, а во-вторых, если кто-то на фотографии снят, так не подписан. Смысл хозяину снимок подписывать, что это он. Но, вообще-то, мне ни одного изображения не встретилось, на котором предположительно мог быть Генрих или члены его семьи.

– Возможно, я сумею вам в этом помочь, буду разбирать газеты начала века, что-то да найду. Да, интересная история.

ГЛАВА 14. АНТОН. ЛЕЙЛА. САНАТОРИЙ

Лейла на одной ножке скакала вокруг Антона. Поезд нервно вздыхал, и Саша каждый раз торопилась отправить их в вагон.

– Саш, до отхода еще пятнадцать минут, не волнуйся! Давайте на воздухе постоим.

– Да, да, не буду! Только вы там без экстрима! Тебе покой нужен, зачем планшет взял, опять работать, да? – Саша заметно волновалась.

– Так целый месяц! Это с ума можно сойти, не телевизор же смотреть круглые сутки! Надо с друзьями встретиться, с родителями, помочь там, что по хозяйству.

– Э, не вздумай, лучше проектируй домик доктору, никаких физических нагрузок. Ты как сегодня себя чувствуешь?

– Да давно уже все просто замечательно. Так, моя хорошая, – прощайтесь с мамой и вперед!

Антон подхватил Лейлу на руки, вместе они обняли Сашу.

– Ты не скучай, отдыхай от нас, от домашних забот, месяц быстро пролетит. А еще лучше, приезжай к нам на выходные!

В вагоне было прохладно, все-таки осень, хоть и теплый, солнечный выдался день отъезда. Лейла прилипла к окну носом, высматривала мать.

– Пап, а когда приедем назад, уже зима наступит?

– Не горюй, мы же ненадолго, всего на месяц, но ты не пожалеешь, будем с тобой отдыхать на полную.

– Пап, а что такое «отдыхать на полную»?

– Да вот говорят так, еще говорят «на всю катушку».

– А почему? Про какую катушку, с нитками?

– Я точно не знаю, всегда думал, что катушка – это ручка радиоприемника, и если повернуть ручку до отказа, то получится более громкий, максимально громкий звук. Звук на полную мощность. Вот как ты думаешь, отдыхать на полную мощность – хорошо?

– Если весело, то хорошо.

– Значит, придется отдыхать весело.

– А санатория это что? Музыка?

– О боже, почему музыка? Кто тебе сказал? – Антон захотел от неожиданности.

– По радио вроде бы говорили.

– Я даже представить не могу, как можно исполнять санаторию. Санатория... Санатории... О! Может, оратория?

– Оратория, а что это, песня которую орут? Ха-ха! – Лейла покатывалась со смеху, никак не хотела успокаиваться.

Соседка по купе, подслушивавшая разговор, сказала с улыбкой:

– Ну, скорее, от слова оратор. Оратория – это как опера, только не в театре, где еще декорации, а в концертном зале. А по музыке похоже.

– Спасибо, выручили, – Антон вздохнул с облегчением, – санаторий – это как детский сад для взрослых, где отдыхают, поправляют здоровье, лечатся.

– Ты что, пап, я не хочу в детский сад, там есть заставляют!

– Ну, мы и сами есть умеем, зачем нас заставлять?

– Пап, а там днем спят?

– Еще бы! Взрослые, знаешь как спать любят! Пообедают супчика и на боковую!

– Пап, а как это на боковую?

– Боже, Лейла, я уж говорить боюсь, что ты все докапываешься?

– Говори по-русски. Мне будет самой понятно. У тебя крайне засоренная речь.

– Да, по-моему, на боковую, это чисто русское выражение, – Антон вопросительно посмотрел на соседку, ища поддержку.

– Да, скорее всего. «Пора на боковую» еще Салтыков-Щедрин использовал в своих произведениях.

– Щедрин композитор, он танец для Кармен написал, а его жена, Плисецкая, танец станцевала.

– Молодец какая, кто же тебе об этом рассказал?

– Мамочка, мы с ней по телевизору смотрели «Танец Кармен».

– Да, ты права, только это другой Щедрин. Салтыков-Щедрин – писатель, он и сказки сочинял, к примеру, «Премудрый пескарь».

– Знаю-знаю. Лейла многозначительно кивнула и уставилась в окно.

Антон и попутчица переглянулись и засмеялись.

– Пап, что-то осень какая-то странная, не желтая.

– Наверное, определенные породы деревьев выросли. На одних листья уже облетели, дубы позднее листья сбрасывают, а сосны – вечнозеленые растения. Вот и получилось, не хватает у осени желтой краски.

– А у меня всегда хватает красок!

– Ты что же, художница, рисуешь, вернее, пишешь красками? – спросила попутчица.

– Я рисую истории.

– Расскажи, про что ты рисуешь?

Лейла по-деловому развязала рюкзачок и открыла блокнот.

– Я сейчас рисую историю про лошадку Сметанку и Скакуна. И про их маленькую дочку. Как Скакун поехал на заработки, а Сметанка с дочкой остались его ждать.

Лейла быстро нарисовала слева на листе белую лошадку, рядом лошадку поменьше, с розовым бантиком в гриве, напротив уже был изображен гнедой конь Скакун. Они прощаются перед разлукой. Затем, как кадр кинофильма, последовали один за другим картины тяжелой жизни Сметанки

и дочки. Их брали в плен, заматывали веревками, наверное, пытали. Добрые друзья – лягушонок и ослик – пробовали спасти их, вступили в неравный бой и погибли. Их одинокие тельца лежали на дорожке. Вокруг лесное зверье оплакивает храбрецов. Приезд Скакуна, счастливое освобождение. Праздник, пир на весь мир. Танцы, пляски, хороводы.

Попутчица и Антон, затаив дыхание, слушали малышку, она эмоционально комментировала свои нарисованные фантазии. Потом просто сказала:

– Все! Пап, а в санатории уколы делают?

– Тебе точно не будут.

– Знаете, у меня скоро День рождения, через десять дней.

Мне исполнится пять лет.

– Что ты говоришь? Как же вы будете отмечать?

– Соберемся: бабушки, папа и я. Мама приехать не сможет. Она на работе осталась за руководителя, вместо папы. Она могла бы приехать, но работу нельзя бросить. А когда мы с папой вернемся, то устроим еще один праздник, с друзьями и подругами.

– Если бы день рождения был в выходной, мама обязательно приехала бы, дядька Женька Бархин ее хотел привезти, но торжество в среду. Разгар рабочей недели, поэтому не получается, – пояснил Антон попутчице.

– Он не дядька и не Женька, а Евгений Леонидович, мамин друг и мой крестный.

– Ну, тогда все понятно! – улыбнулась попутчица. – А да-

вайте знакомиться! Меня зовут Людмила Гуселетова, я работаю на местном телевидении. Веду рубрику «Удивительное рядом». Чувствую, сам бог меня к вам подсадил в купе. Тебя я знаю, как зовут, Лейла, а вот как папу зовут, ты можешь сказать?

– Могу, конечно, только надо сначала у папы спросить, хочет ли он с вами знакомиться.

Антон смущенно засмеялся:

– Извините, я Антон Круглов, архитектор из города К. Вот, едем с дочкой отдыхать в санаторий.

– Григорьевич, Антон Григорьевич, – поправила Лейла. Она подлезла под руку Антона и, выпрямившись перед его лицом, мешала им разговаривать.

Людмила встала, пояснила улыбаясь:

– Пойду, попрошу у проводника чай. Вы чай будете? А, прекрасная Лейла?

– Будем, – за двоих ответил Антон.

Проводница принесла чай в подстаканниках, которые Лейла раньше никогда не видела:

– Это что же такое? Дырявая чашечка? Папочка, посмотри, чашечка без дна!

К чаю достали ватрушки Сашиного производства. Угощали Людмилу, та подумала и не отказалась, пояснив, что старается не есть мучного, но ватрушки выглядят очень аппетитно и не попробовать их просто глупо, тем более, они с творогом, в котором много кальция, а он необходим орга-

низму. Людмила достала красные крепкие яблочки и заметила: если их есть с чаем, тогда не поправишься, потому что от сладкого «смерть фигуре».

Так за трапезой и беседой быстро прошло время, поезд прибывал на станцию назначения.

Выйдя из вагона, Людмила попросила Антона на несколько слов. Лейла засмотрелась на группу детей, недавно сошедших с поезда. Их пытались поставить парами друг за другом, но четкая линия все время ломалась, превращаясь в изогнутую гусеницу. Антон, не спуская с Лейлы глаз, спросил:

– Чем могу быть полезен?

– Давайте сделаем про Лейлу передачу, у вас уникальная дочь, надо, чтобы о ней узнали.

– Простите, кому надо?

– Людям и Лейле, мы можем прославить ее за один эфир.

– Вы считаете, слава – это то, что нужно маленькому ребенку? Действительно так полагаете?

– Но вам самому хотелось бы посмотреть передачу про талантливую девочку?

– Мне отчасти да, конечно. Но если думать о дочке, учитывать ее интересы, ничего кроме вреда это не принесет.

– Почему вы так считаете, поясните, пожалуйста! Просто мне всегда попадались родители, которые, напротив, стремились показать успехи ребенка, искренне полагая, что это поможет ему в будущем.

– Любой ребенок в определенный период жизни индивидуален и талантлив. Каждый в чем-то своем. Ведь у всех людей на свете есть особое предназначение. Как у пчел, одни рождаются солдатами, другие рабочими, третьи няньками. И у нас точно также. В детстве многие детки проявляют поразительные способности. Мне кажется, что это некий послыл родителям по дальнейшей ориентации ребенка. Но взрослым нельзя спекулировать, тешить собственное эго за счет восхваления своих чад. Вы сами знаете про детей-вундеркиндов. Сколько среди них счастливых людей? Очень мало, даже наоборот, многие несчастны. Вот вы поразились, глядя на Лейлу, а чему, собственно? Как она рисует или как фантазирует? Ведь если бы на ее месте был взрослый человек, это бы вас не удивило. Значит, то, что она делает, просто не соответствует ее возрасту в общепринятом смысле. Я вас уверяю, Лейла нас с женой поражает каждый день. Когда маленький человек так думает и рассуждает, это удивительно. И мы никак не хотим подвергать ее неокрепшую нервную систему испытанию медными трубами. Сейчас Лейла находится в комфортных условиях, среди любящих людей, но мир жесток. Она ведь не смогла посещать детский садик. Пока ей не нужно отстаивать ни перед кем свое звание «маленького гения». Для нас она солнышко, которое греет и светит нам. Но скоро, конечно, ей потребуются общение с детьми, наступит время идти в школу, и ее индивидуальность неминуемо снівелируется, распространится на одноклассников,

а она начнет копировать их, ведь все до определенного возраста стараются быть похожими друг на друга. И что тогда делать с ее славой? Как сохранить завоеванные позиции? Оградить ее от общества, выращивать под колпаком? Как потом избавить ее от комплекса аутсайдера? Лучше, если все идет по порядку и вершин человек достигает постепенно, борясь за каждую ступеньку, за каждый подъем. Вы согласны со мной, Людмила?

– Мне надо это обдумать и проникнуться, я даже представить себе не могла, что все так сложно.

– Лейлу уже приглашали на радио, отказались и не жалею об этом. Мы ее не прячем от людей, просто не хотим, чтобы она воображала себя какой-то особенной, лучшей по сравнению с другими детьми. Сейчас наша задача как можно больше ей дать знаний и умений, сохранить здоровье, воспитать хорошим человеком. А дорогу к славе ей придется проторять самой в будущем, если она готова к этому стремиться, а нет, так и слава богу. Не в том счастье.

– А в чем счастье?

– Счастье в удовольствии. От работы, от людей, от окружающей тебя обстановки, от архитектуры, от других видов и предметов искусства, от музыки в особенности, от познания, от любви. Человек счастлив, если он радуется. Радость – состояние момента, а счастье – глобальное. Чем чаще он радуется, тем счастливее себе ощущает. Счастье состояние сугубо субъективное.

– Пап, а что такое «сугубо субъективное?» – Лейла приобщила к разговору, неуклюжая детвора перестала ее интересоваться.

– Вот видите, мне пора работать папой!

– Антон, вы удивили своими рассуждениями, так не хочется прекращать разговор с вами! Вот моя визитка, если возникнут проблемы. Когда я, используя свои связи, смогу вам помочь, почту за честь. И еще, мы не успели договориться об архитектуре. Может быть, вы разрешите сделать передачу или цикл передач про вас, или про архитекторов, или про архитектуру. Я согласна на любое ваше предложение.

Антон продиктовал Людмиле рабочий телефон. Распрощались как добрые друзья. Антон взял Лейлу за руку, и они неспешно пошли к автобусной остановке.

Людмила долго смотрела им в след. Красивый высокий мужчина, немного склонившись, шел с маленькой девочкой в красных ботиночках, с рюкзачком за спиной, она держала вязаную шапочку за белый бубон. Шапочка уверенно шагала по дорожке своими тонкими ножками-завязочками, ничего не боясь, ведь она была в надежных руках.

В санаторий приехали к вечеру, сначала навестили бабушек, которые жили неподалеку друг от друга и поджидали гостей, собравшись у одной из них дома. Напекли пирогов, пирожных, тортов, будто должна была прибыть армия голодных новобранцев. К застолью приобщили Сашины ватруш-

ки, которые получили родительское одобрение. Лейла, увидев сладости, воскликнула:

– Ну, смерть фигуре!

На что Антон добродушно проворчал:

– Еще одна фигуристка!

Потом зарезали арбуз и, обессиленные, разместились на диване и креслах обменяться новостями. Бабушки потребовали ежедневных звонков из санатория и обязательного посещения их, как только Лейла и Антон будут приезжать за чем-то в город. На призыв оставить с ними Лейлу Антон ответил категорическим отказом, сославшись на то, что сам еще не наигрался с такой чудесной девочкой.

Им выделили двухкомнатный шикарный номер, спальня и гостиная с диваном и телевизором. Антон сразу определился в гостиной на диване, а Лейлу устроил в спальне, там стояло большое кресло с журнальным столиком и торшер. Удобно играть и рисовать. На кресле сделали постельку для шапочки и мелких меховых зверушек, совершавших переезд до санатория в карманах курточки и комбинезона. Антон не ожидал такого приема, даже поначалу отказывался от предложенного номера, предполагая, что это ошибка. Но его уверили – номер зарезервирован и оплачен областной администрацией города К, специально для Круглова А. Г.

– Вот это да! И с ванной! Наша квартира, наверное, мень-

ше! Ну, Лейла, как мы тут прекрасно поживем, жалко, мама теперь вкалывать будет за себя и того парня.

– Пап, а парень – это ты?

– Я, кто же еще!

ГЛАВА 15. САША. ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ЛЕЙЛЫ

Саша вернулась с работы. Вошла в пустую квартиру. Было тихо, слишком тихо. Она машинально подобрала с паласа упавшего синтепонового зайца Лейлы. Зайца звали Бубун-Лин. Саша аккуратно посадила его на тумбочку. Забралась с ногами на кресло в комнате Лейлы. С каким удовольствием и любовью она обустроивала здесь все, чтобы детская получилась уютной и неповторимой. Но самое главное и уникальное – маленькая Лейла, девочка, которой сегодня исполнилось пять лет. Вот нет ее, и нет очарования этого милого пространства. Или все-таки есть?

Саша пошла в гостиную и включила магнитофон: «А то сейчас совсем раскисну». Днем на работу звонил Антон. По телефону она слышала смех, крики, проходила подготовка к празднику и раздача подарков. Саша вспомнила об этом и улыбнулась. Вот бабушки оторвутся! Антон сожалел, что Саши нет с ними, благодарил за дочку. Сказал, она для него самый дорогой человек. Она и Лейла. Да, сегодня среда, апогей рабочей недели. Саша никак не могла поехать к ним, одним днем не обернуться, не меньше трех получится. А коллектив так надолго невозможно оставить. Вся ответственность теперь, пока Антон восстанавливался в санатории, ле-

жала на Саше. Да и время сейчас важное, на стройке шла сдача и приемка отдельных участков объекта. Без конца следовали звонки с просьбой немедленно разработать нужный узел или заменить какой-то материал. Все архитекторы трудились напряженно, задерживались до позднего вечера, не хотели подводить Антона и Сашу, особенно после недавно перенесенного Антоном сердечного приступа. Саша была безмерно благодарна Марше, которая держала в голове все хитросплетения отношений со смежниками, конструкторами и стройкой. Лучше любой записной книжки. Саша пыталась фиксировать, систематизировать хотя бы внешние связи с городской администрацией, ПТО, прорабами и бригадами. На решение внутренних вопросов ее совсем не хватало.

Ну что ж, праздник, так праздник. Придется печь пироги. Саша подумала, может, традиционными хлопотами скрасит несправедливое одиночество этого дня.

Она захотела сделать слойки, тесто не обязательно готовить заранее, для начинки резала капусту, жарила фарш. Все автоматически. Мысленно вернулась в прошлое, когда они приехали в этот город по распределению, после окончания института. Она и Женька Бархин немного раньше, Антон – позднее на три дня. Их временно разместили по общежитиям. Всех в разные, далеко друг от друга. В «Гражданпроекте» Саша и Антон попали в архитектурно-строительный отдел, АСО-2, а Бархин в отдел генплана, ОГ-1.

Саша поселилась в общежитии недалеко от проектного института, в комнате на двоих. Соседка солидного возраста, лет пятидесяти, тоже работала в «Гражданпроекте», на должности ведущего архитектора, но в другом отделе, АСО-3. Ее звали Людмила Викентьевна, она приехала из Тамбова и ждала квартиру, чтобы перевезти свою семью, но дом уже почти целый год никак не могли сдать.

Саша была девушка ответственная, а уж Людмила Викентьевна – просто образец пунктуальности. Она взяла над Сашей шефство, будила за час до начала работы. Включала кипятильник, заливала «Геркулес-экстру» на двоих, заставляла заворачивать бутерброды. Выходили они вместе, ровно за полчаса. Идти было десять минут, пять на подъем по лестнице. В результате Саша всегда являлась первой, за четверть часа до начала рабочего дня, брала на вахте ключ и открывала комнату. От нечего делать поливала цветы. Иногда ложилась лицом на руки и досыпала несколько минут, но обычно прибирала на столе, затачивала карандаши, мыла случайно забытую с вечера чашку.

Антон всегда опаздывал, заваливался с бешеным полусонным взглядом, не выражающим ничего. Затем понемногу отходил. Он жил на окраине города в каком-то общежитии при железобетонном комбинате, естественно, не завтракал, потому что спал до последнего. Правда, позднее выяснилось: вставали они с Сашей почти в одно время.

Как-то раз Антон, чтобы проснуться окончательно, зава-

рил крепчайший чай и посетовал вслух, мол, неплохо бы сейчас чего-нибудь съедобного употребить. Саша тут же отдала ему бутерброды. Так и повелось. Утром Саша кормила Антона бутербродами, а в обед, когда приезжала женщина с плетеной корзинкой, наполненной горячими пирожками с ягодами, картошкой или треугольными, с творогом, Антон покупал их себе и ей. Третьим к ним присоединялся Женька Бархин. Он обычно приходил в перерыв пообщаться с Сашей, а со временем они стали обедать вместе. Бархин тоже уважал эти чудесные пироги. Брал всегда полный ассортимент в двойном размере, вдруг его дорогая Саша выразит желание попробовать что-нибудь. Она обычно соглашалась только на один, который покупал Антон, это был уговор, иначе он собирался отказаться брать из ее рук утренние бутерброды, а это грозило ему голодной смертью. Антон помогал Бархину расправиться с излишками. «Вот, сколько булок едят, а худые, как черти», – думала Саша.

Бархин с Антоном обычно обсуждали музыкальные новинки, по вторникам подслушивали маленький транзисторный приемник. Саша участвовала в этом таинстве с неподдельным интересом. Они время от времени обращались к ней в поисках эмоционального отклика. Находили.

Совершенно случайно подкралась беда в лице сметчицы Элки. Она явно возымела на Антона виды. Появлялась по нескольку раз в день, в полном смысле «крутила хвостом». Вставала около Антона, держалась за край широкой

юбки и покачивалась. Саша думала: «Ну, прямо родео. Матадор и бык». Антон восседал на крутящемся стуле и разговаривал с ней с явным удовольствием. Элка никогда не садилась. Антон никогда не вставал. Получалось нелепо, смешно и грустно. Глядя со стороны, Саша нервничала от того, что Антон сидит перед стоящей девушкой, злилась, что Элка ходит, привлекает к себе внимание и крутит юбкой у его носа. Просто не знала, как поступить.

Однажды Элка куда-то увела Антона, и того долго не было. Оказалось потом, она якобы консультировалась по поводу покупки музыкальной аппаратуры. Антон быстренько выдал всю информацию, коей обладал, тут же с ней попрощался и пошел к Бархину. А Саша в это время переживала: сидела расстроенная, работать не могла. Антон заметил ее меланхолию и пытался веселить рассказами из собственной жизни.

Саше показалось, что она может упустить свою мечту. И тут обстоятельства сыграли ей на пользу. Когда Элка заявила в следующий раз, Антона не было на месте, его звала начальник отдела.

Саша напрямую спросила Элку, что ей надо. Элка опешила на какое-то время, но не растерялась, мол, а ты кто такая? «Я – невеста, Антона, а вот ты кто такая, ходишь тут, отвлекаешь человека от работы!». «Ну и пожалуйста, не больно и хотелось!». Элка крутанулась на каблуках и замаршировала, просунув руку в карман и размахивая ею внутри. «Дур-

дом какой-то, – подумала Саша, – что она покоя этим юбкам не дает?!»

Когда Антон вернулся и спросил, почему народ так возбужден, Саша вдруг неожиданно выпалила: «Приходила Эллочка, продемонстрировать новую юбку с карманами, но я ее выгнала, сказала, что у тебя аллергия на пыль. Пусть машет своими тряпками в другом месте». Антон несколько секунд помолчал, видимо представляя все это, потом залился таким заразительным смехом, что собрал вокруг остальных сослуживцев. Разговор с Элкой они слышали, и то, как рассказала Саша, тоже. Событие вызвало у них шумный восторг: «Правильно, Александра, нечего всяким пришлым на наших мальчиков покушаться, у нас своих невест хоть отбавляй!».

Антон до конца рабочего дня сидел довольный и иногда сам себе улыбался. Вечером к ним подошла начальница.

– Так, молодежь, вся надежда на вас, скоро праздник, посвященный 7 ноября, у нас в институте будет торжество и традиционный сборный концерт. От каждого отдела по три номера художественной самодеятельности. Поскольку толку от вас, как от работников, пока мало, а у нас объекты на сдаче, отвлекать ведущих специалистов я не буду, да и хватит, они свое уже отплясали и отпели. Конечно, кроме Пальцева, он хочет выступать, препятствовать не собираюсь. Но от вас два номера. Круглов, ты чего глазки подкатил? Опаздывать у тебя хорошо получается. А тут отдел надо выручать. Начальство институтское следит за активностью работников.

Что будете делать, меня не касается, хотите стихи читайте, хотите танцуйте, хотите песни пойте. Нет, стихи уже Пальцев читает, свои – басни на злобу дня.

Начальница удалилась, не дожидаясь возражений.

– Да, – Антон поник, – две недели осталось, что будем делать? Ты вообще-то как относишься к проблеме?

– Я музыкалку почти закончила, на выпускные экзамены заболела гриппом, подготовиться хорошо не смогла, а потом не пошла сдавать, думаю, зачем мне эта корочка? исключительно для проформы. Так вот, я в хоре участвовала, поэтому теоретически петь могу. Только не одна, а с кем-то. У меня слабый голос, но зато, вроде бы, слух нормальный.

– Значит, петь, а что? «Милая моя, солнышко лесное...» – это не по мне.

– Ну, погоди, удивительно, ведь ты же прирожденный музыкант, практически профессионал, и не знаешь, с чем тебе солировать.

– Во-первых, я один не выступал никогда, только с группой. Играл последние годы на электрогитаре. Наш репертуар здесь не прокатит.

– «Whiskey in the Jar» можно, она чудесная и заводная.

– Без ударника ничего не выйдет.

– Я на маракасах погремлю и припев подпою.

– Оденемся индейцами, в пончо? – неожиданно развеселился Антон.

– Кстати весело бы получилось, а петь будем про виски...

да какая разница, музыка народная. Тебе нужно гитару забрать из дома. Можешь у меня в общаге хранить, вернее у Людмилы Викентьевны.

– Ну, допустим, а вторая песня?

– Давай по-простому. Что-нибудь любимое всеми из Beatles. Например, «Girl». Я сыграю роль девушки и подпою.

– Ну, наверное, можно было бы так сделать. Инструмент вот только везти придется. Давай домой вместе смотаемся в эти выходные, возьмем гитару, вдвоем-то с вещами сподручнее, я ведь провизию от мамы повезу. Да заодно с ребятами из группы порепетируем в нормальной обстановке. Позориться не хочется.

Саша о таком раскладе событий и мечтать не смела. Она знала, что Антон каждую пятницу уезжает на выходные домой. Он очень мучился от общежитских бытовых условий. «Хоть немного в ванне отмокну». Антон ездил междугородним автобусом, считал такое передвижение более мобильным. Саша пользовалась поездом, он казался ей более комфортным, один-два раза в месяц. Ей жалко было терять почти десять часов на дорогу, это если туда-обратно. Она любила погулять по городу, сходить в кино или на концерт, почитать в тишине. Тем более, что соседка по комнате обычно уезжала к семье в Тамбов, предоставляя комнату в полное Сашино распоряжение. Но с тех пор, как они съездили за гитарой, Саша неизменно спрашивала в пятницу: «Ну, каким

сегодня поедем?»).

Антону эти путешествия вдвоем тоже нравились. Они вместе слушали кассетник через наушники или играли в «чепуху», «балду» и «морской бой». Частенько Антон отсыпался, а Саша доставала книгу и читала. Какое прекрасное время! Саша находилась на седьмом небе от счастья. Прямо пропорционально ее внутреннему состоянию падало настроение и шансы Бархина. На него было жалко смотреть. Однажды в обед он сообщил, что переводится на стройку, прорабом. Объяснил это так: мол, генпланами заниматься не интересно, жильем он не доволен, а ему обещают дать служебную однокомнатную квартиру. Антон и Саша расстроились. На работе они все время были втроем, поддерживали друг друга. Но Бархин их успокоил: «Ну, вы что, теперь у нас будет, где музыку послушать, вина или пива попить. Пострадаю ради общего дела». И ушел. Понимал, может быть, прощается с архитектурной деятельностью навсегда. А Саша считала – он просто не хочет мешать ей и Антону найти друг друга. Она и сама ждала от Антона искренних чувств, но не стремилась подталкивать его к этому, хотела, чтобы все было по-настоящему. Ну, уж кто угодно, только не Элка!

И вот настал знаменательный день, 6 ноября. Работали всего полдня, вернее, не работали, а готовились к празднику. Столы вынесли в коридоры, накрывали их ватманскими листами. Из всех групп отдела туда сносили посуду, таскали

студья, раскладывали угощения.

К назначенному часу актовый зал был наполнен до отказа. Люди стояли в проходах между рядами, сидели на коробках возле сцены. Антон неожиданно разволновался. А вдруг аппаратура подведет! И пусть репетиция прошла успешно, все работало отлично, но уж очень он не хотел смазать первое впечатление.

Вначале выступали сотрудники отдела типового и экспериментального проектирования ОТЭП. Следом их очередь. Ноябрь – месяц, когда темнеет рано, в зале был полумрак. Антон вышел на сцену и расположился слева. Свет софита поймал его в желтый кружок.

– Is there anybody going to listen to my story. All about the girl who came to stay?...

При первых звуках зал взорвался аплодисментами и встал. Антон и вправду был хорош! Он распустил свои длинные темные волосы, надел серый пиджак со стойкой и узкие джинсы. Прямо заблудившийся битл. Да, умел он держаться на сцене. Неожиданно для зрителей, снизу справа стал подниматься голубоватый дым. Из-за спины Антона появилась Саша с белым прозрачным шифоновым шарфом. Руки полусогнуты и подняты к плечам. Она медленно проследовала к правой стороне сцены. Там у помоста спрятали вентилятор, который гонял туманный воздух, создавая иллюзию ветра. Все было рассчитано, она успела к проигрышу,

когда в тексте пошли вздохи и ахи. Саша выглядела потрясюще. Тоненькая, нежная, с пепельными прямыми волосами до плеч. На ней тоже были узкие джинсы и белая воздушная блузка с объемными рукавами. Она покачивалась, фиксируя положение тела в такт музыки, шарф развевался от ветра. Зал просто ревел. Потом они пели на бис. Да, два раза. Уже никто больше ничего не хотел смотреть и слушать. Бедный Палецев. Он должен был рассказывать басни, пока Антон и Саша переодевались для следующего номера, но никак не мог начать из-за шума в зале. Палецев почему-то не обиделся. А просто сказал в микрофон: «А они сейчас еще выйдут, только переоденутся». Народ сжалился и захлопал, поддерживая Пальцева. Он читал смешные басни, из нового, про жизнь проектировщиков. Его тоже не желали отпускать. Потом вышли Саша и Антон, спели хит «Whiskey in the Jar». Зал опять грохотал, они снова повторяли на бис. Все получилось замечательно, но успех «Girl» никто уже не смог превзойти. Вот так в умах сотрудников института Саша Завиша запомнилась как девушка Антона Круглова.

На следующее утро начальница встретила Антона в дверях взглядом с поволокой.

– Круглов, задерживаетесь, ну ничего, ничего, мы же понимаем, что вы с окраины приезжаете. Надо же, оказывается, какие у вас волосы длинные, с хвостом ходите, красоту свою прячете. Напрасно, напрасно.

Антон поинтересовался у Саши, был ли это намек на то, что ему надо волосы распустить или и так сойдет?

– Просто живи, как тебе удобно, не слушай никого.

– Что, даже тебя?

– Даже меня.

Элка была сражена и больше не приходила к Антону, хотя на лестнице, случалось, с ним сталкивалась и беседовала. Она никак не могла купить музыкальный центр. А может, и не собиралась. Да и вправду, зачем он ей?

Антон совсем привык к Саше и просто уже не хотел без нее. Она с интересом его выслушивала, задавала вопросы, раскрывая новые не проговоренные темы.

Бархин, действительно, получил квартиру, однокомнатную, на первом этаже. Им тогда показалось, шикарную. С просторной квадратной прихожей, где впоследствии стоял диван, на котором оставались ночевать засидевшиеся визитеры, квадратной кухней с выходом на длинную лоджию, смотрящую в заросший зеленью палисадник, и не слишком большой спальней, на самом деле, видимо, именовавшейся гостиной. Можно было сказать, что он получил трехкомнатную квартиру с примерно одинаковыми по метражу помещениями.

Саша и Антон поддерживали его, как могли. После работы клеили обои. Женька притащил своих парней со стройки,

и они сообща стеклили лоджию – для безопасности, все-таки первый этаж.

Вечера проводили весело, под магнитофон, с пивом и бутербродами с килькой, Бархин эту закуску у работяг подсмотрел. Когда ремонт был завершен, несколько раз отмечали новоселье.

Теперь друзья каждую неделю собирались у него на посиделки. Обычно встречались в пятницу, на следующий день не надо идти на работу. Антон и Саша стали реже ездить к мамам, наступила зима, поездки были физически трудными, а домашнего уюта им хватало в квартире Бархина. Кроме того, Антон с Женькой нашли небольшую баньку, куда ходили по четвергам, в мужской день, и Антон на время перестал грезить о ванне.

Антон теперь всегда провожал Сашу до общежития. От Бархина неспешным шагом было идти тридцать минут. Прощаясь, он прижимал к себе Сашу и шептал ей в ухо: «Са-ш-а...». Эти незабываемые мгновения остались в памяти Саши до сих пор, самое прекрасное время – предчувствие любви.

Весной, наконец, достроили «гражданпроектковский» дом. Принялись распределять ордера по очередникам, сначала обеспечили проживающих в общежитии, потом тех, кто стоял на расширение жилплощади. Таким образом, высвободилось несколько квартир из вторичного фонда. Антону

и Саше как молодым специалистам тоже должны были выделить жилье, хотя бы комнаты на общей кухне. Но директор понимал, что, поселив их в коммуналку, проблему кадров не урегулировать. Отработает молодежь свои три года – и по домам, к родителям и друзьям. Он схитрил и сагитировал Антона побыстрее подумать о семейной жизни, подтолкнул его к решительным действиям, а в награду сумел высвободить для них сразу двухкомнатную квартиру из старых, практически в центре, недалеко от проектного института.

Опять сообща делали ремонт, а потом праздновали новоселье, совмещенное с бракосочетанием.

Свадьба была символическая, только родители и ближайшие друзья. Все из прежнего города.

Бархин состоял свидетелем, одним на двоих. В ЗАГСе воспротивились подобному обороту событий и тогда они, для проформы, вторым свидетелем попросили поучаствовать незнакомую девушку, работницу ЗАГСа.

Бархин грустил, складывалось впечатление, что он на похоронах своей любви. Саша ему сочувствовала, утешала, как могла. Клялась в вечной дружбе. Антон был пьян от счастья и от шампанского, умильно смотрел на Бархина и тоже клялся в вечной дружбе. Женька к концу дня уже чуть не плакал от жалости к себе. Антон пообещал найти для него невесту,

на что Бархин ответил, что лучше бы он его вообще не знал. Но Антон не обиделся, он ведь не был виноват, просто ему опять повезло.

Саша разложила готовые пирожки в две тарелки. Запах от них шел потрясающий. «Завтра на работу отнесу, ребят угощу», – решила она. Нашла на магнитофоне песню «Girl», с которой все и началось, поставила кипятить чайник.

Раздался звонок, на лестничной площадке послышались смех и голоса. Саша отворила дверь. На пороге с охапкой разноцветных хризантем стоял Бархин, из-за его спины выглядывали Марша и соседка Люба с большущей тарелкой, на которой дымился плов.

– А-а-а, мать именинницы, не ждала гостей? Вот так всегда, пока сам не напросишься, никто не позовет. Ни одна, – он кивнул в сторону Марши, – ни другая. Ты посмотри, а пироги-то спекла! Ждешь, что ли, кого?

– Да вот, думаю, а если придут друзья-подруги? Надо подготовиться. Люба, ты ведь работаешь сегодня вечером, я уж грустила по этому поводу.

– Поменялась с приятельницей, не могла в такой день тебя оставить в одиночестве. А вот, получается, на целый банкет попала!

Бархин открыл портфель и стал вытаскивать из него бутылки с шампанским, красным и белым вином, коньяк. В от-

вет на широко распахнутые глаза Саши, мол, куда столько, Бархин пояснил: «У нас сегодня репетиция, а придет звезда, спектакль устроим по-настоящему, так, что, если чего не выпьем, как раз уже хватит на вторую серию».

Быстро разложили стол, перенесли его в центр комнаты. Порезали хлеб, кое-какие овощи, сели, подгоняемые притягивающим запахом остывающего плова. Выпили шампанское. Все тосты были за Сашу. Она уж взмолилась: «Давайте хоть за дочку, за Антона».

– Вот еще, за этого негодяя вообще пить не хочу, мало, что мою любимую девушку увел, он в такой день нас всех ребенка лишил. Ладно-ладно, шучу! Так, где телефон? Сейчас позвоним и будем пить с виновником торжества параллельно.

Бархин по памяти набрал номер. Трубку, видимо, взял Антон, потому что Женька сразу заорал:

– Привет, отец-героин! Пьем всей компанией за твоё здоровье. И за прекрасную мою крестницу. Где там она? А-а-а, Лили, чем ты опять занята, тебя не дождешься! В платье наряжалась, это чудесно! Фотку подаришь? Конечно, конечно, уж непременно соберемся. Вы только со своей папашей вернитесь живыми-здоровыми, а мы уж постараемся вам тут такой прием закатить! Тебе Марша подарок приготовила. Обижаешь, конечно, собственными руками сделала. А ты вот, давай, с ней поговори.

Бархин протянул трубку Марше, призывая ее ответить

Лейле.

– Лейла, деточка, поздравляю тебя! Молчит... – растерянно сказала Марша, – лапочка, ты где?

В это время телефон у Лейлы принял ничего не подозревающий Антон, но тут же нашелся:

– Я здесь, моя хорошая!

– Ой, Антон Григорьевич! Это Марша, поздравляю вас и Лейлу. Да вот пришли Сашину радость разделить. Как ваше здоровье? Ну, просто замечательно. До свидания, Антон Григорьевич, да, да, передаю трубку Саше.

Пока Саша говорила с Антоном, Марша смотрела, насколько преобразалось ее лицо во время разговора. Бархин тоже наблюдал за Сашей.

– Эх, девчонки, девчонки, давайте выпьем за вас за всех, хорошие вы, будьте только счастливыми!

Потом вместе рассматривали Маршин подарок для Лейлы: вязаные молочно-белые чуни с коричневыми оленями по бокам. Подошва сделана из серой толстой замши. Плетение было двойное, обувка держала форму. Тесьма вокруг ножки скручена косичкой из серых и бежевых ниток.

Бархин между тем рассказывал:

– Заезжаю за Марией без предупреждения, а она сумочку клеит, для этих самых пинеток. Говорит: «Решила Лейле на Новый год подготовить». Я тут ее в охапку, с подарком, какой Новый год, пятилетний юбилей ведь сегодня!

– Ой, Марша! Это чудо! Волшебные башмачки! – изумлялась Саша.

Бархин взял подарок в руки, внимательно рассмотрел, потом пробурчал:

– Да, вот в таких пинетах я Лейлу маленькую помню. Отдельная история – ее появление на свет. Надо будет в лицах рассказать на основном праздновании. Как папа дочке имя выбирал.

ГЛАВА 16. ДЛИННОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

«Городское управление Франкфурта-на-Майне в 1925 г. принимает десятилетнюю программу жилищного строительства, которая предполагает в 1926 г. возвести 1200 квартир для малоимущих слоев населения. Реально же возводится почти в два раза больше – 2200 квартир. В 1927 г. вместо запланированных 1400 квартир опять строится в два раза больше – 2855. В 1928 г. программа вновь скорректирована в сторону увеличения – на последующие четыре года намечается возведение уже по 4000 квартир в год».

Марша опустила лист бумаги на колени, посмотрела на Ольгу Викторовну.

– Надо полагать, руководство СССР было в курсе этих достижений и решило воспользоваться европейским опытом. А они поехали к нам, спасаясь от безработицы, начинающейся в Германии.

– Да, всеми двигало желание трудиться, они предполагали, что фронт работ в Советской России будет огромным. Вот заметка из газеты «Вечерняя Москва» от 3 мая 1930 года: «Вчера в Москву приехал известный германский архитектор, профессор Эрнст Май, являющийся одним из важнейших представителей группы франкфуртских архитекто-

ров, работающих по городскому и поселковому строительству. Профессор Май занимается сейчас над проблемами новых архитектурных форм и рационализации жилища». Вот, еще посмотри, небольшая выкопировка, не спрашивай, как нашла. Это воспоминания Эрнста Мая – книга, опубликованная в 1963 году. У нас, естественно, не переводилась.

Марша прочитала статью.

– Неужели размах этого движения был таким массовым. Май пишет, что у него в подчинении в определенный момент работали около восьмисот специалистов!

– Не то слово, каким массовым. И это касалось не только строительства, в двадцатых годах было принято постановление о привлечении зарубежных специалистов в разных областях. Кончилось все, однако, не очень хорошо... Смотри, что я тебе принесла, – Ольга Викторовна протянула Марше фотографию.

– Ой, я знаю, этого человека, он муж Маргаретты Враницки.

– С чего ты взяла? – Ольга Викторовна пришла в замешательство, – это же Генрих Вульф.

– Да вы что! Просто он с Марго на фотографии стоял рядом. Слушайте, какой интересный мужчина, ну, честное слово, влюбилась бы. Я заметила, он всегда улыбается: веселый и оптимистичный, поэтому, наверное, и остался в Союзе. Ольга Викторовна, а вы еще не догадались, почему они приехали в этот город? Я спрашивала у знакомых, никто ар-

хитектора по фамилии Вульф не знает, ну, по крайней мере, в «Гражданпроекте», а ведь это головной институт в городе. Надо обратиться в Союз архитекторов, возможно, он там состоял в членстве.

– О том, почему они сюда приехали, я пока не выяснила. А что ж ты про письма не спрашиваешь? Наверное, хочется узнать новости?

– Ну, во-первых, я думала, что вы еще к ним не приступали, не так много времени прошло с нашей последней встречи. Во-вторых, было неудобно интересоваться и исподволь торопить.

– Ты права, я еще не все перевела. Мне хотелось бы взглянуть на подлинники, некоторые места уточнить, кроме того, ты обмолвилась, что есть фото.

– Да, конечно, Ольга Викторовна, сейчас принесу, вы пока чайку попейте, а то мы прямо сразу к делу, у вас чай совсем остыл. Давайте, я горячего налью, чайник на этой печке прекрасно держит температуру.

Марша убежала вскрывать тайник. Вернулась с толстым конвертом.

– Вот мы с вами, Ольга Викторовна, ведем расследование, а на самом деле, может, это вовсе не секрет, и обо всем даже соседи знают. Сколько лет они тут жили, общались же, наверное, между собой.

– Да, вот именно, уж на счет того, где работали, когда приехали, скорее всего, смогли бы рассказать. Да и наследница

дома, по-видимому, в курсе.

– Мы все полулегально делаем, мне у хозяйки неудобно спрашивать, хотя, наверное, наши попытки узнать о судьбе выдающегося человека объяснимы, ведь его талант даже Корбюзье отметил.

– Я практически все перевела и половину, где-то, оформила. Вот, что хотелось уточнить, – Ольга Викторовна заинтересованно разглядывала подлинник, – действительно, одно из писем без подписи и почерк другой, очевидно, это послание Вульфа Грете.

Она передала Марше пачку стандартных листов писчей бумаги. Тексты были отпечатаны на пишущей машинке. Причем сначала на немецком языке. Марша вопросительно посмотрела на Ольгу Викторовну:

– У вас есть печатная машинка с латинским алфавитом?

– Да, конечно, ведь для меня немецкий язык – второй родной.

– Что вы говорите, Ольга Викторовна, расскажите, пожалуйста, ну хоть в общих чертах.

– Рассказать могу, в общих чертах будет уместнее, ведь сейчас мы по другому поводу собрались, и не хочется отвлекаться. Все достаточно тривиально: мои предки, бабушка и дед, сразу после февральской революции семнадцатого эмигрировали в Берлин, где они прожили до конца тридцатых годов. Там родилась моя мама, а перед войной, когда победила национал-социалистическая партия, они уеха-

ли в Швейцарию, просто повезло. Дедушка был известным врачом-хирургом, его пригласили работать, он принял предложение, и это спасло нашу семью. Всю войну они прожили в Берне, там моя мама встретила польского юношу – пианиста Виктора Марциновского, они полюбили друг друга и поженились, а сразу после окончания войны у них родилась я. Потом мы все вернулись в Германию, точнее, в ГДР. Я с детства занималась музыкой и балетом, мечтала учиться в Советском Союзе. В то время между нашими странами были налажены культурные связи. В 1962 году я поступила в балетное училище имени Лавровского в Москве. Успешно закончила его. Меня даже приглашали в Музыкальный театр имени Станиславского и Немировича-Данченко, но сразу дали понять, что примой я не буду, светил только кордебалет. Когда руководство здешнего музыкального театра предложило поучаствовать в новой постановке «Щелкунчика» в роли феи Драже, я не раздумывая согласилась, а потом осталась в труппе солисткой. В этих краях жили мои предки, мне показалось правильным обосноваться здесь. Не знаю, какова была бы моя судьба, останься я в Москве или в ГДР, но жизнь сложилась так, как сложилась. Я все время интересовалась прошлым России, поэтому, когда из-за травмы в тридцать девять лет мне пришлось выйти на пенсию, трудоустроилась в государственный архив и параллельно начала учиться заочно на историческом факультете университета. Должность моя довольно спокойная, есть возможность

почитать, покопаться в старых документах. И еще мне важно, что работа в основном сидячая, я травмированную ногу не перегружаю.

– О, Ольга Викторовна! Вы никогда не жалели, что уехали из Германии?

– Ну, на счет этого нет. Меня воспитывали в любви к России, к ее культуре. Родители гордились своими корнями. Моя карьера балерины сложилась удачно, я объездила много городов и стран с гастрольями. Всегда на виду, в окружении поклонников, здесь я встретила своего будущего мужа, вечная ему память. Жалеть мне не о чем, молодость была яркой, несмотря ни на что. Теперь тебе понятно, почему я именно тот человек, который требуется для перевода этих писем? – Ольга Викторовна засмеялась, – нашла ты специалиста по любовной переписке.

Марша взяла первый напечатанный лист.

«Mein lieber! Nur ein paar Tage sind vergangen, seit unserem letzten treffen, aber wie vermisse ich Sie! Nichts geht in den Kopf, ich Stelle mir nur die wiese, den Teppich, die Sonne und dein lächelndes Gesicht vor. Ans Herz und lösen, keine Kraft. Wie ich alles gerne für nur eine einzige Gelegenheit geben würde, Ihr lächeln wieder zu sehen, hören Sie das klopfen an der Tür und Ihre: „Greta, Greta, gehen Sie auf die Morgendämmerung zu schauen!“. Wie ich dich für diese frühen Besuche hasste, als du mich erwacht hast, hast du mich nicht schlafen lassen und wie ich jetzt bereue, dass ich dich abgelehnt habe! Obwohl ein

paar Morgengrauen wir noch zusammen trafen!» Ich hoffe, Sie haben mich noch nicht vergessen. Ich Wünsche Ihnen Glück. Ich respektiere Ihre Wahl.

Greta, 1931 jahr, Januar».

«Мой дорогой! Всего несколько дней прошло с момента нашей последней встречи, но как мне не хватает вас! Ничего не идет в голову, представляю только луг, ковыль, солнце и ваше улыбающееся лицо. Сжимается сердце, а разжать его – нет сил. Как мне хотелось бы все отдать только за одну единственную возможность увидеть вашу улыбку, снова услышать стук в дверь и ваше: „Грэта, Грэта, идемте смотреть на зарю!“ . Как я ненавидела вас за эти ранние визиты, когда вы будили меня, не давали мне спать и как теперь я жалею, что отказывала вам! Хотя несколько рассветов мы все-таки встретили вместе!» Надеюсь, вы еще не забыли меня. Желаю вам счастья. Уважаю ваш выбор.

Грэта, 1931 год, январь».

– Ольга Викторовна, я хочу смаковать письма понемногу, имея возможность подумать, но меня просто разрывает желание узнать сразу все.

– Найди в себе эти силы, читай медленно, растяни удовольствие, а сейчас покажи-ка мне дом и участок. Да, какой вид-то из окна, не выходя можно нагуляться!

Они надели хозяйские галоши и пошли в сад. Осень – прекрасная разноцветная пора. На черной земле, как мазки художника-пуантилиста, разбросаны листья. Стволы де-

ревьев темные и графичные, по-особенному заметные. Небо синее-синее, несколько редких пухлых облачков подвешены к нему так скромно, чтобы украсить, но не перетяжелить декорацию. Вокруг тишина. Ни жужжания насекомых, ни пения птиц. Осень.

– Какая долгая в этом году осень, вон уже ноябрь скоро, а листья еще не опали, радуют нас своей разноцветной палитрой. Да и тепло вполне.

– Я всегда выделяла весну, апрель и только тут по-настоящему полюбила осень. Может, конечно, этому поспособствовала солнечная сухая погода. Близость к природе – это здорово!

– А что, у тебя с одной стороны соседей нет?

– Нет, там парк начинается. Вернее, парк располагается дальше, а здесь он как раз переходит в такую дикую, свободную фазу.

– Не страшно одной в большом доме, да без соседей?

– Ой, Ольга Викторовна, не пугайте меня. Конечно, если кому надо залезть сюда, то залезут. Это без труда.

– Может, тебе собачку подыскать?

– Да что вы, Вермикулита за глаза хватает, он и то у меня в запустении, на подножном корму иногда, – Марша показала рукой на промчавшегося мимо довольного кота, который пытался поймать невидимую жертву. Он с разгона пробежал вертикально по стволу яблони, развернулся, также стремительно спустился вниз, и боком, боком поскакал куда-то

к забору. Марша и Ольга Викторовна расхохотались от этого неожиданного представления.

– Какой запах! Чувствуешь, Мария? Так пахнет только осенью. Где-то жгут листву, горечь дыма перемешивается с влажной свежестью воздуха! Как хорошо! Хочется сказать, что жизнь прекрасна! А ведь так оно и есть.

Марша протянула Ольге Викторовне листок с недавним письмом:

– Почитайте, пожалуйста, как это звучит на немецком!

Ольга Викторовна произносила фразы немного протяжно, словно стихи.

– Да, просто заслушаться можно, вот он, язык оригинала. Спасибо вам огромное за все, Ольга Викторовна!

– Не за что. А теперь пора уходить: выходной, полно забот и у тебя время не хочу отнимать. Благодарю за приглашение в гости, мне здесь очень понравилось, но ты права, такой дом – лакомый кусок, его обязательно следует под защиту государства пристраивать. Я помогу, чем только сумею, хотя бы, как начать разбираться с бумагами. Надо ведь и интересы наследников учитывать.

Марша проводила гостью до остановки автобуса. Сегодня произошла незапланированная встреча. Утром по телефону Ольга Викторовна сообщила, что у нее дела в том же районе, где живет Марша, попросила разрешения ее навестить и поделиться новостями. Они как-то само собой сдружились, и Ольга Викторовна стала по-матерински обращаться к ней

на «ты» и по имени, забыв свое угрожающее «Шарова!».

Содержание первого письма, прочитанного на двух языках, ничего не разъяснило Марше. Вернувшись домой, она снова взялась за тексты.

«Mein lieber Heinrich! Je weiter die Zeit vergeht, desto verzweifelter liebe ich dich, desto öfter erinnere ich mich an dich und desto hoffnungsloser ist mein gegenwärtiger Zustand...»

«Мой дорогой Генрих! Чем дальше проходит время, тем отчаяннее я люблю Вас, тем чаще вспоминаю Вас и тем безнадежнее мое теперешнее состояние. Мне бы только сидеть в офисе рядом с Вами и выполнять все Ваши прихоти, перечерчивая планы, спорить с Вами, смотреть, как Вы хитро улыбаетесь, глядя на меня, как говорите: «Что Вы, Грэта, куда мне до вас. Вы – талант!». А Вы что, не талант? Как мне жаль Ваш талант. Бесконечно жаль! Спасает только работа, когда я работаю, я мысленно с Вами. Я слышу Ваш голос за спиной, когда Вы разговариваете с другими. И я вдруг заочно начинаю Вас ревновать! Ревновать ко всем вокруг. Все плохие! Только Вы хороший!

Ваша Грэта, 1931 год, март».

После этого письма Марше стало понятно, что Грэта работала вместе с Генрихом, по крайней мере, в одном подразделении. По всей видимости, их специальности были близкими, родственными или одинаковыми. То есть, она архитектор, инженер или хотя бы чертежница. Но ведь в те го-

ды женщины-архитекторы было редкостью даже за рубежом. Грэта, Грэта, загадочная Грэта.

«Генрих, у меня радостная весть, возможно, через месяц мы приедем в Москву в командировку к Эрнсту. Как я жду этого, буду считать каждый день, каждую минуту. Только ради одного, посмотреть в Ваши синие глаза, услышать Ваш голос, вспомнить Вашу славную улыбку...»

Подпись была: «Грэта, 1932 г.».

«Вот это да! Но ведь в 1932 году в Магнитогорске родился Николай Генрихович Вульф! Такое уж в одночасье не случается, значит, после отъезда Грэты Генрих сошелся с будущей матерью Николеньки, вот подлец!», – Марша, расстроившись, до слез, анализировала новости.

Все валилось из рук. Ну что так переживать о делах давно минувших дней. Марша решила поговорить с Ольгой Викторовной, обсудить ситуацию, узнать ее мнение на этот счет.

Звонок телефона смешал ее замыслы.

– Привет, Жень! Приезжай, конечно, ха-ха, дворником у меня? Ну, здорово придумал. Давай, я тоже хочу дворником или помощником дворника. Хорошо, жду!

Женька Бархин решил приехать помочь убрать листву. Марше было немного жалко нарушать эту красоту, они с Ольгой Викторовной так любовались осенним садом! Ну, ничего, листья нападают еще.

Женька приехал быстро на своем новом автомобиле цвета

«баклажан», привез пирог от мамы, чай (это стало доброй традицией), коробку молотого кофе в вакуумной упаковке. Марша такого даже и не видела.

Они нашли грабли, какие-то приспособления в форме веера из металлических прутьев, с загнутыми кончиками, для сгребания листьев. Вдвоем работа шла весело и шумно. Женька все время смешил Маршу, настроение ее быстро исправилось. В результате их сотрудничества собралась большая куча пахучей шуршащей листвы. Женька предложил ее поджечь и нюхать дым.

– Давай будем кофе пить на свежем воздухе, по-походному, стоя.

Они положили в корзинку для пикника, в которой Бархин привез гостинцы, пирог и бутерброды. Вскипятили чайник, заварили кофе в термос и вышли в сад. Солнце спустилось, его последние лучи окрашивали малиновым светом деревья и все вокруг.

– Здорово у тебя тут, Мария, возьми меня в квартиранты. Платить буду натурой. Где гвоздик прибуду, где садовником поработаю. А это что за постройка? Сооружение какое-то длинное, окна большие!

– Да я не знаю, хозяйка флигелем называла. Он не отапливается, я туда и не заходила.

– Ничего себе выдержка, тащи ключи, сейчас как раз глянем. Ключи-то хозяйка оставила?

– Да есть целая связка от всех помещений, схожу, поищу.

Когда она вернулась, Женька стоял лицом к закату, подсвеченный прощальными бликами осеннего скупого солнца, и вдруг как-то сразу стало темно. Двор освещался только квадратом кухонного окна.

– У тебя тут уличный фонарь есть?

– Я не знаю, мне он вроде как не нужен был. Я ж по ночам не брожу по саду, страшноватенько! У меня карманный фонарик хороший, вот захватила. Ну, пошли? Что мы днем-то не отреагировали на этот флигель.

Освещая тусклым светом подборку ключей, сравнивая их поочередно с навесным замком, они нашли, наконец, подходящий. Как ни странно, замок открылся легко и сразу, будто не пробыл нескольких месяцев в бездействии. Женька двинул толстую деревянную дверь из цельных досок.

– Ух! Ничего себе!

Луч фонаря скользил по объему помещения, не находя границ. Бархин посветил на стены в районе двери и нашел выключатель. Свет во флигеле был. Не слишком яркий, вряд ли при нем можно, к примеру, читать, но равномерный, не утомляющий, не напрягающий глаза. Прямоугольное помещение с высокими витражами в продольных стенах оказалось совершенно пустым, отсюда загадка по поводу его назначения. Пол дощатый, некрашенный. Женька пошел вперед, рассматривая что-то. Потом резко развернулся и выскочил во двор.

– Мария, дуй быстро сюда!

Марша, испугалась, ей пришло в голову, вдруг Женька почувствовал неладное в самом помещении, поэтому так стремительно покинул его. Но оказавшись на свободе, она поняла, зачем Бархин ее позвал. Двор был равномерно освещен через огромные окна, подсвечивалась вся площадка перед домом, та, что находилась на небольшом возвышении и выложена крупными, плоскими камнями, между которыми пробивалась трава. С одного края вкопан невысокий столик. Покрытие площадки быстро отводило воду, было прочным и декоративным. Марша встречала в кладовой складные шезлонги. Наверное, хозяйева, их сюда выносили любовались на закат.

– Ты поняла, Мария, это ведь все неспроста сделано. Для освещения зала вполне хватило бы окон с одной стороны, но они предусмотрели окна и с другой, чтобы через них подсвечивать площадку. Кроме того, пошли быстрее, – с этими словами Бархин опять потащил ее во флигель, – смотри, софиты. Театральные или по типу театральных. А теперь вот фокус.

Женька схватил палочку, крутанул ею, и софит развернулся, направив лучи в сторону двора. Подсветка площадки стала более интенсивной. Тогда они начали по очереди включать софиты, разворачивать их, выбегать наружу и смотреть, что происходит с иллюминацией в саду.

– Ну, продуман был хозяин! Я уже неоднократно подмечаю! Совершенно не традиционные штучки тут у него.

– А меня это не удивляет, они немцы, архитекторы, вполне может быть.

– Слушай, а кто, отец или сын, все тут так выстраивал? Не узнавала?

– Да нет, а у кого, я с соседями не общаюсь, и неудобно спрашивать.

– Вот еще, ладно, я сам разведаяю, что смогу.

– Жень, ты только аккуратнее, мне же здесь жить, я надеюсь!

– Обижаешь, я своим враг что ли? Обаянием стану действовать. Слушай, как хорошо, запах кофе, прохладный дымный воздух. Вот, Мария, что еще человеку нужно? Давай жениться и будем счастливы. Всем другим назло. Выкупим домик у твоей хозяйки, я тут все подремонтирую, красота. Вермикулита усыновлю.

Женька, говоря это, не смотрел Марше в глаза, она не знала, как ему отвечать, решила шуткой:

– Конечно, Жень, и будем счастливы, всем друзьям назло...

– Мы часто думаем, что это ветер нам разбросал страницы дневника, мы верим в эхо, предпочитая его словам и песням, не замечаем сквозняка, что волочит по полу наши откровения. И на мгновение нам кажется, мы счастливы, мы счастливы пока...

Женька поставил чашку на столик и молча, не попрощавшись, вышел через калитку, даже не оглянулся. Марша бы-

ла в полном недоумении. Она простояла около затухающего костра еще с полчаса, надеялась, что Женька вернется. Но он не вернулся. Марша собрала чашки в корзинку и медленно побрела в дом. Такое вот длинное получилось воскресенье...

ГЛАВА 17. МАРША. ЛЮБОВЬ

Марша всю неделю переживала. Во-первых, из-за Женьки Бархина. Он так и не появился, не позвонил, просто исчез и все. Марша волновалась, вдруг нечаянно обидела его. Постоянно проигрывала ситуацию, которая произошла в выходные. Вроде он не особенно конкретно что-то сфабриковал про «поженимся», но и она ничего плохого не ответила по этому поводу.

Женька ей нравился. Он был самым настоящим, каким только может состояться мужчина. Деловой, веселый, обаятельный, чрезвычайно порядочный. Потрясающий, преданный друг, абсолютно лишенный корысти, щедрый, добрый, ответственный. Можно продолжать и продолжать. В нем, кажется, не присутствовало ни одной неприглядной черты, и такой человек был один, не имел жены, невесты, официальной подруги. Ему просто не повезло. Марша понимала, что виной тому первая, самая главная любовь его жизни – супруга Антона Круглова, Саша. Он так проникся и прикипел к ней, а теперь к семье Кругловых, что жил отчасти их интересами и проблемами. Комплекс отказника внутри не давал свободы, или же он просто пока не встретил своего человека. Его девушкой, наверное, могла быть Марша, которая подходила ему по всем статьям. Они одного поколения, с похожими опорными точками по жизни, да еще были заоч-

но знакомы на уровне семей. Марша считалась у него близкой, почти родной. Мало того, из-за разницы в возрасте в год он мог позволить вести себя с ней снисходительно, как с маленькой, что добавляло ему сколько-то баллов внутренней уверенности. Марша это понимала, возможно, все и сложилось бы у них с Женькой, пусть не сразу, а через год, два, но невольной помехой опять стал Антон.

Антон. Это была вторая причина переживаний Марши. Патовая ситуация на шахматной доске. Марша воспринимала Антона в двух обличиях. Первый, когда она устраивалась на работу. За время беседы у нее сформировался образ, основанный на его обаянии и авторитете. Марше это было важно, потому что первое впечатление, как она считала, самое истинное. И ей он сразу очень понравился. Второе впечатление оформилось, когда они исправляли ошибку в проекте, работали в экстремальных условиях, вместе поехали на совещание, где нектати Антона свалила болезнь. В этот день он показал себя каким-то естественным, живым, трогательным, короче, замечательным.

Антон отсутствовал практически третью неделю, проходя реабилитацию в санатории, за это время она невозможно накрутила себя, и теперь с ужасом представляла, как будет, когда он приедет. И что могло бы быть, если бы он не приехал. Она все понимала, знала, что у него семья. И не просто семья, его жена – ее коллега, соратница, уже практически подруга, сестра. Знала, что у них замечательная и удивитель-

ная маленькая дочка. Идеальный союз. И вот – с одной стороны ворон Бархин, стережет Сашу, с другой Марша, покушается на Антона. Да нет, она ни на что не претендует, а если не претендует, тогда зачем все это? Может, надо здраво поразмыслить и, наконец, осчастливить друг друга с Евгением Леонидовичем?

Марша вспоминала суетной вечер воскресенья, когда они с Женькой, как дети, носились по усадьбе, проверяя освещенность площадки, жгли костер и пили чудесный кофе. При этом у Марши не исчезало ощущение ожидания. Потом поняла кого – Антона.

На этой неделе произошло еще одно событие. Антон позвонил на работу. Городской телефон стоял около Виталика, и он обычно первым брал трубку. На сей раз Виталика не было на месте. В отсутствие Антона он часть времени проводил в группе смежников, у своей только что наметившейся симпатии – Алочки, которую консультировал по работе в Автокаде. Отличная отмазка для руководства, особенно если ты практически один дружишь с этой техникой. Виталик лелеял тайное желание устроиться по совместительству на должность системного администратора, ждал Антона, чтобы «добить» его своим предложением.

Антон звонил сказать, что в пятницу привезут компьютеры для всех. Он, видимо, настроился говорить об этом с Виталиком, хотел дать ему организационные поручения, и от того, что Марша подняла трубку, немного опешил. Слу-

чилась пауза, во время которой Марша как попугай алёкала, а Антон от неожиданности впал в ступор. Когда замешательство первых секунд прошло, Антон пытался объяснять ей суть, сбивался, начинал сначала. Она заметила, что голос его дрожит. На следующий день Антон позвонил снова и опять попал на Маршу. Они поговорили уже более вразумительно. Марша даже спросила, хорошо ли им отдыхается, как он себя чувствует и чем занята маленькая Лейла, передала приветы от сослуживцев и забрала от него. Эти сепаратные, ну почти сепаратные, переговоры произвели на Маршу сильное впечатление. Она, конечно, не скрывала в комнате, что беседовала с Антоном, передавала поручения и приветы, но его голос, интонации остались между ними. В четверг звонка не было. Марша изошла от ожидания, она предпочитала довольствоваться малым, только бы ее не отлучили совсем, не лишали возможности энергетически подпитываться этим чувством.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.